

РОССИЙСКИЕ ФИННЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

*Материалы межрегиональной
научной конференции, посвященной 20-летию
Ингерманландского союза финнов Карелии*

Государственный комитет Республики Карелия
по вопросам национальной политики и связям
с общественными и религиозными объединениями
Карельский научный центр РАН
Российская академия наук
Институт языка, литературы и истории
Ингерманландский союз финнов Карелии

РОССИЙСКИЕ ФИННЫ: ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА

*Материалы межрегиональной
научной конференции, посвященной 20-летию
Ингерманландского союза финнов Карелии*

Петрозаводск
2010

УДК 947(=511.1) (470.22)

ББК 63.3-36(2Рос.Кар)

Р 76

*Издание осуществляется при финансовой поддержке
Министерства Республики Карелия
по вопросам национальной политики
и связям с религиозными объединениями*

Научный редактор *к. и. н. Е.И. Клементьев*

ISBN 978-59274-0442-1

УДК947 (=511.1) (470.22)

ББК 63. 3-36(2Рос.Кар)

Р 76 **Российские финны: вчера, сегодня завтра.** Сборник статей, посвященный 20-летию Ингерманландского союза финнов Карелии / Науч. ред. Е. И. Клементьев. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2010. 209 с.

В сборнике статей подводятся некоторые результаты исследований в различных областях научного знания, освещается вклад российских финнов в развитие экономики и культуры Карелии.

ISBN 978-59274-0442-1

© Государственный комитет Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с общественными и религиозными объединениями, 2010

© Карельский научный центр РАН, 2010

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2010

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редактора	5
<i>Р. П. Коломайнен.</i> Российские финны: меньше, чем субэтнос, и больше, чем диаспора	8
<i>А. И. Кирьянен.</i> Ингерманландские финны и финский язык в Петербурге и Ленинградской области – современное положение	14
<i>Ирина Такала.</i> Финский язык в Карелии: история и судьба	24
<i>А. И. Бутвило.</i> «Красные финны» в составе партийно-государственной элиты Карельской трудовой коммуны	41
<i>С. Г. Веригин, Э. П. Лайдинен.</i> Финны в воинских формированиях Советской России (1918–1940 годы)	50
<i>Е. Ю. Дубровская.</i> «...О времени и о себе...»: воспоминания «красных финнов» о революции и гражданской войне в Карелии	63
<i>Е. А. Кочеткова.</i> Вклад финнов-иммигрантов в строительство Кондопожского ЦБК (1920–1930-е годы)	70
<i>В. В. Иштонкова.</i> «Как погасили “Луч”». Последние годы коммуны «Säde»	76
<i>И. А. Муллонен.</i> Адаптация ингерманландских финнов к новым условиям жизни в Карелии во второй половине XX века	86
<i>Н. В. Чикина.</i> Викстремы и детская литература	94
<i>Н. Ю. Гродницкая.</i> Гельмер Синисало – классик и современник	99
<i>А. С. Максимова.</i> Наследие Карла и Эрика Раутио в рукописном нотном фонде Государственного национального ансамбля песни и танца Карелии «Кантеле»	107
<i>И. Б. Семакова.</i> Тойво Вайнонен и его «школа»	111
<i>Е. Г. Сойни.</i> Российские финны в публицистике Ивана и Бориса Солоневичей	123
<i>Е. И. Маркова.</i> Роль трудов Э. Л. Алто в литературоведении Карелии	130
<i>А. И. Мишин.</i> Ингерманландия в поэзии	137
<i>С. Э. Яловицына.</i> Лютеранская церковь в жизни российских финнов	146
<i>О. В. Дыба.</i> Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии на территории России. Карельское пробство	160
<i>В. И. Мусаев.</i> Возрождение религиозной жизни российских финнов-лютеран в 1960–1990-х годах	162
<i>Н. В. Васильева.</i> Развитие системы обучения финскому языку в Республике Карелия	168
<i>Е. М. Семёнова, Л. А. Федорец.</i> Аспекты оптимизации обучения финскому языку в МОУ «Средняя общеобразовательная финно-угорская школа имени Элиаса Лённрота» г. Петрозаводска	174

<i>Н. С. Братчикова.</i> Преподавание финского языка в московском регионе	180
<i>Т. И. Старшова.</i> Роль Петрозаводского государственного университета в подготовке научно-педагогических кадров по финскому языку	183
<i>А. В. Еремеев.</i> Финский язык в передачах службы информационных программ радио и телевидения ГТРК «Карелия»	190
<i>Н. В. Денисова.</i> О роли детского журнала «Кипиня» в поддержке изучения финского языка	192
<i>И. А. Коломайнен.</i> Хор «Инкери» сохраняет песенные традиции народа	199
<i>Г. Г. Ханенко.</i> Исторические предпосылки развития этнокультурного центра «Туоми»	201
Рекомендации Межрегиональной научно-практической конференции «Российские финны: вчера, сегодня, завтра»	204

ОТ РЕДАКТОРА

Официальное понятие «российские финны» утвердилось в связи с принятием 29 июня 1993 г. Верховным Советом Российской Федерации Постановления «О реабилитации российских финнов». В этом собирательном понятии оказались включенными все этнические группы финнов, проживающих в России: американские финны, канадские финны, финны, мигрировавшие в Россию в разные годы, и финны-ингерманландцы.

Особенность принятого Верховным Советом РФ постановления состоит в том, что он прежде всего затрагивал интересы коренного финского населения нашей страны какими являются финны-ингерманландцы. Именно они, активисты ингерманландского национального движения Карелии, поддержанные республиканским правительством, депутатом Верховного Совета РФ А. Аникиевым инициировали начало подготовки, многократных обсуждений проекта данного постановления. И хотя постановление предоставляло персональную реабилитацию финнов, а не реабилитации финнов-инкери как этнического образования, бывший председатель Ингерманландского союза финнов (ИСФК) И. А. Муллонен подчеркнул: «считаю восстановление юридических прав ингерменладских финнов самым главным достижением в нашей деятельности»¹.

Трудный поиск путей решения комплекса сложных реабилитационных проблем ИСФК осуществлял одновременно с огромной этнокультурной, прежде всего работой по распространению культурно-языкового наследия среди своих соплеменников².

После принятия постановления прошло почти 20 лет. Отсутствие государственной программы социально-экономического, этнокультурного, в том числе языкового развития российских финнов заметно отражается на современном этнокультурном и языковом состоянии российских финнов. По оценке И. Такала, «создание нормативно-правовой базы, как и усилий по расширению препода-

---

¹ Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2006. С. 177.

² См. подробнее: Ингерманландские финны. С.

вания финского языка, вовсе недостаточно для обеспечения сохранения российским финнами своего этнокультурного и языкового своеобразия». Современная ситуация такова, что «сохранность и жизнеспособность финноязычной культуры при постоянном уменьшении финского населения (и за счет эмиграции, и в результате аккультурации) вызывает серьезные сомнения»³.

Статьи настоящего сборника (их 26) в какой-то мере подводят итоги этой работы с тем, чтобы, как справедливо полагает Р. П. Коломайнен, активно формировать этничность российских финнов в формах современной культуры и современного знания в конкретных условиях современной России⁴.

Все статьи сборника условно могут быть разделены на группы.

К первой группе могут быть отнесены статьи, посвященные общим проблемам теории этноса и месту российских финнов в иерархии этнических образований (Р. П. Коломайнен), в известной мере определяющие их этноисторическое и языковое развитие, в том числе состояние финского языка в многоязычной среде современной российской действительности (А. И. Кирьянен, Ирины Такала).

Вторую группу составляют статьи, повествующие об участии финнов в нациестроительстве Карелии, в революционных событиях, гражданской войне, в формировании национальных частей Красной Армии (А. И. Бутвило, совместная статья С. Г. Веригина и Э. П. Лайдинен, Е. Ю. Дубровская). К этой же группе примыкают статьи, освещающие участие финнов в экономическом развитии Карелии в довоенные годы (Е. А. Кочеткова, В. В. Иштонкова, И. А. Муллонен).

Третья группа представлена статьями-персоналиями. о писательской династии Викстремов – Ульясе Карловиче и Терту Ульясовне (Н. В. Чикина), о композиторе Гельмере-Райнер Синисало (Н. Ю. Гродницкая), о композиторах Карле и Эрике Раути (А. В. Максимова), о Тойво Вайнонене и его школе кантелистов (И. Б. Семакова), о публицистике Ивана и Бориса Солоневичей (Е. Г. Сойни), о филологе-исследовательнице финноязычной лите-

---

³ См. статью Ирины Такала «Финский язык в Карелии: история и судьба» в настоящем сборнике.

⁴ См. подробнее статью Р. П. Коломанена в настоящем сборнике.

ратуры Элли Львовне Алто (Е. И. Маркова), об ингерманландской поэзии (А. И. Мишин).

О многотрудной судьбе Церкви Ингрии и роли религии в жизни российских финнов повествуют статьи С. Э. Яловицкой, О. В. Дыба и В. И. Мусаева, составивших четвёртую группу статей сборника..

В серии статей (Н. В. Васильевой, Е. М. Семёновой и Л. А. Федорец, Н. С. Братчиковой) – пятой группе – обсуждаются вопросы преподавания финского языка в общеобразовательных учреждениях Республики Карелия и на кафедре финно-угорской филологии Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Роли Петрозаводского государственного университета в подготовке научно-педагогических кадров по финскому языку со дня его основания вплоть до настоящего времени посвящена статья Т. И. Старшовой.

Шестая группа статей рассматривает вопросы использования финского языка в средствах массовой информации Карелии (А. В. Еремеев), роли детского журнала «Кипня» в сохранении финского языка (И. В. Денисова). Две статьи (И. А. Коломайнен и Г. Г. Ханенко) повествуют о значении хора «Инкери» и этнокультурного центра в сохранении музыкального и прикладного наследия финнов.

Выполнение принятой конференцией резолюции, адресованной Исполнительным органам государственной власти Республики Карелия, г. Санкт–Петербурга и Ленинградской области, реализующим полномочия в сфере национальной политики, образования и культуры, органам местного самоуправления Республики Карелия и Ленинградской области, а так же общественным объединениям представляющим интересы российских финнов станет ответом на ожидания российских финнов, что у финноязычного культурно-языкового наследия есть перспективы развития.

Евгений Клементьев

РОССИЙСКИЕ ФИННЫ: МЕНЬШЕ, ЧЕМ СУБЭТНОС, И БОЛЬШЕ, ЧЕМ ДИАСПОРА

Задача нашей научно-практической конференции представляется двоякой. Во-первых, мы должны обогатить и углубить своё представление об этничности российских финнов в свете современных научных знаний, результатов конкретных исследований и этнокультурной практики. Как и прежде, мы убеждаемся сегодня снова и снова в истине, которую известный лингвист и литературовед Д. Н. Овсяников-Куликовский выразил ещё до революции: «Национальность есть явление, по преимуществу интеллектуального порядка. Поэтому интеллигенция полнее других слоёв населения выражает национальную 'подоплеку' народа».

Национальной интеллигенции принадлежит ключевая роль в современном процессе осмысления, сохранения и обогащения этнокультурного опыта российских финнов.

Во-вторых, нам необходимо на основе продвинутого этнического самосознания осмыслить и оценить основные практические усилия по сохранению этнической идентичности российских финнов на современном этапе нашей истории. Эти две стороны двуединой задачи органически взаимосвязаны именно в силу деятельностной природы этничности.

Следует со всей определённостью подчеркнуть именно деятельностный характер нашего этнического бытия. Такова общая закономерность всех этнических общностей. Согласно мнению ведущего российского этнолога В. А. Тишкова, этнические общности являются социальными конструкциями, возникающими и существующими в результате целенаправленных усилий людей и создаваемых ими институтов.

Приведённый тезис можно дополнить: наша интеллигенция, как и интеллигенция любой другой этнической группы или этноса, не только *выражает* национальную «подоплёку» своей этнической группы, но и *активно формирует* этничность российских финнов

в формах современной культуры и современного знания в конкретных условиях современной России.

Действительно, природа создаёт для нас только предпосылки, только сырой материал, биологическую и психическую субстанцию для сознательного, а в чём-то и подсознательного, спонтанного формирования и раскрытия этничности под воздействием конкретных социальных, политических и культурных факторов. Практически получается так, что в современных условиях сохранение этнического своеобразия требует от российских финнов интенсификации индивидуальных и коллективных усилий в рамках тех возможностей, которые современное российское государство и общество нам предоставляют.

В настоящее время нет принципиальных объективных препятствий для эффективного функционирования основных этнозащитных механизмов российских финнов. К таким механизмам относятся:

- свободная от репрессивно–идеологического контроля финская культура;
- независимый от идеологических наслоений советского периода финский язык и его российские (ингерманландские) диалекты;
- религия и церковь (традиционно лютеранская);
- культурные традиции (как общефинские, так и региональные в России, в первую очередь ингерманландские);
- литературное и журналистское творчество на родном и русском языках, не отягощенное идеологическим заказом или культурно–политическим кураторством;
- свободное, бесцензурное конструирование этнического образа (картины) мира российских финнов в форме архивных, исторических, этнологических и культурологических исследований, на материале документальной литературы, воспоминаний, жизненных историй;
- «прозрачность» границы России с Финляндией. Граница не только разделяет, т. е. выполняет не только барьерную функцию, но и соединительную «мембранную» функцию, благодаря которой стала возможной этнокультурная, этноконфессиональная и этноязыковая «подпитка» российских финнов из страны их исторического происхождения.

В постсоветский период взгляды на природу этничности и этнополитическая практика претерпели столь существенные изменения, что российские финны вправе сегодня на уровне научно-практическом обсуждать вопрос о концептуальном статусе своей этнической группы. В массовом сознании широко распространились понятия «диаспора» и «коренной народ». Этническое самочувствие российских финнов зависело и зависит от ясного и чёткого представления об объективной, независимой от идеологии и политической конъюнктуры общества природе своей этнической общности.

Приведу, по оценке специалистов, наиболее корректное определение диаспоры, которое даёт этнолог Юрий Платонов: «Под диаспорой понимается этнос или часть этноса, проживающая вне своей исторической родины или территории обитания этнического массива и не желающая потерять этнические групповые характеристики, заметно отличающие её от остального населения страны пребывания, а также вынужденная (осознанно или неосознанно) подчиняться принятому в ней порядку».

Как же российским финнам позиционировать себя в полиэтничном пространстве современной России, в изменившейся системе этнических идентичностей?

Адекватный ответ на этот вопрос можно дать только с учётом так называемой национальной динамики, когда при изменении количественных и качественных характеристик этнической группы российских финнов сохраняется её целостность.

Межрегиональный статус конференции напоминает нам о былом, беспрецедентно диффузном насильственном расселении российских финнов в советский период. Речь идёт об ингерманландских финнах, подвергшихся депортациям, или массовому принудительному выселению в самые отдалённые районы страны. Именно они составляли тогда и составляют поныне коренную часть нашей этнической группы, её субстрат, исторические корни которого простираются до второго столетия нового времени (новое время исчисляется условно с 1500-го года).

В XVII веке, за двести лет до того, как началось становление финской нации на территории Великого Княжества Финляндского в составе Российской империи (а началось оно в середине XIX ве-

ка), финские переселенцы начали осваивать территорию современной Ленинградской области. Ингерманландских финнов можно с полным основанием относить к коренному населению Северо-Запада России. С этноисторической точки зрения они являются финским субэтносом, или частью финского этноса, сопоставимым с коренными финскими меньшинствами на сопредельных с современной Финляндией территориях Швеции и Норвегии (Tornionjoen laakson suomalaiset в Швеции, kveenit в Норвегии).

Специалисты по истории языка, народной культуры, фольклору, этнопсихологии, исторической этнологии могут привести примеры, свидетельствующие о том, как в ингерманландских диалектах, обычаях, традиционном укладе жизни, этнокультурной практике и даже в психическом складе ингерманландских финнов сохранялись архаические черты того этнического субстрата, того основного этнического материала, из которого сформировалась финская нация во второй половине XIX века. Их можно назвать и особой этнографической группой финского этноса – в этом смысле субэтнос и этнографическая группа тождественны.

Вот как характеризует ингерманландские диалекты В. М. Олыкайнен в своём «Словаре северно-ингерманландских говоров финского языка» (2003): «Финское население Ленинградской области в силу исторических обстоятельств веками жило в изоляции от своих финских соплеменников и его речь в меньшей степени подверглась нивелирующему воздействию финского литературного языка, чем народная речь на территории Финляндии. Поэтому в ней до сих пор сохранилось немало архаичных элементов».

В отличие от финских субэтносов Швеции и Норвегии, ингерманландские финны не утрачивали связи с современным финским литературным языком и не пытались создать на основе своих диалектов региональный литературный язык.

В непосредственной близости, практически рядом с ингерманландскими финнами после присоединения Финляндии к Российской империи (1809 год) во второй половине XIX века сформировалась этническая подгруппа «петербургские финны». В ней отражалась социокультурная специфика населения тогдашней Финляндии. Фактически эта подгруппа, состоявшая из финляндских уроженцев – «трудовых мигрантов», представляла собой диаспору –

в отличие от ингерманладских финнов. Во время революции и гражданской войны в России большая часть находившихся в Петербургской губернии и самом мегаполисе финских мигрантов вернулась в Финляндию.

К диаспоре следует отнести и мурманских финнов, обосновавшихся на побережье Баренцева моря во второй половине XIX века, а также так называемых сибирских финнов, или финнов, сосланных в XIX веке в Сибирь на каторгу и поселение за тяжкие преступления и бродяжничество. В 1920–1930-е годы ряды российских финнов значительно пополнили эмигранты из Финляндии, Швеции, Соединённых Штатов Америки и Канады.

Таким образом, к середине 1930-х годов российские финны представляли собой сложносоставную этническую группу, в которой субстратные черты ингерманладского субэтнуса сочетались с чертами обновившейся диаспоры.

В 1930-е и 1940-е годы в результате целенаправленной государственной политики была разрушена территориальная идентичность ингерманладского субэтнуса. В последующий период вплоть до наших дней она сохранялась лишь в этнокультурной памяти субэтнуса. По существу, лишь в форме фантомных ощущений.

В отношении ингерманландских финнов теоретически было возможно два варианта решения вопроса: национально-культурная автономия и областная автономия. Сталин принципиально отвергал первый вариант, считая единственно правильным второй. В этом случае имели дело «не с фикцией без территории», а с «определённым населением, живущим на определённой территории».

Вопреки этому принципу финское население Ленинградской области было превращено как раз в «фикцию» без своей этнической территории, без финского языка и своей национальной культуры. Родной язык и национальная культура финнов стали доступными в Ленинградской области лишь в конце 1980-х годов прошлого века.

Как эти деструктивные изменения осмыслены на уровне общественного сознания сегодня? Возьмём для примера изданную в этом году «Историю России. XX век. 1939–2007» (генеральный директор проекта и ответственный редактор доктор

исторических наук, профессор МГИМО(У) Андрей Зубов, «Издательство Астрель», Москва 2009 год, 847 стр.). В период с 1920 по 1952 год было проведено 53 депортационные кампании и примерно 130 соответствующих операций. В списке этих кампаний «Категории депортируемых» финны прямо упоминаются трижды: «Финны и поляки в приграничной полосе на Западе и Северо-Западе СССР, 1929–1930 гг.»; «Немцы и финны, 1941–1942 гг.» (в тексте расшифровывается: депортированы финны и ингерманландцы, около 100 тысяч человек); «Финны-репатрианты из Ленинграда и Ленинградской области» после войны. Кроме того, финны фигурируют, правда неявно, и в других категориях депортируемых: «Кулаки» во время коллективизации 1930–1936 гг.; «Трудармейцы» 1941–1942 гг.; «Коллаборационисты» (около 5000 человек).

В результате ингерманландский субэтнос был «растворен» в диаспоре «российские финны», его территориальная идентичность и историческое прошлое игнорировались и даже «репрессировались». Новой этнотерриториальной идентичности у российских финнов на земле близкородственного карельского народа не суждено было сформироваться. Тем более, что в последние 20 лет процессы языковой дифференциации в Республике Карелия развивались интенсивно, и финский язык утрачивает свою этноконсолидирующую функцию для наших прибалтийско-финских народов. Очевидно, утрата этнической «первопочвы» не могла компенсироваться даже значительными успехами в сфере финноязычной культуры Карелии и уникальным вкладом диаспоры в её развитие.

Финноязычная «высокая культура», унаследованная от прошлого века, является общим достоянием финнов, карелов и вепсов. Она представляет значительный культурный ресурс для современных российских финнов. Его использование и развитие предполагает более высокий уровень региональной идентичности финнов Карелии, Петербурга и Ленинградской области, предполагает, по существу, укрепление и развитие их этнического самосознания на межрегиональном уровне.

Вот на это и должны быть направлены наши усилия сегодня и в ближайшем будущем.

ИНГЕРМАНЛАНДСКИЕ ФИННЫ И ФИНСКИЙ ЯЗЫК В ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ – СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

Краткий исторический экскурс.

Исторически предками ингерманландских финнов или финнов-инкери были два племени: еврейцы (*äyämöiset*) и савакоты (*savakot, savakkotit, savolaiset*). Эти племена проживали на севере Карельского перешейка и в северном Приладожье. Центральным населённым пунктом у еврейцев было городище (деревня) *Äyärää*, современный посёлок Барышево, находящийся в 50 км к юго-востоку от Выборга. Территория их расселения – это более 2/3 современного Выборгского района Ленинградской области и часть южной Финляндии. К востоку и северо-востоку от еврейцев жили савакоты, занимавшие половину территории современного Приозерского района Ленинградской области, северное Приладожье и часть юго-восточной Финляндии. Таким образом, территория расселения предков современных ингерманландских финнов более, чем на 2/3, приходится на территорию современной Ленинградской области.

В XVII веке, когда центральная, северная и западная части современной Ленинградской области отошли к Шведскому королевству, на эти земли были переселены еврейцы и савакоты и территория получила статус шведской провинции Ингерманландия. В действительности, название Ингерманландия восходит к 1019 году, когда шведская принцесса Ингерда (Ингерда) была выдана замуж за Новгородского князя Ярослава и ей были дарованы эти земли. В Шведской историографии даётся обоснование этого названия – *Ingers manners land* (земля людей принцессы Ингерды). Это было необходимо для обоснования притязаний на эти земли.

Естественно, название территории происходит от реки Ижоры (*Inkere, Inkeri-joki* по-фински, по-ижорски). Ижорская земля – по-русски, *Inkerenmaa (Inkerinmaa)* – по-фински. Шведы добавили слово *land* и получилось *Ingermanland*. Более того, название Ижора восходит к древне-саамскому (лапландскому) слову «ижа», что означало «отец» (по-фински отец – *isä*). Ижора – самая длинная река

на юге Ленинградской области (81 км), длиннее Невы и поэтому она получила названия река-отец. Легенда о принцессе – не более, чем красивая легенда.

К сожалению, легенда о принцессе вошла не только в зарубежную, но и в российскую и советскую историографию. Получается, что официальная советская историография готова была поддерживать легенду о шведской принцессе, лишь бы не упоминать о финно-уграх Ленинградской области. Так, например, ингерманландские финны были даже исключены из списка коренных народов Советского Союза и до сих пор не восстановлены. Самый же древний из известных народов Ленинградской области «водь» была включена в список коренных народов России только в 2008 году, благодаря стараниям ряда общественных организаций, в том числе и «Инкерин Лиитто».

У ингерманландских финнов проявление в массовом порядке национального самосознания было вызвано к жизни национально-культурным подъемом, последовавшим после отмены крепостного права в 1861 году и земских реформ Александра II. Это явление почти одновременно произошло на двух территориях. В Великом княжестве Финляндия отдельные этнические группы перестали именовать себя древним родовым именем и в обиход вошло понятие финны-суоми (*suomalaiset*). Начался процесс создания самостоятельного независимого государства.

Почти в это же время, начиная с середины 19-го столетия, на территории Ингерманландии исчезают из употребления названия *äygmöiset ja savakotit*. Вместо них для обозначения своей этнической принадлежности в обиход входят слова «финны» (*suomalaiset*) или ингерманландские финны (*inkerinsuomalaiset*). При этом в официальных документах встречаются названия петербургские финны, петроградские финны (после 1914 года), ленинградские финны и даже латыши, т.е. пишущие на латинской основе.

Первое учебное заведение в Финляндии, которое стало готовить национальные кадры на финском языке, было основано в 1861 году в городе Ювяскюля, а в Ингерманландии через 2 года в 1863 году в Больших Колпанах под Гатчиной открыли первую учительскую семинарию. Таким образом, после 1861 года вместе

с первыми ростками национальной культуры выросло первое поколение национальной интеллигенции и наши предки впервые в полной степени осознали себя единой этнической общностью – *inkerinsuomalaisia*. С появлением национальных школ и СМИ, освещавших вопросы развития образования на родном языке, культуры, поддержания народных традиций, вопросы повседневной жизни национальной общины, начался настоящий национально-культурный подъём в самосознании ингерманландских финнов.

*Второй этап национально-культурного подъёма
и последовавшие репрессии.*

Второй этап национально-культурного подъёма в истории Ингерманландии произошёл после заключения Тартуского мира (1920 год) и был обусловлен двумя факторами: во-первых, гарантированной мирным договором культурной автономией ингерманландцев, а во вторых, стремлением советских властей «просветить» подвластных финских крестьян в коммунистическом духе, сделав их «авангардом прогрессивных сил финского народа» к тому моменту, когда в Финляндии произойдет пролетарская революция.

В Ленинграде и других местах, при участии так называемых «красных финнов» – революционных эмигрантов из Финляндии, – издавались газеты и журналы на финском языке «*Varaus*», «*Nuori kaarti*», «*Punalipri*» и даже «*Punakantele*», существовало издательство «*Kirja*», было организовано финноязычное радиовещание. Интересными образцами финской прессы являлись районные газеты Ленинградской области – такие, как, например, «*Toksovan kolhoznik*». Для представителей других финно-язычных этносов Ленинградской области (ижоры, вепсов) в 1920–х годах и в первую половину 1930-х были разработаны алфавиты на основе как латиницы, так и кириллицы, велось преподавание в школах на родных языках.

До 30-х годов XX столетия финны численностью около 150 тысяч человек составляли примерно 3/4 сельского населения Ингерманландии, занимали второе место по численности сельского населения Ленинградской области. Наличие Куйвозовского финского национального района, 64 национальных финских сельских сове-

тов, обширнейшей сети школ и других учебных заведений с финским языком подчёркивало статус ингерманландских финнов в Ленинградской области.

С началом массовых репрессий 1930-х годов все финские школы, другие учебные заведения с преподаванием финского языка, все финно-язычные СМИ в Ингерманландии перестали существовать. Финская деятельность надолго замерла. Ингерманландская пресса во всем мире ограничивалась в послевоенные годы журналом «Inkeriläisten viesti», который был основан в Финляндии беженцами из Советской России и выходит по сей день, до некоторой степени играя роль объединяющего фактора для представителей разных поколений ингерманландских репатриантов в Финляндии.

Современное положение.

Совсем другую картину мы наблюдаем во второй половине XX столетия: ни одного административного национального образования, финский язык преподаётся в 13 школах Петербурга, но только в 5 как один из основных иностранных языков, а в остальных школах – факультативно или в виде платных курсов. В некоторых школах Ленинградской области финский язык преподаётся, но, основном, факультативно. Статус финского языка как языка коренного народа России, отсутствует. Это следствие того, что ингерманландские финны не упомянуты среди народов, исторически и этнически сформировавшихся на территории Российской Федерации, не включены в реестр коренных малочисленных народов Российской Федерации.

В результате массовых репрессий ингерманландские финны как народ были не только высланы со своей исторической территории, на которой народ сформировался, но и лишён официального, а следовательно и юридического права на свою историческую и этническую родину.

Если исходить из этого, то мы не имеем права и на государственную поддержку как со стороны правительства, так и субъектов Российской Федерации в виде программы «Сохранения и развития ингерманландских финнов», не имеем права на статус языка как языка коренного народа России и так далее. Но мы не являемся

и никогда наши предки не были гражданами Финляндии. Государства Финляндия в XVII веке не было, а было Шведское королевство.

Таким образом, ингерманландские финны оказались среди народов земного шара, лишившихся земли, родины и лишь чудом сумевших частично сохранить язык, традиции и культуру своих предков. Эта проблема стоит перед многими народами земного шара, живущими по разные стороны границ двух или нескольких государств. Границы государств могут меняться несколько раз в течение даже столетия, а народ как жил, так и продолжает жить на данной территории. Отсюда вывод: народ – первичен, государство – вторично. Один и тот же народ может считаться коренным сразу в нескольких государствах.

Народ без истории, традиций, культуры, языка должен исчезнуть, раствориться. Однако мы будем прилагать все усилия к тому, чтобы этого не произошло. Мировая культура теряет одну из своих частиц. *Поэтому мы считаем необходимым:*

- вернуть ингерманландским финнам исторический статус коренного малочисленного народа России,

- принять программные документы по сохранению и развитию культуры финнов-инкери,

- придать финскому языку статус одного из основных иностранных языков на территории Санкт-Петербурга, Ленинградской области и Карелии (возможны варианты: регионального иностранного языка или языка приграничного сотрудничества), а также официально признать его вторым родным языком (после русского) для ингерманландских финнов.

Часто говорят, что коренными народами Ингерманландии являются воедь и ижора. Ингерманландские же финны приехали из Финляндии. Действительно, нашими предками были в основном еврейцы и саввакоты. Но жили-то они в северной части Карельского перешейка, Выборгском и Кексгольмском (Приозерском) уездах, северном Приладжье и в юго-восточной части современной Финляндии. Большая часть этой территории сейчас входит в состав Российской Федерации. Если нас, финнов-инкери, не считать коренным народом России, то тогда и вышеупомянутые территории не должны быть частью России. Какие возникнут политические проблемы! Это повод для серьёзного обдумывания в Мини-

стерстве по региональному развитию, а также в правительствах Санкт-Петербурга, Ленинградской области и, вероятно, Карелии.

В ноябре 2008 года в администрации Ленинградской области проходила Межрегиональная научно-практическая конференция «Финно-угорские народы северо-запада России». На ней было отмечено, что водь внесена в реестр коренных малочисленных народов Российской Федерации. Действительно, историческая справедливость восторжествовала. Но как могло получиться, что самый древний народ Ленинградской области не был в реестре коренных народов России.

В Большой советской энциклопедии за 1951 [БСЭ, т.8] в статье «Водь» сказано: ... «уже к 16 веку водь потеряла все свои этнические особенности». Это означает, что води как народа больше нет на земле. В 1996 году в Будапеште проходил 2-й Всемирный конгресс финно-угорских народов и делегация ингерманландских финнов включила в свой состав одного вожанина. Это был, вероятно, первый и единственный приезд представителя води не только в Венгрию, но и в Западную Европу.

Начиная с середины 1930-х годов, в течение 60 лет о води, ижоре, ингерманландских финнах нигде не упоминалось ни в прессе, ни в официальных документах. Эти народы должны были исчезнуть с лица земли, причём так, чтобы никто из будущих поколений ничего бы не нашёл об этих народах в литературных и официальных источниках.

На той же конференции в ноябре 2008 года от «Инкерин Лиитто» и национально-культурной автономии ингерманландских финнов было сделано предложение о принятии Закона о коренных малочисленных народах Ленинградской области и включении в него ингерманландских финнов как субъектов, подпадающих под этот закон. Вторым этапом было предложение подготовить документы для включения ингерманландских финнов в государственный реестр коренных народов РФ. Пока, к сожалению, Закон о коренных малочисленных народах Ленинградской области не подготовлен и, соответственно, статус финнов-инкери не ясен.

Справедливости ради надо признать, что Закон РФ «О коренных малочисленных народах» подразумевает включение в него тех народов, которые ведут традиционный образ жизни и хозяйст

ния на исторических территориях. Ингерманландские финны в результате репрессий оказались разбросанными по всей территории РФ и даже на своей исторической родине Ингерманландии расселены дисперсно и составляют не более 0,3% всего населения Санкт-Петербурга и Ленинградской области. Но это не означает, что можно закрыть глаза на существование этого народа и его проблемы. Когда я как председатель общественной организации «Инкерин Лиитто» (Ингерманландский союз) и национально-культурной автономии ингерманландских финнов перед 5-м Всемирным конгрессом финно-угорских народов в Ханты-Мансийске в мае 2008 года заявил, что в своём докладе на конгрессе сделаю упор на статус финнов-инкери и, особенно, води, то вопрос о признании води коренным народом был решён за полгода.

С финнами-инкери – сложнее. Мы не ведём традиционный образ жизни и хозяйствования, не живём компактно. Это – естественно. Научно-технический прогресс и развитие экономики вносят свои коррективы в социально-экономическое развитие народов. Но от этого сам народ никуда не исчезает и он хочет сохраниться в будущем, а не раствориться среди других. Тем более, что это касается народа исторически сложившегося на территории Ингерманландии. Поэтому статус финнов-инкери в Российской Федерации должен быть определён.

*О современном положении финского языка
в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.*

Финский язык, наряду с русским, для ингерманландских финнов является родным языком. Дети должны слышать его дома с младенчества. Однако большинство родителей языка не знают. Поэтому приобщение детей к финской культуре, воспитание их в духе национальных традиций можно и нужно осуществлять в детских садах и школах.

Опыт работы в детских садах показал, что вводить финский язык в детских садах и школах надо в тех местах, где проживает много ингерманландских финнов. Общественная организация не в состоянии финансировать собственные школы и детские сады, поэтому финский язык целесообразно вводить в существующих поселковых детских садах и школах города и области как второй

родной язык для финнов-инкери и второй иностранный для всех желающих его изучать.

Из 4-х школ Петербурга с преподаванием финского языка в основной сетке учебных часов в 2009-10 учебном году осталось только две, в которых осуществляется полный цикл преподавания языка. В остальных переходят на факультативную и платную основу. Возрождается преподавание финского языка в школе «Тайми», правда школа статуса «финская» больше не имеет. Ещё финский язык преподаётся факультативно в 11 школах Петербурга.

В Ленинградской области только в Гатчине, Выборге и Колтушах сохраняется преподавание финского языка. Во всех школах проблема с учебниками и пособиями, с преподавательскими кадрами.

Задача «Инкерин Лиитто» и автономий – поднять статус финского языка в Санкт-Петербурге и Ленинградской области до уровня немецкого или французского языков. Эти языки являются официальными иностранными языками на территории Российской Федерации и для их преподавания в школе требуется лишь желание руководства школы, согласованное с районным отделом образования, а также желание родителей и детей.

С финским языком намного сложнее. Нет единой государственной или региональной программы обучения финскому языку и финской культуре в детских садах и школах. При поступлении на отделение финского языка Петрозаводского университета абитуриент сдавал экзамен по финскому языку, который он изучал в школе и имел об этом соответствующую запись в аттестате. В Карелии финский язык имеет определённый статус и в Карелии принят закон «О языке».

При поступлении же на кафедру финно-угорской филологии Санкт-Петербургского государственного университета или на кафедры, готовящие специалистов по финскому языку в Государственном педагогическом университете имени А.И.Герцена, в Христианской академии или в Невском институте языка и культуры, абитуриент сдаёт не финский язык, а другой иностранный. Причина – отсутствие единой школьной программы и, соответственно, программы сдачи экзамена по финскому языку. С введением ЕГЭ финский язык в аттестате оказывается вообще не нужным.

За последние годы школы города и области уже осуществили выпуск школьников, изучавших финский язык. При поступлении на финские отделения высших учебных заведений они имели право сдавать финский язык в качестве вступительного экзамена. Но такого прецедента ещё не было. Трудно ожидать, что абитуриент в приёмной комиссии начнёт отстаивать своё право сдавать финский язык.

Задача «Инкерин Лиитто», автономии и «Ингерманландского учебно-научного центра» совместно с комитетами по образованию города и области подготовить единую региональную программу обучения финскому языку и культуре в Санкт-Петербурге и области. Общественные организации по своему статусу могут помогать комитетам по образованию в создании такой программы. Поэтому для полноправного и плодотворного сотрудничества была создана собственная образовательная структура – «Ингерманландский учебно-научный центр».

Обучение финскому языку и подготовка кадров в «Инкерин Лиитто» и «Ингерманландском учебно-научном центре».

Обеспечение доступа к изучению финского языка для всех желающих – первейшая задача «Инкерин Лиитто» и его местных организаций. Курсы финского языка для лиц всех возрастов, независимо от уровня владения языком и базового образования, должны стать доступными для всех желающих.

Со дня основания «Инкерин Лиитто» на курсах финского языка в Петербурге и в области занимались десятки человек в течение учебного года. С 1999 года под патронажем Министерств труда и образования Финляндии «Инкерин Лиитто» существенно расширило сеть курсов по обучению финскому языку, знакомству с культурой и традициями своего народа. В разные годы в Петербурге и области было создано 19-30 взрослых групп и несколько детских. В каждую группу набирается не менее 15-20 человек. Таким образом, одновременно почти 300-700 человек ежегодно изучают у нас финский язык, знакомятся с культурой и обычаями своих предков.

Профессиональная подготовка и переподготовка учителей финского языка – вторая важнейшая задача «Инкерин Лиитто». Многие годы такая подготовка осуществлялась на курсах и семинарах для учителей, однако они не носили систематического характера.

В 1996 году Хельсинский университет в лице факультета повышения квалификации города Вантаа организовал подготовку и переподготовку учителей финского языка для школ Петербурга и области. Занятия проходили в течение полутора лет в Петербурге с недельной стажировкой в Финляндии. Обучение заканчивалось написанием заключительной (дипломной) работы. Пять групп учителей по 17 человек в каждой закончили обучение и получили соответствующий сертификат на право преподавания финского языка.

Следует отметить, что «Инкерин Лиитто» является общественной организацией и документы о прохождении обучения и повышении квалификации, выданные ею, вообще говоря, не имеют юридической силы. В этой связи в 1999 году был создан и в 2000 был зарегистрирован «Ингерманландский Учебно-научный центр».

Для подготовки преподавательских кадров «Инкерин Лиитто» и «Ингерманландский учебно-научный центр» заключили договор с Центральным союзом преподавательской деятельности Финляндии (аналог Госкомитета по образованию Российской Федерации). Согласно ему с февраля 1999 года Учебный центр осуществляет подготовку и переподготовку учителей финского языка. Занятия проходят в двух группах по 15 слушателей в каждой два раза в неделю в Межфакультетском учебном центре Санкт-Петербургского государственного университета.

Занятия ведёт российский преподаватель, закончивший кафедру финно-угорской филологии СПбГУ и получивший право преподавания от Центрального союза преподавательской деятельности Финляндии. Кроме того, 4 раза в году на неделю приезжает преподаватель из Финляндии. В этом случае занятия проводятся в дневное время с отрывом от занятий в школе. Срок обучения – 2 года. Начиная с апреля 2001 года, каждые два года группы из 11-15 слушателей выезжали на стажировку в Финляндию и сдачу экзамена в университете города Савонлинна на знание финского языка по 3-4 уровню сложности, что по финским университетским стандартам является средним уровнем сложности. Уже 5 групп учителей финского языка сдали экзамены в Финляндии.

Однако у этих учителей есть свои проблемы. Комитеты по образованию не признают сертификаты, выданные на финском языке в Финляндии. Повышение квалификации засчитывается только

при выдаче документа российского образца. При этом в Академии постдипломного образования, где обычно проходят повышение квалификации учителя школ, нет ни одного специалиста по финскому языку. Методику преподавания иностранного языка учителям финского языка давали на основе французского языка и это засчитывалось как повышение квалификации преподавателя финского языка. Но сертификат, выданный в университете Финляндии, не признавался. Абсурд – без дальнейших комментариев.

Таково краткое изложение положения с преподаванием финского языка в Санкт-Петербурге и Ленинградской области. Проблем много, но «Инкерин Лиитто» и Ингерманландский учебно-научный центр надеются, что выход из сложного положения будет найден.

Ирина Такала

ФИНСКИЙ ЯЗЫК В КАРЕЛИИ: ИСТОРИЯ И СУДЬБА

Финны не являются коренным населением России. Некоторое исключение могут составить лишь ингерманландские финны – не коренное, но старожильческое (с XVII века) население современной Ленинградской области. Собственно финны появляются на территории России в результате миграционных процессов XIX–XX веков и это были очень небольшие по численности группы. В XIX столетии миграция была обусловлена экономическими причинами и носила приграничный характер, большая часть финляндских иммигрантов расселялась в северо-западных российских губерниях – Петербургской, Олонецкой, Архангельской – хотя появляется и весьма специфичная группа т.н. «сибирских» финнов. В 1897 году в империи насчитывалось 36 тыс. финляндских уроженцев, 98% из них (35 тыс.) проживало в Европейской России⁵.

---

⁵ Бирин В. Н., Такала И. Р. Финны // Народы России: Энциклопедия. М., 1994. С. 370–371; Энгман М., Юнгар С. Переселенческое движение из Финляндии в Россию в 1809–1917 гг. // Материалы VI советско-финляндского симпозиума историков. Россия и Финляндия 1700–1917. Л., 1980. С. 116–117. Следует иметь в виду, что понятие «финляндские уроженцы» означало не фактическое место рождения, а финляндское подданство. Перепись 1897 года дает распределение финляндских уроженцев и по родному языку, что существенно, так как среди них кроме финнов были и шведы.

В годы революции большинство финнов вернулось на родину (исключение составили финские колонисты мурманского побережья), и в советское время диаспора формировалась фактически заново. С 1918 по 1935 годы было три больших иммиграционных волны, вызванных к жизни целым комплексом политических и экономических причин и обусловленных изменениями, происшедшими в мире после российской революции. По причинам миграции, времени прибытия и месту исхода финских иммигрантов советского периода можно условно разделить на три основные группы – политэмигранты (красные финны), перебежчики и североамериканские переселенцы. К 1935 году основная масса финнов-иммигрантов была сосредоточена в северо-западном регионе, главным образом в Карелии и Ленинградской области (по косвенным подсчетам свыше 20 тыс. человек). Всего же в середине 1930-х годов финское население России должно было составлять не менее 32–33 тыс. человек⁶.

Что касается ингерманландских финнов, то их численность росла в XIX – начале XX века за счет естественного прироста и это была самая крупная финноязычная группа России. Согласно переписи 1926 года численность ингерманландцев в РСФСР составляла 115,2 тыс. человек, практически все они (114,8 тыс.) проживали в месте исконного обитания – в Ленинградской губернии⁷. Компактность расселения, этническое родство с коренным финно-угорскими народами, языковая и национальная политика, проводившаяся в стране до начала 1930-х годов давали хорошие возможности для сохранения культурных традиций и родной речи, как у иммигрантов, так и у ингерманландских финнов. В Карелии, Ленинградской, Мурманской областях издавались газеты на финском языке, печатались журналы, книги, работали национальные школы, клубы, творческие коллективы, театры. До 1937 года в КАССР финский являлся вторым, после русского, официальным языком.

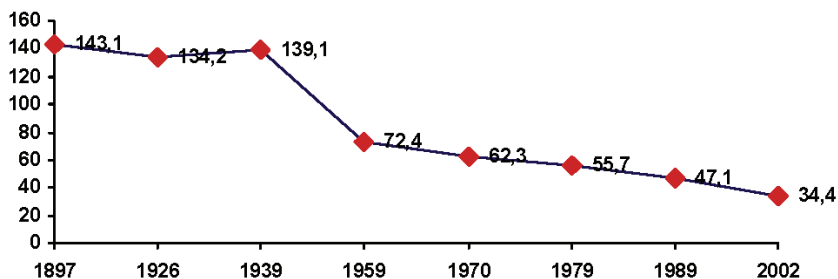
К 1936 году иммиграция финнов в СССР прекратилась, а последующая судьба большинства иммигрантов, как и ингерманландских финнов, оказалась весьма трагичной. Годы репрессий, война,

---

⁶ Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. История возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 22.

⁷ Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 1. М., 1928. С. 108–125.

принудительные выселки и депортации привели к резкому уменьшению численности финноязычного населения России. Эта тенденция, обусловленная целым комплексом различных причин, сохранялась все послевоенные десятилетия⁸, что наглядно демонстрирует график 1:

График 1. Финны в России по переписям 1897–2002 гг. (тыс. чел.)⁹.

Процессы уменьшения численности финноязычного населения России давно приобрели необратимый характер, репатриация ингерманландцев в Финляндию, начавшаяся в 1990 году, лишь ускорила их. Вместе с тем, возможность для ингерманландских финнов почти до конца 1930-х годов пользоваться родным языком и широкое распространение финского в довоенной советской Карелии являлись мощными культурными факторами, оказавшими серьезное влияние не только на сохранение этнической идентичности российских финнов, но и на формирование национальной идентичности карел. В этом плане карельский пример нуждается в более подробном рассмотрении. Если ликвидация культурных прав ингерманландцев, или, скажем, мурманских финнов, в конце 1930-х го-

⁸ См.: Лалукка С. Штрихи к этнической карте северо-запада России (1926–1959 гг.) // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 42–65.

⁹ Финны и ингерманландские финны показаны вместе. 1897 год – по Российской империи число лиц с родным финским языком (без ВКФ), остальные переписи – данные о национальности на основе самоопределения населения Российской Федерации в границах соответствующих лет. Составлен по материалам переписей.

дов шла в русле общей национальной политики советского государства и была процессом необратимым, то ситуация с финским языком в Карелии, в которой доля финнов никогда не превышали порога в 4,3% от общего числа населения¹⁰, была несколько иной. Финский язык в республике внедрялся, ликвидировался, затем снова насаждался среди карельского, вепсского и русского населения порой весьма настойчиво. Этот «финский фактор», как бы ни оценивали и ни объясняли его впоследствии исследователи, оказал серьезное влияние на формирование и развитие национальной культуры советской Карелии.

В российской Карелии этнический состав населения веками отличался преобладанием двух почти равных по численности этнических групп – русских и карел, и это был сугубо православный регион. Финны с момента своего появления здесь в XIX веке всегда оставались очень немногочисленной группой, отличавшейся от местного населения языком, верой и культурой. Финское население Олонецкой губернии начинает быстро увеличиваться с 60-х годов XIX века, что было связано с частыми неурожаями и сложной экономической ситуацией в восточных губерниях Великого княжества Финляндского. К концу столетия численность финнов в Олонецкой губернии достигла трех тысяч человек и оставалась на этом уровне вплоть до 1917 года (1% от всего населения)¹¹. Переселение в Олонецкую губернию было для большинства мигрантов явлением временным, они продолжали оставаться финляндскими гражданами, проживая по плакатным паспортам и в годы революции свыше 70% переселенцев вернулось на родину.

Финская диаспора Советской Карелии формировалась заново за счет политэмигрантов, покинувших Финляндию после гражданской войны 1918 года, перебежчиков и североамериканских финнов. Так же как до революции численность финнов в Карелии была крайне невелика. По переписи 1926 года 57,2% населения КАССР составляли русские, 37,4% – карелы, 3,2% – вепсы и лишь

---

¹⁰ Этот максимум был достигнут к концу 1950-х годов, в связи с массовой миграцией в Карелию ингерманландских финнов, которым после войны не разрешили вернуться на родину в Ленинградскую область.

¹¹ *Бирин В. Н., Такала И. Р.* Финны. С. 370; *Бирин В. Н.* Финны Олонецкой губернии. Петрозаводск, 1991 (препринт доклада). С. 4–5, 27–29.

0,9% – финны¹². К середине 1930-х годов финская диаспора достигла своего максимума – примерно 15 тыс. человек (чуть больше 3% от всего населения)¹³. Тем не менее, роль финнов и финского языка в истории советской Карелии на протяжении первых 15 лет её существования была чрезвычайно значима. Сама карельская автономия, рождение которой во многом определялось военно-стратегическими и внешнеполитическими императивами, строилась усилиями красных финнов. С 1920 по 1935 год республику, предназначением которой было стать «образцовым обществом на границе с Финляндией» и «подготавливать в идейном отношении почву для Финляндской революции»¹⁴, возглавлял бывший член финляндского парламента от СДПФ, доктор философии Эдвард Гюлинг.

Языковая политика, проводившаяся финским руководством Карелии в 1920-е и в первой половине 1930-х годов, до сих пор вызывает споры. Некоторые исследователи считают эту политику насильственной финнизацией, лишившей карел возможности развить свой литературный язык. Отметим, однако, что строилась она, за исключением, пожалуй, нескольких лет форсированной финнизации (1930–1932), спровоцированной самим центром, полностью в русле национальной и языковой политики советского государства.

Активное внедрение финского языка в крае, населённом преимущественно русскими и карелами, оказалось возможным не только ввиду пребывания у власти красных финнов. Это обуславливалось диалектной и территориальной разобщённостью карельского языка, а также политическими, в том числе и внешнеполитическими, причинами. До революции традиционным для карел языком образования и культуры был русский, хотя в конце XIX – начале XX века предпринимались попытки создания алфавита и издания литературы, главным образом церковных текстов, на карельских диалектах. В северных приграничных волостях Олонецкой губернии и в Беломорской Карелии, где население говорило на

---

¹² Всесоюзная перепись населения 1926. Т. 1. С. 114–115.

¹³ Подробнее см.: *Такала И. Р.* Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 150–175.

¹⁴ Всекарельский съезд представителей трудящихся карел. Первый всекарельский съезд советов. Протоколы. Петрозаводск, 1990. С. 258.

собственно карельском наречии, отходнические промыслы и корабельничество способствовали распространению финской грамоты и финского языка. Однако настоятельной потребности в знании русского или финского языков у большинства карельского населения не было. При массовой неграмотности двуязычие карел было слабым и носило групповой характер: языками соседей владела лишь часть мужчин, занятых на отхожих промыслах¹⁵.

Теоретически при выборе культурного языка для карел у руководства автономии было три перспективы: брать за основу литературный русский, литературный финский или разрабатывать литературный карельский язык. Однако, при отсутствии единого языка и наличии нескольких сильно отличающихся друг от друга диалектов, создание литературного карельского языка могло быть лишь весьма долгосрочной перспективой. В Финляндии карельские диалекты традиционно рассматривались как часть финского языка, такое представление нашло поддержку и у финского руководства Карелии. По мнению Гюллинга, двуязычие (русский и финский языки) в администрации и образовании должно было сблизить местное карельское население с советской властью и ускорить приобщение карел к грамоте и культуре¹⁶. Решение языкового вопроса и придание официального государственного статуса двум языкам шли в русле решений первых двух Всекарельских съездов Советов (февраль, октябрь 1921 года), а также ЦК РКП (б), Оргбюро которого в марте 1922 года предписало руководству Карельской Трудовой Коммуны ввести в учреждениях и школах коммуны наравне с русским языком финский¹⁷. При этом повсеместно предусматри-

---

¹⁵ Клементьев Е. И. Языковая ситуация в Карелии: состояние, тенденции развития // Карелы. Финны. Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 113. Сравни: Афанасьева А. И. Создание Советской Национальной Автономии и некоторые вопросы языкового строительства // Вопросы Истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 51.

¹⁶ Подробнее см.: Левкоев А. А. Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992 (препринт доклада); Антикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 207–222.

¹⁷ Всекарельский съезд. С. 223–227; НА РК, Ф. Р-682, оп. 1, д. 1/5, л. 97.

валось использование, в том числе и в письменной форме, карельских диалектов. Эта особенность была зафиксирована в термине «карело-финский язык», который впервые официально был использован в декрете ВЦИК о преобразовании КТК в АКССР (25.07.1923)¹⁸. В развернутом виде концепция единого «карело-финского языка» излагалась в постановлении ЦИК Карелии 1924 года: карельским диалектам отводилась функция устного применения, а литературный финский язык должен был стать письменной формой выражения карельской речи¹⁹.

Вначале финский язык применялся преимущественно среди финнов и северных карел, говорящих на собственно-карельском диалекте. Культурным языком подавляющего большинства ливвиков и людиков, карел южной части республики, оставался русский. С середины 1920-х годов начинается активное расширение функций и сферы влияния финского языка, что было связано с политической коренизации. В Карелии коренизация называлась «карелизацией», но подразумевала введение финского языка (прежде всего в сфере народного образования) и выдвижение на руководящие посты, как карел, так и финнов. В русле концепции о едином «карело-финском языке» большинство школ национальных районов КАССР с середины 1920-х годов переводилось на финский язык. В результате к 1929/30 учебному году в республике работало 198 русских школ (44%) и 250 национальных, из которых только в 59 шло преподавание на русском языке, а в остальных 191 – на финском. В шести приграничных национальных районах, на 80–90% населенных карелами или вепсами не работало в том году ни одной русскоязычной школы²⁰. В 1932 году уже 99,6% детей карел обучались на финском языке²¹. Столь же активным было использование финского языка в работе по ликвидации неграмотности сре-

---

¹⁸ Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925: Сб. документов. Петрозаводск, 1979. С. 59–61.

¹⁹ Советы Карелии. 1917–1992. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 111–112.

²⁰ Подсчитано по: Ежегодник 1929 года. Выпуск IV. Петрозаводск, 1931. С. 40–41.

²¹ *Афанасьева А. И.* Народное образование в Советской Карелии в 1920–1930-е годы // Национальная государственность финно-угорских народов северо-западной России (1917–1940). Сыктывкар, 1996. С. 59.

ди взрослых. В 1929 году на нем обучался 21% карел, а в 1932 году уже 70% от всего обучавшегося в школах ликбеза взрослого карельского населения²².

Населением подобная политика воспринималась неоднозначно. В южной Карелии, где различия между местными диалектами и финским литературным языком были существенны, большинство карел по-прежнему отдавало предпочтение русскому языку. Впрочем, непременным условием «карелизации» продолжало оставаться использование местных диалектов, а населению предоставлялось право выбора языка обучения. Во второй половине 1920-х годов более чем в 50% первых классов начальных карельских школ обучение начиналось на местном разговорном языке вне зависимости от основного учебного языка²³. И в целом, в 1920-х годах введение финского языка не было чем-то самодовлеющим, стоящим отдельно от остальных аспектов жизнедеятельности республики. Финские эмигранты добивались создания таких условий, при которых, по словам председателя ЦИК республики Александра Нуортева, литературный финский язык явился бы «естественным продолжением карельских диалектов»²⁴. Объективно приобщение восточных карел к литературному финскому языку способствовало расширению общественных функций карельских говоров.

Перемены, происходившие в стране, не могли не отразиться на национальной и языковой ситуации в приграничной республике. Концепция «карело-финского языка» претерпевает существенные изменения в 1929 году, когда ей на смену приходят жёсткие установки постановления пленума Карельского обкома ВКП (б) «Очередные задачи национальной политики в АКССР». В постановлении содержался отказ от принципа свободы выбора русского или финского языков для карельского населения и утверждался финский как единственный письменный и литературный язык. Он признавался не только обязательным языком народного образования,

---

²² *Афанасьева А. И.* Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1994. С. 44.

²³ *Левкоев А. А.* Указ. соч. С. 12–14.

²⁴ *Нуортева А.* Проблема карельского языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1927. № 3. С. 4.

просвещения и печати для карел, но в перспективе должен был стать для них и языком бытового общения²⁵. Однако финский период в истории Карелии подходил уже к концу и начиная с 1933 года требования к обязательности использования финского языка заметно ослабели, а в 1935 году, после смещения руководства республики, вновь вернулись к свободному выбору языка.

Резкому повороту в политике приобщения восточных карел к литературному финскому языку, приведшему к форсированной финнизации, во многом содействовала полемика, вспыхнувшая между центральными властями и карельским руководством относительно целесообразности разработки карельской письменности. Создание в 1930 году письменности для тверских карел поставило под сомнение правомерность употребления финского языка в Советской Карелии. Начавшаяся в прессе т. н. «языковая война» между финскими эмигрантами и сторонниками карельского литературного языка велась вполне в духе времени, сопровождаясь взаимными политическими обвинениями. Наиболее активным и влиятельным борцом за право карел на родной язык был профессор Д. В. Бубрих. Видный ученик Н. Марра и знаток финно-угорских народов, Бубрих добивался последовательного соблюдения победоносных принципов марровской науки, согласно которым языки были явлением надстройки и, следовательно, отражали классовую сущность того общества, продуктом которого являлись. В свете новой лингвистической ортодоксии буржуазный финский язык никак не мог быть национальным языком пролетарской Карелии. Бубрих резко разграничивал финский и карельский языки и даже обвинил сторонников финского языка в том, что они поддерживают «фашистских» финских теоретиков, писавших об общем финно-угорском праязыке и тем самым обосновывают «великофинские» претензии по воссоединению всех финно-угорских соплеменников²⁶. Противостояние усугубило постановление Президиу-

---

²⁵ Материалы и постановления IV объединенного пленума Карельского областного комитета и областной контрольной комиссии ВКП (б) 10–13 августа 1929 г. Петрозаводск, 1929. С. 26–28.

²⁶ См.: *Бубрих Д. В.* Какой язык – тверским карелам. Л., 1931; *Бубрих Д. В.* Карелы и карельский язык. М., 1932.

ма Совета Национальностей ЦИК СССР от 25 апреля 1931 года²⁷, обязывавшее руководство Карелии приступить к созданию карельского литературного языка и переводу на него всей культурной работы.

И всё же требование введения карельской письменности было отклонено. Осенью 1931 года Карельский обком ВКП (б) принял постановление об «обслуживании национальных районов на финском языке и выделении таковых в особую группу районов, с вытекающими отсюда специальными мероприятиями». Продолжение употребления финского языка мотивировалось влиянием последнего на разговорную речь карел, в особенности на севере республики, значительными диалектными различиями карельского языка, результатами проведенного в 1920-е годы референдума и «революционизирующим» влиянием финноязычной Советской Карелии на рабочий класс Финляндии²⁸. Смелость карельского руководства объяснялась тем, что в его поддержку выступил высший партийный орган – Политбюро ЦК ВКП (б) – отменивший в июне 1931 года решение Совета Национальностей. Позднее нецелесообразность перехода на карельский язык признал также Президиум ВЦИК СССР²⁹. Надо полагать, что массовая подготовка в Карелии финноязычных кадров вполне отвечала стратегическим планам Москвы. Из центра следовали инструкции о необходимости «усилить темп карелизации партийного, государственного, профсоюзного и кооперативного аппарата, школ и культурных учреждений». В результате в начале 1930-х годов происходит серьезная трансформация этой политики, которая привела к методам силового решения языкового вопроса, когда введение финского языка становится самоцелью.

Одновременно в печати продолжалась полемика относительно того, каким должен быть советский финский язык. Идея о подчинении развития финского языка местным условиям и потребностям просуществовала недолго. Своеобразный «карело-финский» язык, представлявший собой непоследовательное смешение фин-

---

²⁷ НА РК, Ф. П-3, оп. 2, д. 560, л. 83–107.

²⁸ Вестник ЦИК АКССР. 1932. № 3. С. 10–11.

²⁹ *Афанасьева А. И.* Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940. Петрозаводск, 1989. С. 48; Punainen Karjala. 7. и 8.12.1931.

ского с элементами преимущественно ливвиковского наречия, культивировался, например, в газете для малограмотных «*Karjalan kultarmeijäläinen*», издававшейся в 1932–1933 годах. Некоторое расширение получило использование карельских диалектов в художественной литературе, однако реальных условий для карелизации финского языка в начале 1930-х годов не было³⁰. Дискуссия о языке велась в основном между этническими финнами, поэтому на первый план выдвинулись идеологические противоречия проповедников его «революционного» обновления с одной стороны, и сторонников сохранения «единства финноязычной культуры» с другой. Так, молодой языковед ингерманландец Матти Хямяляйнен выступал за замену «фашистских» финских неологизмов новыми «революционными» словами, а эмигрант Хейно Раутио, наоборот, категорически отвергал наблюдавшиеся в Советском Союзе тенденции «интернационализации» и «русификации» финского языка³¹. Несмотря на оживлённую дискуссию, результаты намеченных обновлений оказались тогда весьма незначительными. Разработка особого «советского» варианта финского языка, отличного от языка «буржуазной Финляндии» и расширение употребления карельских диалектов возобновились после 1935 года. Перед созданной весной 1936 года терминологической комиссией при Карельском научно-исследовательском институте была поставлена задача «большевистского обогащения и развития» финского языка при помощи включения в него интернационализмов, советизмов и карельских слов³². При этом вытеснялись собственно финские неологизмы, ставшие символами политической неблагонадежности.

Широкое применение финского языка в Карелии 1920-х – первой половины 1930-х годов, прежде всего в образовании и при ликвидации неграмотности населения, имело весьма важные последствия. За короткий срок в республике была выстроена новая система народного образования от начальной школы до высшей. К 1933 году в Карелии работало свыше 500 школ (половина из них – национальные), полтора десятка техникумов (кадры для финно-

---

³⁰ *Антикоски Э.* Указ. соч. С. 213.

³¹ *Hämäläinen M.* Suomen kirjakielen vallankumouksen henkeä // Punainen Karjala. 12.4.1932; *Rautio H.* Suomen kielen runtelijoita vastaan! Petroskoi, 1932.

³² Punainen Karjala. 11.3.1936.

язычных школ готовили финские педагогические техникумы в Петрозаводске и Ухте), Педагогический институт, Высшая коммунистическая сельскохозяйственная школа. В 1931 году начинает свою деятельность первое академическое учреждение – Карельский научно-исследовательский институт, одним из создателей которого был Эдвард Гюллинг.

Результаты этой работы очевидны. Если в 1920 году грамотность среди карельского населения едва достигала 24%, национальной интеллигенции не было вообще, то к 1933 году уровень грамотности карел возрос до 46%, почти половина из них (48%) владела финской грамотой или русской и финской одновременно³³. В 1926 году в Петрозаводске была создана первая писательская организация – Карельская ассоциация пролетарских писателей (КАПП), лидирующую роль в которой играли финны: в русской секции организации было 9 членов, в финской 35³⁴. Члены финской секции сумели объединить вокруг себя талантливую карельскую молодежь, писавшую на финском языке. В 1920–30-е годы начинают свой творческий путь те, кто впоследствии составил гордость карельской литературы: Николай Лайне, Николай Яккола, Антти Тимонен, Яакко Ругоев. К 1933 году в республике было 43 писателя и 6 литературных критиков, 75% из них (37 человек) были финнами или карелами³⁵.

Постоянно увеличивались тиражи финноязычной периодики. Уже с ноября 1920 года в Петрозаводске начала выходить областная газета «*Karjalan kommuni*», переименованная после образования КАССР в «*Punainen Karjala*». Тираж газеты постоянно возрастал: в 1923 году он составлял 1350 экз., в 1928 году – 3 тыс. экз., в 1931 году – 14,5 тыс. экз.³⁶. В 1928 году в республике появился литературно-художественный журнал «*Punakantele*», переимено-

---

³³ От всего населения. Подсчитано по: Статистический ежегодник Карелии 1922 г. Вып. II, часть I. Петрозаводск, 1923. С. 14–15; Перепись населения АКССР 1933 г. Вып. I. Б.м., 1934. С. 18, 40–41.

³⁴ *Ylikangas M. Rivit suoriaksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004. S. 152–153.*

³⁵ НА РК, Ф. П-3, оп. 3, д. 210, л. 4–7; *Ylikangas M. Op. cit. S. 157.*

³⁶ *Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии. С. 44.*

ванный в 1932 году в «Rintama». Издаются также альманахи «Isku», «Lokakuu», сборники «Illankuluksi tukkikämpässä», «Valtatielle», детский журнал «Nuoret iskurit». В 1934 году в Петрозаводском отделении издательства «Kirja» (создано в 1927 году) печаталось две газеты и пять журналов и литературных альманахов на финском языке³⁷. В начале 1930-х годов финноязычные газеты издаются уже в большинстве северных и северо-западных национальных районов, в южных карельских районах местная пресса имела финские страницы. О возраставшем приобщении карельского населения к финскому языку свидетельствовал постоянный рост числа добровольных рабочих и сельских корреспондентов финноязычных газет. У газеты «Punainen Karjala» в первые годы ее издания их не было вообще. В 1928 году в редакцию регулярно писали уже 200 добровольных помощников, в 1930 году их число возросло до 660, ежемесячно газета получала от 210 до 540 писем и замечаний от своих рабкоров и селькоров³⁸.

Финский язык активно использовался в деятельности культурно-просветительных учреждений. Уже в 1926 году из 29 изб-читален, работавших в карельских волостях, в 27 просветительская работа (беседы, лекции, читки литературы и газет) велась на финском языке. В массовых библиотеках с 1921 года стали создаваться отделы финноязычной литературы и к середине 1930-х годов в общем библиотечном фонде республики она составляла 13% всех фондов (в северных карельских районах – до 85%)³⁹. В начале 1920-х годов в Петрозаводске и Ухте появляются первые самодеятельные театральные коллективы, работавшие на финском языке, и в 1932 году открылся профессиональный финский драматический театр. В репертуаре театра были пьесы драматургов Финляндии, а также финноязычных писателей Карелии и переводы советских авторов; актеры часто гастролировали по республике, что способствовало развитию драматического искусства в национальных районах. Много для распространения финского языка и культуры делал образованный в 1931 году в Петрозаводске Радиокоми-

---

³⁷ Подробнее см.: Алто Э. Л. Указ. соч.

³⁸ Афанасьева А. И. Сосуществование и взаимовлияние русской и финской культур в Карелии. С. 46.

³⁹ Там же. С. 45.

тет: в начале 1930-х годов девяносто процентов радиовещания велось на финском языке⁴⁰.

И в целом первая половина 1930-х годов стала временем расцвета национальной культуры Карелии. По всей республике возникали многочисленные профессиональные и любительские коллективы – театры, оркестры, хоры, художественные студии, агитбригады, фольклорные ансамбли. В 1933 году республиканский Дом самодеятельного искусства объединял 389 самодеятельных кружков, 200 из которых работали на финском языке⁴¹. Финская культура, не имевшая в Восточной Карелии до 1920-х годов практически никакой базы, к середине 1930-х годов становится уже серьезной составляющей культурной жизни республики. С широким внедрением финского языка во все сферы жизни постепенно складывались и предпосылки для изучения и развития карельских диалектов, расширялись их общественные функции, и, что очень важно, предотвращалось безудержное проникновение в лексику карельского языка русских заимствований. Объективно языковая и национальная политика красных финнов, в том числе и их усилия по экономическому подъёму национальных районов, способствовала консолидации карел автономной республики в целостную этническую общность. Одновременно велась работа по освоению финского языка русским населением: с конца 1920-х годов его обязательное изучение было введено во всех школах повышенного типа.

Финская культура в Карелии могла развиваться сравнительно свободно лишь полтора десятка лет, массовые репрессии конца 1930-х годов нанесли ей невосполнимый урон. Финны, чья численность в республике в середине 1930-х годов едва превышала 3% населения, в годы большого террора составили свыше 40% всех репрессированных (карелы 27%, русские 25%)⁴². Гонения на финнов и финский язык в Карелии начались уже с осени 1935 года, одновременно ударными темпами начинает создаваться карельский литературный язык, который в проекте новой республиканской

---

⁴⁰ Колосенок С. В. 30-е годы // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С. 267.

⁴¹ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 202.

⁴² Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. С. 199.

конституции (июнь 1937 года), был провозглашён третьим государственным языком наравне с русским и финским. К концу 1937 года финский язык, как и по всей стране, был запрещён, издание финноязычной периодики и книг прекращено. В апреле 1938 года Карельский обком ВКП(б) обратился с письмом к Сталину с просьбой разрешить изменить Конституцию, исключив финский язык из числа государственных языков КАССР⁴³.

Политика ускоренного введения в республике карельской письменности и карельского литературного языка, как известно, потерпела крах. Политическая ситуация тем временем изменилась и весной 1940 года финскому языку был возвращен статус государственного в созданной после Зимней войны Карело-Финской ССР. Обосновывалось это теми же аргументами о языковой и культурной общности финнов и карел, которые использовали уничтоженные несколько лет назад прежние руководители республики: финский язык является высокоразвитым литературным языком, легко понятен карельскому населению и должен стать главным средством подъема национальной по форме и социалистической по содержанию культуры, роста науки, литературы, искусства и создания кадров интеллигенции. При этом подчеркивалось внешнеполитическое значение финского языка – он должен был способствовать сближению народов Карелии и Финляндии и достижению тесного сотрудничества между ними⁴⁴. В школах республики вводилось его обязательное изучение, независимо от национальной принадлежности учащихся, в Петрозаводске был учрежден государственный университет, преподавание в котором планировалось и на финском языке, возобновил свою деятельность финский театр, стали публиковаться газета «Totuus» и журнал «Punalippu». Интересно, что финский язык возвращался в республику точно в таком виде, как он существовал в Финляндии, ни о каких вариантах создания «пролетарского», «советского» финского языка уже не вспоминали. Одновременно к жизни возрождаются понятия «карело-финский язык» и «карело-финский народ».

---

⁴³ Советы Карелии. С. 200–201.

⁴⁴ *Куприянов Г. Н.* Отчетный доклад Карельского обкома ВКП (б) на I съезде КП (б) Карело-Финской ССР. Петрозаводск, 1940. С. 97–100, 105–106.

Великая Отечественная война вновь внесла свои коррективы. Значительная часть республики была оккупирована финскими войсками и оккупационные власти начинают активно распространять финский язык, культуру и идеи Великой Финляндии среди национального населения. Уже в октябре 1941 года появилось распоряжение об обязательном обучении детей родственных народов в возрасте 7–15 лет. Язык обучения был финский, осенью 1942 года в карельских школах насчитывалось 5600 учеников, в Петрозаводске работал финский лицей, десятки молодых карел были направлены в Финляндию для получения учительского образования⁴⁵. Средством воздействия на население стали газеты «*Varaa Karjala*» (ее тираж в 1943 году превысил 1 тыс. экземпляров), «*Raatteen viesti*» и русскоязычное «Северное слово».

Активное внедрение в школьное обучение финского языка в конце 1920-х – первой половине 1930-х годов, а затем во время финской оккупации, позволило, несмотря на то, что большая часть финской диаспоры была уничтожена в 1936–1938 годах, в первое послевоенное десятилетие достаточно успешно поддерживать развитие финноязычной культуры в Карелии. Однако восстановить эту культуру до уровня середины 1930-х годов больше никогда не удавалось, хотя к 1950 году в республику переселяется свыше 21 тыс. ингерманландцев, которым не разрешили возвращаться в родные места. К тому же война и оккупация в гораздо большей степени повлияли на формирование негативного отношения к финской культуре и языку в советском обществе, нежели борьба с «финским буржуазным национализмом» конца 1930-х годов. Многие карелы и вепсы, пережившие оккупацию детьми, достаточно позитивно вспоминали о том времени⁴⁶, но для большинства населения, вернувшегося с войны или из эвакуации финский был языком врага. Вскоре политическая нужда в Карело-Финская ССР отпала, и в 1956 году она вновь была преобразована в автономную

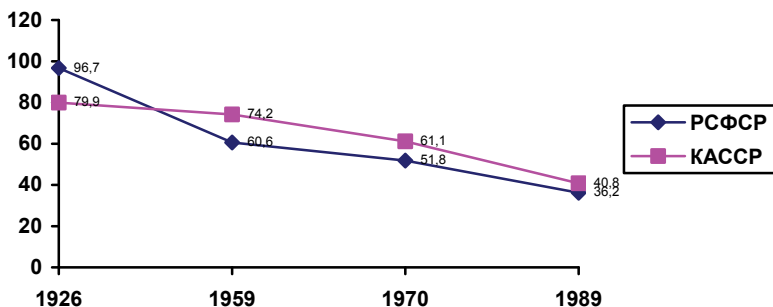
⁴⁵ *Hölsä M.* (toim.). Valkoiset sivut eli Suomalainen oppikoulu Itä-Karjalassa: Äänislinnan Yhteislyseo 1942–1944. Vantaa, 1997. S. 17. Подробнее см.: *Hölsä M.* On uuden huomenen saava: Suomalainen kansakoulu Itä-Karjalan sotilashallinnon kasvatustavoitteiden toteuttajana miehitysajan aunukselaiskylässä 1941–1944. Joensuu, 2006.

⁴⁶ См.: Устная история в Карелии: Сб. научных статей и источников. Вып. III. Финская оккупация Карелии (1941–44). Петрозаводск, 2007.

карельскую республику. Использование, а главное преподавание финского языка было прекращено, лишь в 1963 году оно возобновляется в вузах, а затем и некоторых школах.

В 1960–1980-е годы финский язык все же продолжал использоваться в национально-культурной сфере автономии. Выходили газета «Neuvosto-Karjala» (с 1992 года «Karjalan Sanomat»), литературно-художественный журнал «Punalippu» (с 1991 года «Carelia») и детский «Kirinä» (с 1986 года), работала финская редакция в издательстве «Прогресс», продолжал свою деятельность единственный в стране финский театр. Более того, нормы об обязанности публикации всех решений государственной власти на русском и финском языках, равном использовании их в символике воспроизводились до 1993 года во всех конституциях послевоенной Карелии (1957, 1978 годы, с изменениям 1984–1993 годов). Вместе с тем постоянное сужение сфер применения финского языка неуклонно вело к языковой аккумуляции потомков финнов-иммигрантов и ингерманландцев. К концу 1980-х годов в массовом масштабе национальная принадлежность и родной язык стали не совпадать, хотя в Карелии эти процессы шли несколько медленнее, чем в целом по России (см. График 2).

График 2. Утрата родного языка у финнов России по переписям 1926–1989 годов (респонденты, назвавшие финский язык родным, в %)⁴⁷.

После принятия в 1993 г. постановления о реабилитации российских финнов республиканскими властями и национальной общественностью были предприняты некоторые усилия по возрождению

⁴⁷ Составлен по материалам переписей. В переписи 2002 года вопрос о родном языке был снят, поэтому проследить дальнейшую динамику невозможно, но предугадать не трудно.

финноязычной культуры Карелии. Росло число школ, где преподавался финский язык и количество учащихся в них: максимальный показатель был достигнут в 1995/96 учебном году, когда в 103 школах республики финский изучали 13422 ученика⁴⁸. В 1993 году на базе отделения финского языка и литературы в Петрозаводском университете был открыт факультет Прибалтийско-финской филологии и культуры. Несколько раз принимались различные целевые программы («Программа возрождения и развития языков и культуры карелов, вепсов и финнов РК», «Финно-угорская школа РК» и др.), в 2004 году принят республиканский закон «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия» и разработана программа этой поддержки на 2006–2010 годы⁴⁹.

Однако, создания нормативно-правовой базы, как и усилий по расширению преподавания финского языка, вовсе недостаточно для обеспечения сохранения российскими финнами своего этнокультурного и этноязыкового своеобразия. Да, в современной России Карелия остается единственным регионом, где финский язык используется в средствах массовой информации, в том числе электронных, в театральных постановках, в книгоиздании, его изучают в ряде школ и вузах. Но это уже скорее агония, сохранность и жизнеспособность финноязычной культуры в России при постоянном уменьшении финского населения (и за счет эмиграции, и в результате аккультурации) вызывает серьезные сомнения.

А. И. Бутвило

«КРАСНЫЕ ФИННЫ» В СОСТАВЕ ПАРТИЙНО-ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭЛИТЫ КАРЕЛЬСКОЙ ТРУДОВОЙ КОММУНЫ

Трудно переоценить роль этнического фактора в истории нашей страны. Именно он в значительной степени спровоцировал и усугубил оба системных кризиса российской государственности

---

⁴⁸ Клементьев Е. И. Языковое право и практика (Доклад на Ученом Совете ИЯЛИ РАН 27.02.2006) // <http://indigenous.ru/modules.php?name=News&file=print&sid=187> (приложение 1).

⁴⁹ См.: <http://www.gov.karelia.ru/Legislation/lawbase.html?lid=668>

в XX веке. Первый из этих кризисов завершился крушением Российской империи, а второй – распадом СССР. Кстати говоря, не стоит спешить с выводами о завершенности второго кризиса. Российско-грузинская война 2008 года служит ярким подтверждением преждевременности таких выводов.

Помимо первостепенной роли национального фактора в развитии обоих кризисов их объединяет ещё и то, что и в начале, и в конце XX века политическая элита страны с большим запозданием осознавала значение данного фактора, когда сами кризисы уже достигали своего апогея, лишая элиту возможности предпринять сколько-нибудь эффективные действия, не говоря уже о вдумчивом анализе ситуации. В начале века такое запоздание обуславливалось общей задержкой процесса формирования наций в рамках Российской империи. К началу революции 1917 года этот процесс находился в начальной стадии своего развития. Не сформировавшиеся толком нации не смогли и не успели выдвинуть из своей среды национальную элиту, способную внятно сформулировать суть национального вопроса. Во второй половине XX века на протяжении нескольких десятилетий советская правящая элита так активно уверяла народ в том, что национальный вопрос в СССР решен полностью и окончательно, что и сама в конце-концов в это поверила. И когда в годы перестройки национальный вопрос даже не актуализировался, а буквально взорвался, к этому оказались не готовы ни морально, ни интеллектуально, ни политически, ни организационно.

Но вернемся к первому кризису. Пришедшие к власти большевики смотрели на мир не с национальной, а с интернациональной точки зрения. Главной своей задачей они считали борьбу за победу мировой революции, осуществляемой пролетариатом, не имеющим, по их мнению, отечества. Обсуждение вопросов национальной политики в большевистской среде носило вторичный характер. К этой проблематике обращались вынужденно, только потому, что приходилось действовать в мелкобуржуазной и этнически гетерогенной стране, население которой в силу этих обстоятельств являлось благодатной средой для националистических предрассудков, цинично культивируемых в своих интересах эксплуататорскими классами.

Но реальное развитие событий после октября 1917 года пошло совершенно по другому пути. Мировая революция не началась. Всё более реальной становилась перспектива существования в рамках одного, пусть даже и очень крупного, но при этом экономически неразвитого государства. Это требовало более серьёзного отношения в том числе и к казавшемуся ранее второстепенным национальному вопросу.

В большевистской элите постепенно сформировались две группировки, которые условно можно назвать революционно-романтической и государственнической («имперской»). Лидером первой являлся В. И. Ленин, считавший мировую революцию вполне актуальной задачей. Вторую группировку возглавлял И. В. Сталин, вполне допускавший, что период ожидания мировой революции может оказаться достаточно долгим, и всё это время придется существовать в условиях враждебного капиталистического окружения с вполне реальной перспективой войны.

Именно в этом кроется суть конфликта между И. В. Сталиным и В. И. Лениным в период образования СССР по вопросу о так называемой «автономизации». Ленин искал форму государственного устройства для той ситуации, которая сложится после победы мировой революции, когда самым разным народам придётся объединиться в целях успешного коммунистического строительства. Такая форма должна быть привлекательной для них. Сталина, напротив, волновало государственное строительство в период до этой победы, до которой ещё нужно было продержаться, что требовало построения мощного государства с жёсткой «вертикалью власти» и развитой военной промышленностью.

Таков был контекст возникновения и недолгого существования Карельской Трудовой Коммуны. Только с его учётом можно более глубоко понять суть конфликтов, непрерывно раздиравших элиту КТК на протяжении её короткой истории. Да и сама эта элита служит ярким примером того, как неожиданно мощно проявился национальный компонент в политике большевиков, неожиданно прежде всего для них самих.

Под элитой в науке понимается внутренне сплоченная социальная общность, являющаяся субъектом принятия важнейших стратегических решений и обладающая для этого необходимыми ре-

сурсами⁵⁰. Внутри этой общности выделяются субэлиты, в т. ч. и региональные, каковой, в частности, являлась партийно-государственная элита КТК.

Одной из сложностей, возникающих при определении персонального состава элиты, является то обстоятельство, что зачастую одних формальных признаков оказывается недостаточно. История знает много примеров того, как лица, занимавшие высшие государственные посты, реальной власти не имели (напр., М. И. Калинин) и, напротив, формально частные лица оказывали мощное влияние на процесс принятия важнейших решений (Г. Е. Распутин, Р. А. Абрамович и т. п.). Но в случае с КТК формальный подход оказывается вполне достаточным. Во-первых, источники не позволяют предположить, что в процессе принятия решений могли участвовать лица, не занимавшие каких-либо партийных или государственных постов. Во-вторых, крайне немногочисленный состав коллегиальных органов (Карельский областной комитет РКП(б), Карельский областной исполнительный комитет и т. д.) приводил к тому, что «свадебных генералов» в них практически не было.

Таким образом, представляющийся в данном конкретном случае необходимым и достаточным формальный подход позволяет включить в состав партийно-государственной элиты КТК членов следующих органов: Олонецкого губернского комитета РКП(б) («обслуживал» территорию КТК с момента её создания и до сентября 1920 года), Карельско-Олонецкого объединенного комитета РКП(б) (сентябрь 1920 – сентябрь 1921 годов), Карельского областного комитета РКП(б) (с сентября 1921 года), Карельского революционного комитета (июнь 1920 – февраль 1921 годов), Карельского областного исполнительного комитета (с февраля 1921 года). Заведующие отделами партийного комитета и Карисполкома, как правило, входили в состав вышеназванных органов, но были и исключения, которые также следует учесть.

В результате мы получаем список, включающий 133 человека. «Среднестатистический» член карельской элиты при этом представляет из себя 32-летнего русского мужчину крестьянского происхождения, с низшим образованием, малообеспеченного, с партийным

---

⁵⁰ *Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России: веки исторической эволюции. М., 2006. С. 10.

стажем в 2-3 года, полным отсутствием мало-мальской политической подготовки, зараженного туберкулёзом и, как правило, не вполне трезвого. С вероятностью в 30% он будет расстрелян в 30-е годы.

Что же касается финской составляющей этой элиты, то она может быть названа персонально: 1) Юхо-Оскар Арьянне, секретарь Карельского областного исполнительного комитета⁵¹; 2) Артур Валден, сотрудник КарЧК, затем председатель Ухтинского райисполкома; 3) Эдвард Гюллинг, председатель Карревкома и Карисполкома; 4) Юхо Кому, заведующий Финской секцией (отделом) Карельского обкома партии; 5) Андрей Маркконен, секретарь Ухтинского райкома РКП(б); 6) Михаил Мордвинов, член Главного суда КТК; 7) Якко Мяки, член Карревкома, заведующий Отделом Карелии и Мурманского обкома партии; 8) Александр Нуортева, заведующий Карельским отделом народного образования и Агитационно-пропагандистским отделом обкома РКП(б); 9) Яков Рахъя, заведующий Финским подотделом Карельского отдела народного образования; 10) Герман Саксман, председатель Совета народного хозяйства КТК; 11) Эро Хаппалайнен, сотрудник аппаратов Карсовнархоза и Карисполкома; 12) Иоганн Ярвисало, секретарь Кемского уездного и Карельского областного комитетов партии; 13) Хильма Ярвисало, заведующая Отделом по работе среди женщин обкома партии; 14) Валентин Руоколайнен⁵².

Не трудно подсчитать, что финны составляли около 10% от всего состава партийно-государственной элиты Коммуны, что соответствовало их доле в составе партийной организации КТК, но, напротив, существенно превосходило долю в составе всего населения. Ни один из них не являлся местным уроженцем и не проживал в регионе до 1920 г.

По поводу национального состава организации можно привести следующие данные: на 1 октября 1920 года она включала 1410 русских, 231 карела, 95 финнов, 14 латышей, 12 украинцев, 10 поляков, 5 белоруссов, 4 евреев и 19 представителей других национальностей⁵³. В данном случае речь идет об объединенной Карельско-Олонечкой организации РКП(б).

---

⁵¹ Здесь и далее указывается основное место работы.

⁵² Сведений нет.

⁵³ НА РК, Ф. П-7, оп. 1, д. 19, л. 60.

На 1 июля 1922 года национальный состав теперь уже самостоятельной Карельской областной партийной организации выглядел следующим образом: 569 русских, 150 карелов, 109 финнов, 45 латышей, 7 немцев, 7 евреев, 6 поляков и 2 шведа⁵⁴. При уменьшении общего численного состава в связи с разделением олонекской и карельской парторганизаций число финнов не только выросло абсолютно и относительно, но и превысило долю карелов.

И, наконец, данные на 1 июня 1923 года: русских – 708, финнов – 218, карелов – 175, латышей – 10, эстонцев – 8, поляков – 7, евреев – 6, шведов – 3, итальянец и китаец⁵⁵. Обратим внимание на то, что при общем численном росте парторганизации число финнов росло быстрее всего, практически удвоившись за год. Справедливости ради следует отметить, что карелы проживали преимущественно в сельской местности, где возникало одно серьёзное препятствие для наращивания численности парторганизаций – катастрофически не хватало большевиков, имевших право давать рекомендации для вступления в РКП(б), о чем Карельский обком неоднократно информировал Москву и Петроград.

Для полноты картины приведём те данные о национальном составе населения КТК в целом, которыми в июне 1923 года руководствовались в Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, решая вопрос о преобразовании КТК в АКССР: всего – 207 тыс. чел., в т. ч. 115 тыс. русских, 86 тыс. карелов, 2 тыс. финнов⁵⁶. Иначе говоря, каждый десятый финн, проживавший в КТК, являлся членом партии (у русских 1 партийный приходился на 162 человека, у карелов – на 491).

От упоминавшегося выше «среднестатистического» представителя карельской элиты финны отличались двумя существенными особенностями. Во-первых, у них был значительно более высокий уровень образования. Около 40% из них имели высшее образование (в целом по элите – 1%). Э. Гюллинг при этом имел степень доктора философии. Еще 30% получили среднее образование

---

⁵⁴ НА РК, Ф. П-3, оп. 1, д. 48, л. 18.

⁵⁵ НА РК, Ф. П-3, оп. 1, д. 219, л. 32.

⁵⁶ ГА РФ, Ф. Р-1318, оп. 1, д. 62, л. 27.

(в целом по элите – 10–15%), 30% – начальное. Можно предположить, что общий уровень среднего и начального образования на территории Великого княжества Финляндского был выше, чем в Олонецкой и Архангельской губерниях.

Во-вторых, финны к моменту инкорпорации в карельскую элиту имели определенный опыт государственной и партийной работы. Э. Гюллинг, Ю. Кому, Я. Мяки и А. Нуортева являлись депутатами Сейма Финляндии. А. Нуортева заведовал отделом Народного комиссариата по иностранным делам РСФСР. Ю. Арьянне работал в Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР. Многие из финнов являлись активными деятелями Центрального бюро финских организаций при ЦК РКП(б).

Указанные особенности позволили финнам с первых дней своего появления в Петрозаводске активно включиться в местную политическую жизнь, но было бы некоторым преувеличением говорить о том, что они с самого начала захватили все «командные высоты». Уже сам перечень тех должностей, которые они занимали, требует осторожного подхода к оценке их влияния. Да и изучение источников позволяет сделать вывод о том, что до середины 1922 г. «красные финны» сталкивались с очень серьёзным сопротивлением со стороны того крыла местной элиты, которое известно в историографии как «русско-карельская оппозиция».

Борьба, притом борьба принципиальная, велась по многим вопросам. Можно вспомнить наиболее важные из них: определение территории КТК и её разграничение с Олонецкой губернии, борьба за Петрозаводск как административный центр губернии и КТК, разделение карельского и олонецкого партийного и государственного аппаратов, политика в области народного образования, вопрос о подчиненности финских партийных организаций Карельско-Олонецкому объединенному комитету РКП(б) и т. д.

Стороны обменивались довольно чувствительными ударами. Э. Гюллинг дважды получал выговор по партийной линии. На 1-й Карельской областной партийной организации его провалили при выборах нового состава обкома РКП(б) и понадобилось вмешательство Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) для того, чтобы пред-

седателя Карисполкома всё же кооптировали в состав обкома⁵⁷. Оппонентам тоже доставалось. Достаточно вспомнить постановление Президиума ВЦИК об отдаче под трибунал президиума Олонецкого губисполкома в полном составе за упорное сопротивление попыткам руководителей КТК выселить губернские учреждения в Лодейное Поле. Особого накала борьба достигла при обсуждении вопроса о бюджете КОНО на 1922 год. «Русско-карельская» оппозиция категорически выступила против выделения 2/3 бюджета на финансирование финских школ, составлявших менее 1/3 от общего количества, при том, что и равномерное распределение средств едва-едва обеспечило бы их существование. С обеих сторон зазвучали политические обвинения. И те, и другие уличали оппонентов в непонимании политики партии.

Когда возникла угроза выхода ситуации из-под контроля, последовало вмешательство Северо-Западного бюро ЦК РКП(б) и самого ЦК. Прибывший в Петрозаводск секретарь Севзапбюро Б. П. Позерн доходчиво разъяснил политику партии в национальном вопросе и пресёк дальнейшие дискуссии угрозами принять самые жёсткие меры. Лидера оппозиционеров В. М. Куджиева отозвали из Петрозаводска. Его наиболее видный сторонник И. А. Данилов предпочел прекратить препирательства с финнами. Но победа «красных финнов» была временной. И. В. Сталин, лично отозвавший Куджиева из Карелии, исходил из тактических представлений о роли КТК в противостоянии с Финляндией. Стратегически добивавшаяся максимально широкой автономии КТК – АКССР никак не отвечала сталинским представлениям о правильном устройстве государства.

Думается, что лучше всего о реальной позиции Сталина говорит то, что В. М. Куджиев и И. А. Данилов умерли в своих постелях соответственно в 1976 и 1953 годах, а их оппоненты Э. Гюллинг и Я. Мяки были расстреляны. Последний, кстати говоря, был самым жёстким и непримиримым политиком среди «красных финнов». Для полноты картины можно напомнить и тот факт, что из семи членов Карельского революционного ко-

---

⁵⁷ НА РК, Ф. П-3, оп. 1, д. 50, л. 35.

митета были расстреляны четверо: Э. Гюллинг, Я. Мяки, В. Гурьев, Ф. Поттоев. И. А. Никитина в 1925 году осудили за совершение уголовного преступления и дальнейшая судьба его неизвестна.

Между самими «красными финнами» также не всё было гладко. Секретарь Карельского обкома РКП(б) И. Ярвисало периодически выражал недовольство упорным нежеланием Э. Гюллинга согласовывать свои действия с ним. Так, 15 июня 1922 года он, выступая на пленуме обкома, указал «на ненормальное явление, что исполком действует во многих вопросах без санкции областкома». Для исправления ситуации пленум предложил ввести И. Ярвисало в состав президиума Карисполкома⁵⁸.

Обвинения Э. Гюллинга в национализме также раздавались отнюдь не только с «русско-карельской стороны». Финский историк М. Кангаспуру пишет, например, о том, что член Северо-Западного бюро ЦК РКП(б), представитель Компартии Финляндии А. Тайми обвинял председателя Карисполкома в принадлежности к сторонникам создания «Великой Финляндии», в стремлении добиться полной независимости КТК от России и дезинформировании И. В. Сталина⁵⁹.

Подводя итог, можно сказать, что «красные финны» сыграли безусловно яркую роль в истории Карелии. Их стремление превратить регион в развитый край, своим примером показывающий угнетённому пролетариату Северной Европы преимущества социализма, объективно отвечало интересам местного населения. Другое дело, что они не смогли решить ни свою главную стратегическую задачу – сдетонировать революционную ситуацию в Скандинавии, ни тактические. По крайней мере к концу своего существования КТК переживала тяжелейший социально-экономический кризис. Судьба «красных финнов» – еще один исторический урок тем, кто ради утопических политических целей готов не жалеть ни себя, ни других.

---

⁵⁸ НА РК, Ф. П-3, оп. 1, д. 50, л. 40.

⁵⁹ *Кангаспуру М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков на Северо-Западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск, 1998. С. 126.

ФИННЫ В ВОИНСКИХ ФОРМИРОВАНИЯХ СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1918–1940 ГОДЫ)

В русской армии с давних времен верой и правдой служили иностранцы. Финны не являлись исключением. Впервые они появились в русской армии ещё в далекие 1700-е годы. 200 лет назад Финляндия вошла в состав Российской империи как Великое Княжество Финляндское. Как она адаптировалась в составе Российской империи, как граждане княжества участвовали в жизни Российской империи, об этом написано достаточно.

Остановимся на малоизученной в России теме – роли граждан Великого Княжества Финляндского в российской армии. Здесь следует сразу же отметить, что за 108 лет совместного пребывания в составе одного государства финны активно участвовали в защите России, свыше 3000 финнов служили в русской армии.

С наступлением 1809 года высшие сословия Финляндии решили воспользоваться теми благоприятными возможностями, которые предоставляла Россия для служебной карьеры, особенно в военной сфере⁶⁰.

В 1809 году сложилась ситуация, когда, с одной стороны, внезапно возникла собственная новая бюрократия Великого Княжества и расширился его Университет, а с другой, появились возможности, предоставляемые Россией. Именно военная служба в России стала для молодых дворян и нетитулованных чиновников выходом из положения, расширив возможности их карьеры.

...Служба предполагала знание русского языка, но на протяжении долгого времени оно не могло быть высоким. В элитных частях (гвардейском полку) был обязателен французский язык. Обращения в православную веру не требовалось.

Основанием финской кадетской школы в Хаапаниemi, позднее переведенной в Хамина, было положено начало военной подготовке в Финляндии, которая с 1818 г. полностью отвечала требованиям воинской службы в России, поскольку обучение финских каде-

---

⁶⁰ *Матти Клинге*. На чужбине и дома. Санкт-Петербург: Издательский дом «Коло», 2005. С. 9.

тов подчинялось русскому Генштабу. Многие финны попадали в армию иными путями – университет, юнкерская школа, военные гимназии, морские кадетские школы и пр.⁶¹

По данным за 1876 г. на высших должностях находились 2 генерала от инфантерии (Рамсай, Нурд), один генерал от артиллерии (Сегеркранц), 13 генерал-лейтенантов, 26 генерал-майоров, 95 полковников, 87 подполковников и 57 майоров, т. е. всего 281 штабной офицер. В 1877 г. свыше 2000 финнов служили офицерами русской армии⁶².

Только в I мировую войну в русской армии воевало свыше 300 финских офицеров. Многие из них служили на высоких должностях. Различными армейскими корпусами командовали К. Г. Маннергейм, генерал-лейтенант В. Альфтан, генерал-лейтенант К. Г. Р. Шарпендир (Charpetier), генерал-майор Х. фон Хелленс, а генерал О. Сирелиус даже был командующим армейской группировкой. Дивизиями командовали Э. Лёфстрём, Т. Ваденстьерна, Б. Экерман, А. Аппельгер, С. Сегеркранц (Segercrantz), Э. Раддатц (Raddatz) и Е. Каяндер. Бригадами командовали П. фон Герих, М. Ветцер и Й. Холмсен. Генералы К. Кивекас и И. Жаворонков командовали соответственно артиллерийской дивизией и бригадой. Здесь можно перечислять десятки фамилий финских генералов, адмиралов и офицеров, занимавших высокие должности в русской армии и флоте⁶³.

Число находившихся на имперской военно-морской службе финнов, прежде всего офицеров, в общей сложности составило 340 человек, из них 9 – адмиралов, 21 – вице-адмирал и 46 – контр-адмиралов⁶⁴.

Практическое большинство из них не приняли октябрьскую революцию и большевиков и вернулись на родину, в Оборонительные силы Финляндии. Как, например, Верховный главнокомандующий, а позднее – президент республики маршал Маннергейм,

---

⁶¹ Там же. С. 9–11.

⁶² Там же. С. 13.

⁶³ См., например: *Westerlund, Lars* (toim.). *Suomalaiset ensimmäisessä maailman sodassa // Valtioneuvoston kanslian julkaisusarja*. 2004. № 6. Helsinki: Edita Prima Oy, 2004. S. 12.

⁶⁴ *Матти Клинге*. Указ. соч. С. 49.

генерал от артиллерии Ненонен, военный министр в годы Зимней войны и войны-продолжения Р. Валден, премьер-министр и президент послевоенной Финляндии Ю. Паасикиви, а также министр иностранных дел К. Энкель и др. – все они входили в состав ответственной группы соотечественников, которая выросла в императорской армии или находилась в России на должностях, требовавших знания русского языка и культуры. Начертанная Маннергеймом и Паасикиви внешняя политика была неразрывно связана с традицией этой группы и наиболее видные ее проводники следовали в своей деятельности этой традиции⁶⁵.

1918 год кардинально изменил обстановку: из русской армии ушла финская военная элита, на место ее в Россию пришли бежавшие после разгрома революции в Финляндии, «красные финны», которые активно участвовали в защите молодой Советской России, а позже и СССР.

В 1918 году в Вооруженных Силах Советской России создавались соединения и части по признакам национальной принадлежности личного состава⁶⁶. Аналогичные части формировали и находившиеся в России финны. Остановимся на отдельных из них. Они формировались в основном из красногвардейцев. В 1918 году было создано несколько финских полков. Весной два финских полка участвовали в защите Карелии. Так, 6-й финский полк вел бои в районе Петрозаводска, 1-й полк участвовал в защите Олонца. Один финский полк был разбит в Эстонии. В 1918–1919 годы 54-й и 480-й финские полки героически сражались на Архангельском и Польском фронтах. Были и более мелкие финские формирования, которые сражались в Сибири, на Карельском перешейке. Следует вспомнить и курсантов международной военной школы в Петрограде, активно сражавшиеся в 1919–1922 годы на Карельском, Олонецком и Петроградском фронтах. Среди них было много финнов и карел.

С созданием Карельской Трудовой Коммуны карелы освобождались от несения военной службы с одной целью, что бы они сосредоточились на решении экономических вопросов. Но не была

---

⁶⁵ Там же. С. 34–35.

⁶⁶ Военный энциклопедический словарь. М.: Военное издательство, 1983. С. 482.

забыта интервенция финнов в северную Карелию в 1921–1922 годах, названная тогда «карельской авантюрой» (в настоящее время – карельское восстание), и блестящий поход лыжников отряда Т. Антикайнена⁶⁷.

Руководство страны беспокоило положение в соседних странах, отдельные из которых вынашивали территориальные претензии. Именно развитие международной обстановки, внутривнутриполитического положения в стране определяли то, что в 1918–1938 и 1941–1945 годах в Вооруженных Силах СССР создавались соединения и части по признакам национальной принадлежности. Национальные формирования различных видов явились одной из форм приобщения трудящихся масс национальных окраин бывшей царской России к вооруженной защите Советской власти. Они создавались из народов Средней Азии, Кавказа и других районов страны⁶⁸. В Карелии – это Карельский егерский батальон, на базе которого позже была развернута Карельская егерская бригада РККА. В тот период в армии оставалось много финнов, получивших военное образование в Петрограде и Москве.

Формирование их проходило в общем русле военного строительства в СССР, где к воинской службе стали привлекать все национальности. В 1923 году ЦК РКП(б) совместно с представителями республик разработал мероприятия по формированию национальных воинских частей и военных училищ. В конце 1924 года Реввоенсовет СССР утвердил 5-летний план дальнейшего создания национальных формирований⁶⁹.

Согласно военной реформе первых лет НЭПа, основные положения которой были закреплены в Конституции СССР 1924 года, республики получили право иметь национальные воинские части. 15 октября 1925 года, по инициативе правительства АКССР в Петрозаводске сформировали отдельный Карельский егерский батальон (ОКЕБ). Батальон подразделялся на три стрелковых, одну станково-пулеметную роты, имел взвод конных разведчиков, взвод связи,

---

⁶⁷ *Heikkonen J. E. Karjalan kansalaiset joukot Punaisessa armeijassa // 1920–1930. Kymmenen vuotta Neuvosto-Karjalaa. Petroskoi. Autonomisen Karjalan Sosialistisen Neuvosto-Tasavallan Toimeenpanevan Keskuskomitean kustantama. 1930. S. 160–163.*

⁶⁸ Военный энциклопедический словарь. С. 482.

⁶⁹ Военный энциклопедический словарь. С. 482.

артиллерийский взвод, саперно-маскировочный взвод, хозяйственную команду, а также команду музыкантов. Общая численность бойцов батальона в 1927 году составляла 722 человека.

Батальон создавался для защиты республики от возможного нападения Финляндии на СССР. В то время воинских подразделений в Карелии было мало – только части недавно созданной пограничной охраны.

Рядовой состав пополнялся осенним призывом мужчин из карельских деревень; комсостав был исключительно финским, из Интервоеншколы. Первая рота была национально смешанной, вторая – русской, третья – карельской. Среди рядового состава большинство составляли карелы (65%) и русские (34%), среди среднего и старшего командного состава преобладали финны (60%). Батальон достаточно хорошо снабжался обмундированием, снаряжением, необходимым инвентарем. Дневной рацион питания бойцов составлялся из расчета 4705 калорий в день, что значительно превышало аналогичный показатель в армиях Запада⁷⁰.

Программы обучения бойцов была насыщенной, в батальоне поддерживалась строгая дисциплина. При батальоне существовали свой театр, клуб, работали добровольные общества Друзей книги и др. Вышестоящие органы беспокоила излишняя самостоятельность командиров-финнов: немногочисленная парторганизация не имела права вмешиваться в решение армейской жизни, наблюдалась увлечение некоторыми строевыми атрибутами по образцу западных армий⁷¹.

20 ноября 1930 года бюро Карельского обкома ВКП(б) приняло постановление «О необходимости развертывания отдельно Карельского егерского батальона в отдельную егерскую бригаду». В постановлении отмечалось: «... угроза войны ... заметно усилилась, агрессивная враждебность политики Финляндии по отношению к СССР превращает эту угрозу в постоянную и непосредственную возможность возникновения военных конфликтов, ... при

---

⁷⁰ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск: Периодика, 2001. С. 452–453; Неизвестная Карелия. Документы спецорганов о жизни республики. Петрозаводск: Институт языка, литературы и истории КНЦ РАН, 1997. С. 119–120.

⁷¹ История Карелии с древнейших времен до наших дней. С. 452–453.

незначительности вооружённых сил на территории Карелии ... и большого протяжения границы Карелии с Финляндией может быть создано затруднительное положение при отражении возможной финской военной авантюры на границе...». В постановлении также указывалось: «усугубляет положение Карелии в деле обороны» и наличие на ее территории большого количества заключенных.

Вопрос о преобразовании национального батальона в бригаду рассматривался трижды на бюро и пленумах Карельского обкома партии: в июле 1929 г., марте и ноябре 1930 г. В марте 1930 года бюро Карельского обкома ВКП(б) приняло постановление об увеличении Карельской егерской бригады на саперную роту и автовзвод, а также об увеличении технической связи с расчётом развёртывания батальона в отдельную территориальную бригаду⁷².

Развёртывание бригады Маттсон начал в октябре 1931 года и завершил 25 декабря того же года. К 28 февраля 1932 года Бригада состояла из штаба, политотдела, двух отдельных стрелковых батальонов – Петрозаводского и «Отдельного Олонецкого егерского батальона», а также «Отдельного Карельского артиллерийского дивизиона», роты связи, саперной роты (причем все они также имели официальные наименования «отдельные»), подразделения обеспечения и обслуживания. В военное время формировались еще два стрелковых батальона: «Отдельный Заонежский стрелковый батальон» в Заонежье и «Вепский стрелковый батальон» в Шелтозере⁷³.

17 октября 1934 года бюро Карельского обкома ВКП(б) принято постановление о развёртывании отдельной Карельской егерской бригады в горнострелковую дивизию. Однако формирование её так и не состоялось. Осенью 1935 года партийно-советское руководство Карелии сменилось, началась компания по «борьбе с финским буржуазным национализмом», провозглашённая V пленумом обкома партии (октябрь 1935 года)⁷⁴. Ещё в январе 1935 года бригаду из егерской переименовали в стрелковую, а в марте того же года было принято явно политическое решение о её расформировании, к декабрю она перестала существовать.

---

⁷² Особые папки. Рассекреченные документы партийных органов Карелии 1930–1956 гг. Петрозаводск: Григорович А. А., 2001. С. 7–8, 12–13, 154, 157–158.

⁷³ Особые папки. С. 7–8, 12–13, 154, 157–158.

⁷⁴ Там же.

Размещался батальон в известном петрозаводчанам комплексе «военных» зданий бывшей духовной семинарии на улице Гоголя.

Среди военных периодически возникали межнациональные трения, которые, впрочем, жестоко пресекались командованием. Так, в докладной записке от 29 марта 1929 года руководство ГПУ АКССР в ОГПУ ЛВО о настроениях в Карельском егерском батальоне говорится, что национальная неприязнь между русскими егерями и егерями-карелами выражается в том, что русские называют карел «турками»... антагонизм между ними проскальзывает на каждом шагу. Например, когда бывают спектакли в батальонном клубе, то стоящие контролёрами русские егеря не пропускают без билетов егерей-карел, в свою очередь, и карелы не пропускают русских без билетов и т. п.⁷⁵

Со дня создания Отдельная Карельская егерская бригада находилась постоянно в поле зрения органов безопасности Карелии. Сначала к ОКЕБ прикрепили сотрудника контрразведывательного отделения ГПУ АКССР, который вел всю оперативную работу в батальоне. Основная задача ГПУ состояла в выявлении шпионов и антисоветских элементов среди личного состава. С учетом специфики батальона на первоначальном этапе сотрудников подбирали из числа финнов. Одним из первых сотрудников контрразведывательного отделения ГПУ АКССР, которые вели в батальоне оперативную работу, были Ю. П. Никкас и В. И. Тимонен. Позже стремились соблюдать это правило насколько это возможно⁷⁶.

21 января 1931 года после реорганизация контрразведки контрразведывательное отделение ГПУ АКССР преобразовали в Особое отделение. В связи с реорганизацией и развертыванием Отдельного Карельского Егерского батальона в отдельную Карельскую Егерскую бригаду 16 ноября 1931 года приказом начальника ГПУ АКССР Особое (контрразведывательное) отделение ГПУ АКССР переименовали в Особое отделение ГПУ АКССР и отдельной Карельской Егерской бригады. Начальник ОО ГПУ АКССР А. С. Ивайлов по совместительству являлся начальником особого отделения отдельной Карельской Егерской бригады⁷⁷. Несколько

---

⁷⁵ Неизвестная Карелия. С. 119–120.

⁷⁶ Архив УФСБ РФ по РК, ФРД, оп. 9, п. 2, с. 10.

⁷⁷ Архив УФСБ РФ по РК, ФРД, оп. 11, п. 1, с. 5, 85–89.

позже в составе отдельной Карельской Егерской бригады создали самостоятельное Особое отделение, которое подчинялось ГПУ АКССР.

Бригада одной из первых вступила в трагедию РККА 1930-х годов. На карельских егерей одна за другой накатывались волны репрессивных кампаний. В 1930 году ОГПУ провело операцию «Весна», в результате которой репрессировали тысячи военных. В августе 1930 года Председатель ОГПУ В. Меньжинский в приказе № 251\119 от 09.08.1930 г. «О борьбе с контрреволюционным шпионажем в частях Красной Армии» говорилось о том, что Особыми Отделами ОГПУ проведена большая работа «по чистке армии от чуждых элементов»... «в 1929–1930 году из армии вычищено 16695 человек, ликвидировано 594 контрреволюционных организации-группировки, арестовано 2603 человек...»⁷⁸. В число чуждых элементов входила группа бойцов и командиров батальона, арестованных ГПУ АКССР весной 1930 года. «Охота на ведьм» продолжилась и в бригаде. По делам «контрреволюционной повстанческой организации» и «заговора финского генштаба» только в одном Олонецком батальоне в 1932–1934 годах арестовали почти весь командирский состав с комбатом А. Хильденом. Репрессиям подверглись и многие рядовые красноармейцы, – сыновья раскулаченных и арестованных, а также так называемые «каравантюристы», участие которых в «Карельской авантюре» ограничивалось бегством с семьей в Финляндию в детском возрасте.

После отстранения от руководства АКССР «красных финнов» в ноябре 1935 года по всей стране начались аресты военнослужащих бригады. Так, бывшего командира бригады Матсона арестовали 28 мая 1936 года в Москве, в 1938 году расстреляли последнего командира бригады латыша Николая Кальвана. Всего из 257 командиров Карельской егерской бригады и курсантов финского отделения Ленинградской пехотной школы репрессировали 225 человек, из них более 90 процентов было расстреляно или погибло в лагерях. Из гордости республики Отдельная Карельская егерская бригада превратилась в «гнездо шпионов, националистов и заговорщиков». Быть финном, даже «красным», становилось опасно для жизни. Да и карелом тоже.

---

⁷⁸ Архив УФСБ РФ по РК, ФРД, оп. 90, п. 2, с. 76.

Руководство НКВД Карелии в 1938 году докладывало обкому: «...Овладев в самом начале командными высотами в республике, националистическая организация проводила подготовку вооруженного восстания путем создания стрелковой егерской бригады, укомплектованной национальным комсоставом и политработниками, где проводилась контрреволюционная подготовка переменного состава, формирование повстанческих организации во всех районах республики, имея в этой деятельности стык с деятельностью «правых» в Карелии...»⁷⁹.

Своим рождением Карельский егерский батальон и развернутая позднее на его базе Карельская егерская бригада обязаны прежде «красным финнам», многие из которых закончили знаменитую Петроградскую Интернациональную военную школу. Именно они составили костяк командных кадров батальона, а позже бригады.

Решающую роль в становлении этой уникальной части сыграл его первый командир – Эйолф Георг Маттсон. Он родился 1897 году в м. Сауво губернии Турку и Пори в семье крупного шведского банкира, в 1909 году семья переехала в г. Марианхамина (Аландские острова), где он закончил лицей и поступил учиться в Хельсинское Высшее техническое училище. Активный участник финской революции и гражданской войны в Финляндии, в 1918 году Маттсон бежал в Советскую Россию, где вступил в РКП(б), закончил петроградские командные курсы. В апреле 1919 года его назначили командиром 4 роты, а в июне – командиром 2-го батальона 164-го финского полка, воевал в Карелии против английских войск и белогвардейцев. В 1919 году он первым из финнов был награжден орденом Красного Знамени. В 1920 году Маттсон учится в Военной академии. В период учёбы молодой швед направляется в составе российской торговой делегации под руководством Красина на переговоры в Копенгаген и Лондон. В 1921 году его лично принял Ленин, за выполнение особого поручения – сопровождение в поездке по Средней Азии вдовы писателя Джона Рида художницы Луизы Брайант. Летом в 1921 года Маттсон работал секретарем-переводчиком шведской делегации на конгрессе Коминтерна. По

---

⁷⁹ *Ланшов С.* Карельские егеря – погибшие без боя // Север. 2009. № 11–12. С. 157–167.

окончании Военной академии с осени 1922 года он продолжил службу в Карелии в качестве командира 2-го пограничного батальона, с июня 1923 года – заместителя начальника пограничных войск. Позже он служил командиром 10-го полка в Бобруйске. Осенью 1925 года после формирования ОКЕБ его назначили командиром бригады.

Маттсон лично знал Гюллинга, а через отца командующего финской армией Сихво. Комбат сразу же взялся за строительство батальона по образцу финской армии, на основе ее воинских уставов. Даже введённое им воинское приветствие и команда «смирно» отличались от установленных в РККА правил, что приводило в ужас проверяющих чинов Красной Армии. Вместо принятого в армии физкультурного общества «Динамо» Матсон организовал союз под названием «Медведь» и даже предложил заменить на головном уборе красную звезду на белого медведя. Библиотека батальона, как и библиотека интервоеншколы, состояла исключительно из финских изданий.

Реввоенсовет Ленинградского военного округа не остался равнодушным ко всей этой крамоле и в 1928 году Маттсона перевели служить подальше от границы, в Новгород, начальником штаба 48 дивизии. В 1931 году после реорганизации Карельского егерского батальона в бригаду опальный Маттсон вернулся обратно благодаря ходатайству Э. Гюллинга перед руководством ЛВО М. Тухачевским и Б. Фельдманом, убедив их, ссылаясь на «специфику местных условий», что лучшего командира не найти.

В январе 1934 года Маттсона назначили командиром 10 дивизии в г. Сталинград, а в январе 1936 года направили преподавателем факультета тактики военной академии им. Фрунзе. В мае 1936 года его арестовали и 1 января 1937 года за участие в заговоре приговорили к высшей мере наказания, который заменили на 10 лет лишения свободы. Заключение он отбывал в Москве, Орле, Караганде. После отбытия 10-летнего срока в 1946 году Маттсон вышел на поселение, работал начальником технического отдела Норильского комбината, через пять лет вернулся к семье в г. Краснокамск Пермской области. В 1957 году его реабилитировали, возвратив звание полковника и орден. Герой революции скромно работал инженером-нефтяником, возглавлял профком треста, руко-

водил шахматным клубом. Предложение вернуться в республику он отклонил, умер в Краснокамске 26 мая 1965 года⁸⁰.

В 1935 году в связи с началом борьбы с национализмом и дальнейшими репрессиями в стране воинские национальные формирования в Карелии ликвидировали. Однако не надолго. С началом подготовки войны с Финляндией было предпринято создание Финской народной армии. Однако сформировать ФНА полностью из национальных кадров не удалось. Возможно, что такая задача и не ставилась Сталиным. Большинство высших командных должностей в ФНА занимали русские. Средний и младший командный состав формировался в основном из национальных кадров. Впрочем, по свидетельствам очевидцев, были случаи, когда на одну офицерскую должность назначались два человека – финн и инспектирующий его русский. И только в рядовом составе преобладали финны и карелы.

На основе 106-й дивизии по приказу К. Е. Ворошилова от 23 ноября 1939 года в Петрозаводске началось формирование Управления и частей горно-стрелкового корпуса (ГСК) ФНА. В Управление корпуса вошли: командир – комдив Аксель Моисеевич Анттила, военный комиссар – бригадный комиссар Филипп Иванович Егоров, начальник штаба – комбриг Федор Николаевич Романов, всего 33 человека. Одновременно был создан и политотдел корпуса в составе 12 человек, в их числе: начальник политотдела – полковой комиссар Владимир Петрович Терешкин, его заместитель – Федор Николаевич Григорьев, редактор корпусной газеты «Народная армия» – Михаил Иванович Мелентьев, секретарь партбюро управления – Петр Иванович Лайтинен и другие⁸¹.

Шло формирование корпусных частей: отдельного саперного батальона, батальона связи, отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, особого отдела, прокуратуры, трибунала, а также стрелковых дивизий.

---

⁸⁰ Иван Чухин. Карелия–37: идеология и практика террора. Петрозаводск: Издательство Петрозаводского государственного университета, 1999. С. 20; Harjula, Mikko. Suomalaiset Venäjän sisällissodassa 1917–1922. Helsinki: Kirjapainos Gummerus OY, 2006. S. 516–517.

⁸¹ РГВА, Ф. 3489, оп. 9, д. 13, л. 1об.

В конце лета – начале осени 1939 года в армии стали восстанавливать офицеров запаса – лиц финской национальности, ранее лишённых офицерских званий и права служить в Красной Армии.

В начале декабря 1939 года на Карельском перешейке в полосе 7-ой армии были сосредоточены главные силы ФНА: 1-я СД (командир – полковник Алексей Александрович Гречкин, комиссар – батальонный комиссар Николай Александрович Дильденкин, с середины декабря 1939 года заменённый на полкового комиссара Александра Федоровича Кириллова) и 2-я СД (командир – полковник Григорий Александрович Зверев, комиссар – сначала старший политрук А. В. Киуру, затем – полковой комиссар Н. А. Замков). Один стрелковый полк (командир – полковник А. Аланнэ, военный комиссар – Н. Н. Сорокин) в составе 14-ой армии находился на Кольском полуострове. В середине декабря 1939 года с Карельского перешейка на Петрозаводское направление для выполнения специального задания перебросили 5-й стрелковый полк ФНА. Вместе с ним выехал бывший комиссар 1-ой СД Н. А. Дильденкин.

На основе 5-го стрелкового полка на участке 9-ой армии (командующий – Г. М. Штерн) в районе Поросозеро–Суорви была сформирована 3-я СД ФНА, командиром которой назначили подполковника Т. А. Томмола, а комиссаром стал Н. А. Дильденкин. В первой половине января 1940 года на ухтинское направление в полосу действий 9-й армии (командующий – В. И. Чуйков) перебросили батальон (позднее переформированный в 7-й отдельный стрелковый полк ФНА) под командованием капитана Туоминена. В конце февраля 1940 года из-за неудачных действий подразделения Туоминена сняли с должности, заменив на Ивана Михайловича Петрова (Тойво Вяха). На мурманском направлении на участке 14-й армии отдельный стрелковый полк под командованием А. Аланнэ переформировали в 4-ю пограничную дивизию ФНА с задачей охраны государственной границы будущей Финляндской Демократической Республики.

Таким образом, части ФНА были разбросаны на огромном протяжении фронта от Финского залива до побережья Баренцева моря. Несмотря на все усилия, полностью укомплектовать части ФНА до конца Зимней войны так и не удалось. К концу января 1940 г. общий процент укомплектованности Народной

армии составлял по старшему командному составу 63%; по младшему – 69%; по рядовому составу – 61%. Чрезвычайно низкой была укомплектованность транспортом: по легковым машинам на 35%; по специальным машинам на 8%; по тракторам на 12%. В частях ФНА ощущался острый недостаток лыж. И только стрелковым оружием народоармейцы, в основном, были обеспечены⁸².

После окончания советско-финляндской войны 1939–1940 годов принципиальное решение о судьбе ФНА было принято на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 24 марта 1940 года и оформлено в этот же день в постановлении ЦК ВКП(б) «О мероприятиях по преобразованию Карельской АССР в Карело-Финскую Союзную Социалистическую Республику». 13-й пункт этого постановления гласил: «В соответствии с решением не иметь в республиках национальных формирований Красной Армии, расформировать финский корпус, как самостоятельное воинское соединение, поручив НКО направить начальствующий и рядовой состав финского корпуса на укомплектование существующих частей Красной Армии»⁸³.

На основании этого решения Нарком обороны СССР издал приказ №0015, по которому началось расформирование частей ФНА. Бойцов снова переодели в красноармейскую форму, добровольцев уволили в запас. Войсковые соединения ФНА позднее составили ядро 71-й стрелковой дивизии Красной Армии.

Интересные материалы о формировании этой дивизии можно найти в личном архиве первого секретаря ЦК КП(б) Карело-Финской ССР Г. Н. Куприянова, который хранится в Национальном архиве Республики Карелия (НАРК). Он пишет: «В конце марта 1940 года у Сталина состоялось совещание, на котором присутствовали К. Е. Ворошилов, А. А. Жданов, командир первого корпуса ФНА А. Анттила и я. Анттила просил Сталина разрешить формирование из личного состава корпуса карело-финской национальной дивизии. Сталин ответил, что несколько лет назад Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение не иметь в составе Вооруженных

---

⁸² РГВА, Ф. 3480, оп. 9, д. 1, л. 39–40.

⁸³ Архив Президента Российской Федерации (далее – АПРФ), Ф. 3, оп. 61, д. 378, л. 5.

Сил национальных формирований⁸⁴. Но после обсуждения было решено сформировать из карел, финнов, вепсов и русских, находившихся в составе корпуса, обычную 71-ю стрелковую дивизию⁸⁵.

Первым командиром 71-й СД стал А. Анттила, командиром 52 стрелкового полка был назначен финн А. Алланэ; 206 стрелкового полка – карел В. Ф. Алексеев; 126 стрелкового полка – финн И. М. Петров (Тойво Вяха); комиссаром дивизии – олонекский карел Ф. И. Егоров; командиром саперного батальона – финн Т. Алтонен⁸⁶.

Эта была последняя попытка создания в Карелии национальных воинских формирований.

Е. Ю. Дубровская

«...О ВРЕМЕНИ И О СЕБЕ...»: ВОСПОМИНАНИЯ «КРАСНЫХ ФИННОВ» О РЕВОЛЮЦИИ И ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В КАРЕЛИИ

При сопоставлении отразившихся в источниках традиционных образов «природного» времени, какими они сложились в представлениях крестьянского населения карельского приграничья в начале XX столетия, и образов времени «военного» и «революционного», революции 1917 г. и гражданской войны в России, особый интерес представляют воспоминания т.н. «красных финнов».

Судьбы десятков «красных финнов», посвятивших себя военному делу профессионально, оказались связанными с Карельским Егерским батальоном⁸⁷. Среди них участники революции 1918 г.

---

⁸⁴ Национальные формирования стали создаваться только в ходе Великой Отечественной войны в соответствии с решением ГКО СССР от 13 ноября 1941 года. (См.: Великая Отечественная война 1941–1945. Энциклопедия. М., 1985. С. 484.

⁸⁵ НАРК, Ф. 3435, оп. 1, д. 116, л. 175–176.

⁸⁶ Там же, л. 176.

⁸⁷ Подробнее об этом см.: *Дубровская Е. Ю.* Карельский Егерский батальон и воинские формирования в Карелии в 1920-е гг. // Вестник молодых ученых. Исторические науки. СПб., 1999. № 5. С. 20–26.

в Финляндии рабочий М. Куконоя и выборжанин Я. Саволайнен, уроженец Улеаборгской губернии А. Лайне, рабочий со ст. Руукки Э. Ояла, и многие другие, чьи автобиографии хранятся в Научном архиве КарНЦ РАН.

В 1920–1930-е годы психологическое состояние жителей Карелии характеризовалось постоянной готовностью к непрочности достигнутого мира и ожиданием внезапного нападения извне. Любое послевоенное общество неизбежно отравлено войной, и её психологические последствия для общества не менее важны, чем экономические, политические или социальные. На основании собственного недавнего опыта и под воздействием советской индоктринации психология всего общества постепенно превращалась в психологию комбатанта – «человека сражающегося», особый психологический тип, который возникает в предвоенные годы, в массовых масштабах порождается во время войны и продолжает существовать в течение довольно продолжительного времени после её окончания.

Советское общество, сформировавшееся в 1920–1930-е годы специалисты характеризуют в связи с присущим ему самосознанием как межвоенное⁸⁸. Укреплением такого типа общественного сознания был отмечен весь период строительства Карельского Егерского Батальона (КЕБ). Созданный осенью 1925 года, а с осени 1930 года вошедший в состав развернутой в Карелии Отдельной Егерской Бригады, батальон претерпел постоянную смену командиров, кадровые чистки начала 1930-х годов и прекратил существование осенью 1935 года в связи с расформированием национальной бригады и репрессиями офицеров – бывших «красных финнов», многие из которых стали жертвами сфабрикованного особым отделом Ленинградского военного округа (ЛВО) дела «о заговоре финского генштаба»⁸⁹.

---

⁸⁸ Сенявская Е. С. Человек на войне: опыт исторической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 8–9, 15.

⁸⁹ Кангасгуро М. Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 138–140; Репухова О. Ю. Дело о «контрреволюционном заговоре» в Карелии в 1932–1933 гг. («Заговор финского генштаба») // Политическая история и историография (От античности до современности). Петрозаводск, 1996. С. 85–99; Такала И. Р. Репрессивная политика в отношении финнов в Советской Карелии 30-х гг. // *Historia Fenno-Ugrica* 1:2. Oulu, 1996. С. 516–518; Она же. Судьбы финнов в Карелии // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1991. С. 98–103.

Согласно сведениям, приводившимся в докладе Начальника территориального управления АКССР Зусмановича, в 1926 году в КЕБ насчитывалось 567 чел. рядовых красноармейцев, в том числе 368 карелов, 193 русских и 6 финнов. (По социальному составу 516 крестьян, 37 рабочих и 14 служащих, среди них 17 членов и кандидатов РКП(б) и 140 комсомольцев). Младший комсостав по этнической принадлежности тоже в подавляющем большинстве был карельским: 80 карелов, 29 русских, 6 финнов, в их числе 93 крестьянина, 11 рабочих и 1 служащий (84 членов ВЛКСМ).

Между тем в числе 50 командиров среднего и старшего состава и политсостава на долю финнов приходилось больше половины – 30 чел., русских – 11 чел. и всего пятеро карелов (в том числе 32 рабочих, 6 крестьян, 1 служащий; среди них беспартийные оставались в явном меньшинстве: 26 коммунистов, 12 кандидатов в члены партии и 5 комсомольцев)⁹⁰. Офицерский корпус КЕБ в основном состоял из «красных финнов» – эмигрировавших в Советскую Россию участников гражданской войны в Финляндии, впоследствии служивших в 164-м (6-ом) финском полку Красной армии и, как правило, получивших профессиональное образование в Интернациональной военной школе. В 1923 году Президиум Карельского обкома принял решение удовлетворить просьбу Центрального бюро Финляндских организаций в Петрограде о направлении в эту школу 25–30 курсантов карелов по национальности⁹¹.

В 1930-е годы по инициативе сотрудников, работавших в историко-революционной секции Карельского научно-исследовательского института под руководством Ээро Хаапалайнена, проводился сбор воспоминаний о революционных событиях в Финляндии и Карелии. Руководитель секции, в период революции 1918 года и гражданской войны в Финляндии занимавший пост уполномоченного по внутренним делам в правительстве «красных» финнов и должность главнокомандующего Красной гвардии, хорошо понимал значение сбора и публикации свидетельств очевидцев о происходившем в те годы⁹².

---

⁹⁰ НА РК, Ф. 3, оп. 2, д. 102, л. 69.

⁹¹ Там же, оп. 1, д. 216, л. 137об.

⁹² *Такала И. Р.* Ээро Хаапалайнен – революционер, журналист, ученый (к 115-й годовщине со дня рождения) // Политическая история и историография. С. 187–193.

Однако значительная часть записанных рассказов так и не увидела свет из-за того, что их содержание слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране. Многие воспоминания из тех, что в послевоенные годы всё же были предназначены к публикации, носят следы редакторской правки, что само по себе может служить источником по истории науки и стать самостоятельным объектом исследования. Достаточно назвать изъятые из воспоминаний Федора Акуловича Лесонена, уроженца д. Суднозеро Вокнаволоксской вол. Кемского уезда, упоминание о том, что носителями радикальных идей и сторонниками призывов по-новому организовать жизнь приграничья становились не только солдаты-большевики, возвращавшиеся в карельскую глубинку с фронтов Первой мировой войны⁹³.

По свидетельству автора воспоминаний, написанных в 1958 году, «в наших деревнях жили и работали рабочие Финляндии, сбежавшие от виселиц и тюрем Маннергейма. Среди них были революционеры, имена которых оставались неизвестными для широких кругов». Во время наступления белофинских отрядов вглубь Беломорской Карелии весной 1918 года именно финские рабочие революционеры Мюрю и Пурсайнен были расстреляны одними из первых в д. Суопасваара Юшкозерской волости, а уж затем арестованы сторонники новой власти из местного карельского населения⁹⁴.

Но такая «память» не вписывалась в установленную схему и нарушала монополию большевиков на революционизирование жителей приграничья и на чествование павших героев, которые могли происходить лишь из рядов правящей партии или ей сочувствующих. Поэтому из окончательной редакции воспоминаний как одна из «неудобных» подробностей исчез эпизод с погибшими финскими революционерами.

Обращают на себя внимание воспоминания участника Гражданской войны в Карелии, одного из руководителей Компартии Финляндии и деятеля международного рабочего движения Тойво Ан-

---

⁹³ Архив Кар НЦ РАН, Ф. 1, оп. 20, д. 140, л. 15.

⁹⁴ Там же, л. 17.

тикайнена⁹⁵. Финские отряды воевали на Урале, в Сибири и на Южном фронте. Из слушателей пехотных курсов в Петрограде был сформирован финский батальон численностью до 250 чел., который осенью 1919 года был направлен на фронт под Петроградом и принимал участие в боях против войск Северо-Западной армии Н. Н. Юденича⁹⁶.

По свидетельству Т. Антикайнена, бойца 164-го финского стрелкового полка, который сформировали из «красных финнов», во время военных действий на территории Заонежья летом 1919 года в полку «с питанием все обстояло отлично»: «Местность была довольно зажиточной. Молока и овец было вдоволь. Мы соблюдали советский денежный “курс”, поддерживая сходные цены. Когда село брали с боя, в тот день за молоко не платили. Это был своего рода “военный налог”. Никакого другого насилия не применялось. Всякое самоуправление энергично пресекалось. Да его, собственно, и не было. Командиры об этом хорошо заботились. Армейский паек в те времена был тоже приличным. Нас снабжали непосредственно от дивизии. Мы получали двойную порцию сахара и жиров. Выдавали мясные консервы. В то же время полк снабжался от бригады и жил на вобле»⁹⁷.

Помимо свидетельства о хорошем снабжении бойцов 2-го батальона 164-го полка, переформированного в отдельную единицу при 19-й стрелковой дивизии 7-й армии, таком нетипичном для документальных материалов периода гражданской войны в Карелии, воспоминания Т. Антикайнена содержат и своеобразный пример красноармейского фольклора: «Я получил утром две воблы, принесу тебе одну из них», – так ответил бежавший в атаку красноармеец на издевки белых: «Большевики, вам не голодно ли?»⁹⁸

Описывая действия своих однополчан в Заонежье, автор воспоминаний упоминает о том, что у них была даже «кавалерия»: «У крестьян мы мобилизовали лошадей. Когда часть бойцов нам

---

⁹⁵ Тойво Антикайнен : жизнь и подвиг. Петрозаводск, 2008. С. 7–16, 20–30.

⁹⁶ Мусаев В. И. Россия и Финляндия: миграционные контакты и положение диаспор (конец XIX в. – 1930-е гг.). СПб., 2007. С. 191–196.

⁹⁷ Антикайнен Т. Фронтовые воспоминания // За Советскую Карелию. Петрозаводск, 1963. С. 213–214.

⁹⁸ Там же. С. 216.

удавалось посадить на коней, они гарцевали по селам и околицам, как, бывало, гусары. Так мы вводили противника в заблуждение, не давая ему установить наши истинные силы»⁹⁹.

Именно в эти годы обстановка и обстоятельства военной службы армейских кадров от командного корпуса до солдат, так же, как и их последующие связи с армией и государством после демобилизации, формировали взгляды и поведение, которые составили основу «военизированного социализма» как компонента советской политической культуры середины 1930-х годов. С периода гражданской войны советские лидеры стали особенно широко использовать военный лексикон, военную символику, воспринимать чрезвычайные меры по отношению к населению как норму, хотя уже в условиях Первой мировой войны влияние социальных аспектов военных действий и существования военных институтов оказывало значительное влияние на все стороны жизни общества.

Возвращаясь к событиям, о которых вспоминает Т. Антикайнен, следует сослаться на свидетельства о поездке в Заонежье из отчета, подготовленного в ноябре 1919 года комендантом петрозаводского порта для политотдела Онежской озерно-речной военной флотилии. Находясь в октябре по болезни в заонежском с. Кузаранда, он интересовался настроениями жителей после освобождения Заонежского полуострова от частей войск Временного Правительства Северной области генерала Е. К. Миллера. Как отметил автор документа, «у крестьян настроение большевистское к Советской власти, только не довольны на финнов, что самочинно брали одежду и продукты». Присутствуя на сельском собрании, военный моряк пообещал крестьянам, что «за лошадой будет заплачено, когда те использовались для подвоза снарядов и патронов по 80 руб. в день, и пояснил, что за все самочинные действия со стороны финнов будут привлечены ответственные работники, т. к. они отвечают за команду»¹⁰⁰.

Характеризуя состав бойцов 164-го полка, оставившего, как видно из приведённого отчета, недобрую память у заонежан, Т. Антикайнен отметил, что состав этот был «очень пестрым – по

---

⁹⁹ Там же. С. 213.

¹⁰⁰ РГА ВМФ (Российский государственный архив военно-морского флота), Ф. Р-124, оп. 2, д. 18, л. 35.

возрасту были люди от 15 до 60 лет. Были и совсем не обученные. Дисциплиной тоже нельзя было похвастаться. Они повоевали в Финляндии, на южных просторах России, в сибирских степях, защищали эстонскую бедноту. Они появлялись всегда и везде там, где нужно было уничтожить старую власть, которой суждено было исчезнуть в лица земли. Для систематической боевой подготовки времени не оставалось. Не было также обученных командиров»¹⁰¹.

Приведенный фрагмент воспоминаний свидетельствует об осознании бойцами 164-го полка одной из главных новых ценностей, на формирование которой была направлена работа армейских политорганов, – своей освободительной миссии по отношению к классово близким представителям «угнетенных» всех национальностей. В реальной повседневности это оборачивалось не только обострением социальных противоречий в городе и деревне, но и усилением межэтнической напряженности, в данном случае, между русскими крестьянами Заонежья и финнами–красноармейцами.

Среди документов политотдела Онежской флотилии об агитационных поездках моряков в деревню примечательно относящееся к этому же времени обращение военных моряков с «горячей просьбой» «к товарищам-красноармейцам 1-го батальона Финского полка». «Зная вас как самых отважных защитников нашей дорогой РСФСР», говорилось в обращении, моряки просили финских красноармейцев «показать себя перед крестьянами с самой лучшей стороны»¹⁰².

«Мы, моряки, очень хорошо знаем, что есть крестьяне, которые очень много сделали дурного по своей темноте, мы все против тех, кто делает для нас дурное», но ради «внимания и симпатии со стороны крестьян к рабочей и крестьянской власти» к ним следует «иметь снисходительность». «Дорогие товарищи, на нас всех льют ушатами грязь. Почему это так – и вот почему, что у нас есть такие, которые, не считаясь ни с чем, делают всё, что угодно». Онежцы призывали финнов «смотреть друг за другом», поскольку «это есть самое хорошее средство» для прекращения «всяких недоразумений». Обращение заканчивалось словами: «После этого мы, мо-

---

¹⁰¹ Антикайнен Т. Указ. соч. С. 211.

¹⁰² РГА ВМФ, Ф. Р-124, оп. 2, д. 125, л. 1.

ряки, шлём вам свой горячий привет как лучшим защитникам революции и желаем общего успеха побед над белогвардейской сволочью. Да здравствует Красная Армия!»¹⁰³.

Возникает вопрос: насколько эффективной для населения Карелии оказалась армейская школа «военного коммунизма», в которой «красным финнам» суждено было сыграть как роль «учителей», так и роль «обучаемых», в какой степени ее уроки были усвоены обществом? Ответ на него не столь прост, как может показаться на первый взгляд. Важно подчеркнуть, что люди не просто привыкали к произволу и насилию – им дали понять, что единственным способом «смягчения» крайностей того и другого является казарменный вариант жизнедеятельности общества в целом. Подобный образец социального устройства в глазах молодого поколения постепенно становился единственным известным вариантом «порядка», а затем и привычным суррогатом справедливости.

Е. А. Кочеткова

ВКЛАД ФИННОВ-ИММИГРАНТОВ В СТРОИТЕЛЬСТВО КОНДОПОЖСКОГО ЦБК (1920–1930-Е ГОДЫ)

Период с 1920-х по 1930-е годы стал важным этапом для развития экономики Карелии. За это время республика превратилась из отсталой в окраины в индустриально развитый регион: был возведён ряд крупных промышленных предприятий, лесозаготовительных пунктов, созданы рабочие кадры, налажено производство. Большую роль в строительстве карельской промышленности сыграл финский фактор: в рамках проводившейся в эти годы национальной политики республика получила большой приток рабочих кадров из числа этнических финнов-иммигрантов, участвовавших в возведении важных объектов.

Одним из таких значимых объектов явился Кондопожский целлюлозно-бумажный комбинат, строительство которого имело огромное значение не только для Карелии, но и для страны в целом. Комбинат в Кондопоге стал отправной точкой индустриализации

---

¹⁰³ РГА ВМФ, Ф. Р-124, оп. 2, д. 125, л. 1.

и важным промышленным узлом, играющим важную роль и сегодня.

Начало возведения ЦБК относится к апрелю 1921 года, когда советское правительство приняло решение о сооружении близ деревни Кондопога ГЭС, бумажной и целлюлозной фабрик. В 1923 году здесь была образована строительная организация «Кондострой», руководящая ходом работ. С принятием в стране первого пятилетнего плана строительство, продолжавшееся до 1935 года, существенно расширилось.

Увеличение объёма работ требовало большого количества рабочих рук. Именно это стало причиной того, что строительство и выполнение планов выпуска продукции не укладывалось в намеченные, часто неосуществимые, сроки. Важнейшей проблемой для руководства на протяжении всего периода возведения комбината и в первые годы его функционирования был также вопрос нехватки квалифицированных, а зачастую и неквалифицированных рабочих кадров, чернорабочих, что было связано, в первую очередь, со слабой населённостью и отсутствием профессиональной подготовки рабочих в Карелии.

По времени строительство Кондопожского ЦБК совпало с так называемой политикой «коренизации», на деле проходившей в Карелии в форме «финнизации», целью которой было превращение края в национальную республику. Это подразумевало, помимо прочего, придание официального статуса финскому языку, а также создание национальных рабочих кадров, фактически отсутствовавших в Карелии в тот период.

В этой связи единственным путём решения проблемы пополнения рабочих кадров признавалось привлечение «националов», рабочих – финнов по национальности извне республики, что непосредственно оказало решающее влияние как на строительство, так и на изменение социальной структуры поселка Кондопоги. Переселение финского населения в Карелию происходило в нескольких формах, обусловленных причинами миграции, ходом и организованностью набора рабочих, временем переселения, местом прибытия и другими факторами – неорганизованно и нелегально, и организованно.

Первая большая волна эмиграции из Финляндии была связана с поражением там рабочей революции весной 1918 года, после чего

тысячи так называемых «красных» финнов прибыли в Советское государство¹⁰⁴. Они составили ядро руководства как республики, так и строительства и бумажной фабрики, первым директором которой стал Х. Ярвямяки, награжденный Орденом Трудового Красного Знамени¹⁰⁵.

С 1931 году началась активная вербовка рабочих из числа этнических финнов Америки и Канады, эмигрировавших туда в начале XX столетия. Значительная часть их прибыла в Кондопогу, которую партия и правительство решили «сделать... школой национального пролетариата»¹⁰⁶. Большинство североамериканских финнов имели квалификацию и владели современными технологиями; среди них были и специалисты бумажного дела, в которых остро нуждалось строительство¹⁰⁷. Это способствовало тому, что результаты работы иммигрантов были в несколько раз выше, чем у местных рабочих.

Несмотря на то, что переселение рабочих продолжалось на протяжении середины 1920-х – первой половины 1930-х годов, решить проблему создания национальных рабочих кадров не удалось как в численном отношении, так и в той связи, что часто квалификация рабочих не удовлетворяла потребности строительства. Так, не хватало специалистов в сфере бумажного и целлюлозного дела и т. п. Частично проблема решалась за счёт профессионального обучения в школах ФЗУ, курсах бумажников и целлюлозников, переподготовки кадров и т. д. Кроме того, большое значение придавалось и политическому воспитанию, а также обучению финских рабочих русскому языку, незнание которого часто создавало трудности как в процессе производства, так и в отношениях между рабочими разных национальностей.

Языковые трудности и ряд других факторов стали причиной того, что финские рабочие представляли собой отдельную диаспору, которая была одной из самых крупных в Карелии¹⁰⁸: они работали

---

¹⁰⁴ Такала И. Р. Финны в Карелии и в России. СПб., 2002. С. 19.

¹⁰⁵ НА РК, Ф. П-33, оп. 1, д. 2/28, л. 78.

¹⁰⁶ Рабочий класс Карелии в период построения социализма в СССР. Петрозаводск, 1984. С. 20.

¹⁰⁷ НА РК, Ф. Р-685, оп. 1, д. 3/33, л. 3.

¹⁰⁸ Всего в 1926 году в рабочем поселке Кондопога проживало 3,9% финнов, в 1933 году – 19,4%.

отдельными бригадами, имели свой клуб, свои культурные организации, свои газеты, школы и т.д. Таким образом, говорить о существовании в Кондопоге единого коллектива рабочих на протяжении изучаемого периода не представляется правомерным. Более того, это подкрепляется фактом сложных, а порой, конфликтных отношений финских и, в частности, русских рабочих, в связи с тем, что последние имели претензии, зависть к более высокой заработной плате финнов, их положению и т. п.

Фактическое окончание политики «коренизации» и начало репрессивных акций в стране стало трагедией финской диаспоры в Кондопоге, непосредственно затронувшей, как руководство комбината, состоявшее в основном из «красных» финнов, так и самих рабочих. Главные обвинения в отношении финнов касались невыполнения планируемых сроков и объемов производства, а также мнимой националистической, шпионской, шовинистической деятельности.

Репрессии в Кондопоге стали одними из наиболее заметных в Карелии и привели не только к сокращению численности финского населения здесь, но и к простоям, задержкам производства. Одним из печальных последствий такой политики второй половины 1930-х годов в отношении финнов стало то, что сегодня, вследствие долгих запретов на освещение роли финнов в Карелии, их вклад в хозяйственное развитие республики и строительство кондопожского комбината является забытой страницей истории.

Тем не менее, необходимо учитывать, что именно финский фактор стал одним из решающих для экономического строительства в Карелии и в Кондопоге в 1920–1930-е годы. Так, финны помогли во многом решить проблему нехватки рабочих рук, завершить строительство и наладить производство. Особая заслуга в этом принадлежит финским политэмигрантам («красным» финнам), многие из которых были квалифицированными рабочими, некоторые имели специальное техническое образование, что «позволило им успешно трудиться на самых разных участках производства»¹⁰⁹.

---

¹⁰⁹ Такала И. Р. Финны в Кондопоге // Кондопожский край в истории Карелии и России. Петрозаводск–Кондопога, 2000. С. 211.

Как уже упоминалось выше, первым директором Кондопожской бумажной фабрики стал известный деятель финской социал-демократической партии Х. Ярвимики. Его заместителем стал начальник стройконторы Ленлесстроя К. Экман, бывший по образованию инженером-организатором целлюлозно-бумажной промышленности. Заместителем директора целлюлозного завода был инженер Э. Анттонен, имевший среднее образование и специальность техника-целлюлозника¹¹⁰. Именно он неоднократно предлагал рационализаторские проекты, и, по свидетельству финского рабочего О. Йоханссона, «в его голове постоянно рождались все новые и новые планы»¹¹¹.

Х. Ярвимики был «энергичным, требовательным, заботливым руководителем»¹¹². Он родился 23 декабря 1891 года в Гельсингфорсе в семье плотника и прислуги. С 12 лет начал трудовую деятельность, а в 1907 году вступил в социал-демократическую партию Финляндии. В годы революции и гражданской войны в Финляндии Х. Ярвимики командовал ротой рабочих-добровольцев, был комиссаром одного из красных полков.

После победы «белых» он приехал в Россию, но вскоре вернулся в Финляндию. Последующие годы стали временем арестов и побегов. В декабре 1928 года Х. Ярвимики приехал в Кондопогу по направлению Ленинградского обкома партии¹¹³. Имея образование в три класса и специальность медника, он сначала трудился мастером на бумфабрике, а в 1931 году стал её директором. За свою деятельность и вклад в строительство и развитие Кондопоги Х. Ярвимики был награждён Орденом Трудового Красного Знамени¹¹⁴.

Финским рабочим принадлежит, несомненно, большая заслуга не только в руководстве строительством Кондопожского комбината, но и непосредственно в его возведении. Характерен тот факт, что когда в начале 1930-х годов в стране развернулось патриотическое движение за принятие встречных планов, в Карелии именно

---

¹¹⁰ *Такала И. Р.* Финны в Кондопоге С. 211.

¹¹¹ *Johansson O.* Kontupohja – iskutyö. L., 1932. S. 89.

¹¹² *Егоров И. Ф.* Первая кондопожская бумага // На фронте мирного труда. Петрозаводск, 1976. С. 20.

¹¹³ Человек из легенды // Новая Кондопога. 1989. 18 февраля. С. 2.

¹¹⁴ НА РК, Ф. П-33, оп. 1, д. 2/28, л. 78.

рабочие Кондопожской бумажной фабрики одними из первых подхватили его. Среди инициаторов были бригады финских рабочих И. Кайкуваара и К. Сильфорса. Ежедневно в бригадах перед началом смены проходили производственные совещания, где принимался план работы на текущий рабочий день, превышающий задания, данные администрацией. Такое планирование сокращало простои и побуждало рабочих непрерывно повышать свою квалификацию.

Лучшие бригады по разработке скального грунта состояли именно из финнов. Интересную характеристику их труду дают авторы коллективного издания «Кондопога»: «С помощью кувалды... они крушили диабазовые скалы с упорством и терпением, так присущими этому северному народу»¹¹⁵.

Финские рабочие Кондопожской бумажной фабрики К. Сильфорс, И. Кайкуваара, Т. Юссила, М. Мартикайнен и многие другие неоднократно награждались за ударный труд и рационализаторские предложения¹¹⁶. Среди ударников отмечены имена и таких рабочих, как Райло, Севениус¹¹⁷, К. Телин, С. Летикайнен, Н. Сантту, активный борец за уплотнение трудового дня и многие другие. Всего в ноябре 1931 года насчитывалось 587 ударников всех национальностей, большая часть которых, как представляется, состояла из финских эмигрантов¹¹⁸.

Многие финны предлагали различные проекты по улучшению и интенсификации производства. Так, в начале 1930-х годов за рационализаторское предложение об улучшении работы вентиляторов финский мастер Тикка получил премию в 500 рублей, а инженер Садовников 300 рублей¹¹⁹. Ударник Г. Корхонен сумел наладить работу цехового комитета бетонщиков, ударник Т. Юлинен организовал кассу взаимопомощи. Различные проекты по рационализации производства, в большинстве случаев оставшиеся без награды, предлагали мастера О. Пюлкянен, Хаапалайнен, бригадир Улви и другие.

---

¹¹⁵ Карелин и др. Кондопога. Петрозаводск, 1996. С. 54.

¹¹⁶ Филмончик С. Н. Об участии иностранных рабочих в индустриализации Карелии в годы первых пятилеток (1928–1937) // Вопросы истории Европейского Севера. Петрозаводск, 1987. С. 154.

¹¹⁷ Johansson O. Op. cit. S. 43.

¹¹⁸ НА РК, Ф. П-1631, оп. 1, д. 4/39, л. 44.

¹¹⁹ Johansson O. Op. cit. S. 72.

Интересно, что в середине 1930-х годов комиссия НК РКИ РСФСР по обследованию работы Кондопожского комбината отмечала, что финны работают удовлетворительно, благодаря чему стало возможным освоить производство ранее намеченных сроков. Также отмечался «напористый» характер финнов в работе.

По словам инспектора по вербовке иностранной рабочей силы Лейно, финны «работают хорошо. Выносят предложения по рационализации работ, улучшению производства.... Отношение к работе у всех... сознательное»¹²⁰.

Устраивало руководство и то, что финские рабочие были очень прилежными в отношении социалистического строительства, в деле внесения денежных сумм на нужды строительства и государства. Так, в 1932 году отмечалось, что для погашения государственного долга финские рабочие 100% регулярно отдают часть своей заработной платы¹²¹.

Таким образом, роль финнов-иммигрантов в экономическом развитии Карелии и развитии Кондопоги является неоспоримой. Действительно, составив одну из крупнейших в Карелии диаспор, именно финны способствовали окончанию строительства в кратчайшие сроки, налаживанию производства, и вряд ли можно было бы говорить об успехах строительства Кондопожского ЦБК без принятия во внимания именно финского фактора.

В. В. Иштонкова

«КАК ПОГАСИЛИ «ЛУЧ»»¹²². ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ КОММУНЫ «SÄDE»

Нет более загадочной вещи, чем история. С одной стороны, нам известны почти все её ключевые моменты. Но с другой – каждый такой момент скрывает за собой огромное количество загадок и непонятных вещей.

---

¹²⁰ НА РК, Ф. П-1631, оп. 1, д. 21/253, л. 4.

¹²¹ Там же, Ф. Р-685, оп. 1, д. 9/103, л. 36.

¹²² Название статьи заимствовано у Виено Злобиной (*Злобина В. Как погасили «Луч» // Север. 1990. № 7. С. 157–160*)

Так и с историей Карелии. Уже многим людям, даже не исследователям, известно о финском её периоде, о красных и североамериканских финнах, об их вкладе в экономику, политику и культуру нашей республики. Некоторые знают и о коммуне «Сяде» – об одном из самых успешных начинаний финских переселенцев из Америки и Канады. Особо внимание исследователей привлекают вопросы её экономического и политического развития. К сожалению, такого нельзя сказать о последних годах жизни коммуны. Как так случилось, что некогда преуспевающее хозяйство было со временем разрушено практически до основания и забыто? Почему от него не осталось даже названия?

Для ответа на эти вопросы надо понять специфику как финского периода в истории Карелии в целом, так и коммуны «Сяде», в частности, проследить самые ключевые моменты их развития.

При работе над данной темой были использованы газетные публикации, материалы Национального архива Республики Карелия, а также архива Управления Федеральной Службы Безопасности по Республике Карелия.

В 1920–1935 годах в Карелии у власти находились бывший член Финляндского парламента от социал-демократической партии Финляндии доктор философии Эдвард Гюллинг и другие видные деятели социал-демократической партии Финляндии и Коммунистической партии Финляндии. Именно поэтому в западной историографии эти годы называются «Финским периодом» в истории Советской Карелии¹²³.

Что же касается финской диаспоры, надо отметить, что формировалась она после 1918 года, главным образом за счёт иммигрантов из-за границы. Выделяют три потока иммиграции:

1. политэмигранты, прибывавшие в республику с 1918 года и до начала 1930-х годов;

2. североамериканские финны, ехавшие в Карелию по вербовке (основной поток в 1931–1932 годах);

3. так называемые финские перебежчики – люди или даже целые семьи, которые в поисках лучшей доли пересекали финскую границу на всём её протяжении¹²⁴.

---

¹²³ Такала И. Р. Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов) // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2009. С. 107.

¹²⁴ Такала И. Р. Финское население Советской Карелии в 1930-е годы // Карелы. Финны. М., 1992. С. 150.

Если говорить о причинах эмиграции из Финляндии, то тут в качестве основных надо отметить поражение там революции в 1918 году, а также экономический (и отчасти политический) кризис 1930-х годов¹²⁵. Люди спасались от преследований, голода и безработицы. По архивным данным установлено, что в середине 1930-х годов численность финнов в Карелии достигла своего пика – 14–15 тысяч человек¹²⁶.

Что же касается североамериканских финнов, то необходимо сказать, что важную роль в деле переселениях из Америки сыграл председатель СНК АКССР Э. Гюллинг. В декабре 1929 года им было отправлено письмо в СНК РСФСР, характеризующее положение с рабочей силой в республике¹²⁷. Впрочем, мысль о привлечении в Карелию финнов из США и Канады у руководителей Советской страны возникла сразу же после революции. Возглавивший в 1920 году только что образованную Карельскую Трудовую Коммуну Э. Гюллинг начал собирать в республику финнов-эмигрантов, претворяя в жизнь идею о создании национальной карело-финской автономии¹²⁸. Примерно в то же время в республике появились и первые североамериканские финны. В 1922 году на севере края стала работать артель рыбаков из США. Три года спустя на заболоченных землях Олонецкого района группа канадских рабочих и фермеров создала сельскохозяйственную коммуну «Säde».

Как уже отмечалось, коммуна «Сяде» – одна из самых передовых в Карелии на тот момент. Вообще, коммуна с одноимённым названием существовала и в Канаде, в городе Кобальт, провинция Онтарио. Основана она была раньше – 21 августа 1922 года. Мысль о том, что в России можно получить землю и пастбища совершенно бесплатно, просто не давала людям покоя! Поэтому они

---

¹²⁵ *Такала И. Р.* Финны советской Карелии и их вклад в развитие республики (1920-е – первая половина 1930-х годов). С. 109.

¹²⁶ *Лалдукка С.* Штрихи к этнической карте Северо-Запада России (1926–1959 гг.) // В семье единой. Петрозаводск, Издательство Петрозаводского университета, 1998. С. 51.

¹²⁷ *Лаврушина Н. В.* Из истории появления североамериканских финнов в Карелии в начале 1930-х годов // Карелы. Финны. М., 1992. С. 177.

¹²⁸ *Такала И. Р.* Североамериканские финны в довоенной Карелии // Устная история в Карелии: Вып. II. Североамериканские финны в Советской Карелии 1930-х годов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 32.

начали копить деньги для переезда в Карелию, чтобы помочь «строить светлое социалистическое будущее». Карельский вариант «Сяде» появился в 1925 году на заболоченных землях Олонецкого района, там, где река Мегрега сливается с рекой Олонкой. Коммунары тут же начали активную работу. Конечно, это было очень тяжело, но они не сдавались. Сначала местные жители только наблюдали, поражаясь интенсивному методу работы новоприбывших, но, как только стали видны результаты, многие пожелали стать членами коммуны. Механизация, самоотверженный труд на общее благо, настоящее товарищество и преданность делу никого не оставили равнодушными¹²⁹.

В переводе с финского «Säde» означает «луч». Как отмечает агроном карельского Колхозсоюза И. А. Петров в своей работе, это был «луч, ярко блеснувший над старой деревней, озаривший всю наготу её, нищенство, уродливость, всколыхнувший умы бедняцко-средняцкого крестьянства и батрачества, заставивший их крепко призадуматься над строительством новой деревни»¹³⁰. И это на самом деле было так. Здесь достаточно отметить, что в «Сяде» приезжали на экскурсии¹³¹, по её образцу основывались другие хозяйства (например, «Труд»). Об этой коммуне часто писали в газетах, ставили её в пример.

Что же было причиной такого успеха? Безусловно, надо отметить новые методы работы и более совершенные технические средства. Но мне всё же кажется, что первопричиной всего этого стал иной менталитет основателей коммуны. Все они, финны по национальности, ехали в Карелию с уже сформировавшимся твёрдым намерением основать тут лучшее коллективное хозяйство, «помочь СССР в деле социалистического строительства». Как пишет Виено Злобина (Ахокас)¹³², коммунары чувствовали себя словно заново рождёнными, и трудовой энтузиазм был очень высок.

---

¹²⁹ Севандер М. О. Скитальцы: о судьбах американских финнов в Карелии. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2006. С. 52.

¹³⁰ Петров И. А. Коммуна «Сяде». Петрозаводск: Типография им. Анохина, 1930. С. 6.

¹³¹ НА РК, Ф. 695, оп. 1, д. 1/4, л. 22.

¹³² Злобина В. Указ. соч.

И. Петров упоминает¹³³, что в 1930 году в коммуне состояло 14 членов и 3 соискателя. Это немного, причём количество членов коммуны со временем сильно не увеличивалось. Также надо отметить, что своего рода уникальность «Сяде» заключалась и в преобладании финского населения среди её членов. К сожалению, точных данных именно по коммуне у меня нет, но в списке населённых мест по переписи 1933 года упоминается такое селение как Кадайка (Kataikka). В переводе с финского «kataja» означает «можжевельник». А здесь надо отметить, что на месте основания коммуны раньше были обширные можжевельниковые заросли. Так что можно предположить, что под именем «Кадайка» скрывается именно «Сяде». И там в 1933 году проживало уже 61 человек, из них 51 – финны.

И в этом было некое своеобразие. Правительство Карелии на протяжении десятилетия всячески поддерживало коммуну, поощряло её успехи. «Сяде» была известна на всю Карелию своими хорошими показателями как в области земледелия, так и в области животноводства. За это в 1934 году она была выдвинута на Всесоюзную сельскохозяйственную выставку, где получила медаль, 10 000 рублей и автомашину в качестве премии¹³⁴.

Но в 1935 году всё перевернулось, начались гонения на финнов. Вообще, надо отметить, что октябрьский 1935 г. пленум обкома ВКП(б), положивший начало борьбе с «финским буржуазным национализмом», круто изменил жизнь в республике. В материалах, характеризующих обстановку в республике в целом, повсеместно речь идёт о «враждебной деятельности финляндских фашистов» или «буржуазных националистов, выходцев из Финляндии»¹³⁵. Финнов стали исключать из партии, запретили разговаривать на родном языке, начались аресты. Одним из обвинений в адрес финнов в тридцатых годах было наличие связи с границей (в архивных документах фигурирует такой аргумент – «20% финских коммунистов связано с границей»). И очевиден тот факт, что поиск финских шпионов вылился в республике в конечном итоге в то-

---

¹³³ НА РК, Ф. 695, оп. 1, д. 1/4, л. 94.

¹³⁴ Архив УФСБ России по Республике Карелия, Фонд уголовных дел, уг. дело арх. № П-5142, л. 51–52.

¹³⁵ *Такала И. Р.* Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб.: Изд-во Журнал «Нева», 2002. С. 50.

тальные репрессии против всего финского населения Карелии, включая стариков, женщин и детей¹³⁶.

Необходимо отметить, что путём массовых репрессий высшее руководство страны рассчитывало преодолеть противоречия избранной модели общественного развития и решить некоторые проблемы. Для Сталина это была и реальная возможность окончательно избавиться от старых соратников по партии и привести к власти новое поколение, всецело преданное вождю.

В Карелии активная работа по «ликвидации антисоветских элементов» и массовые операции начались уже с марта 1937 года. Тогда же в полную силу разворачиваются и мероприятия по «выявлению контрреволюционных вредительских организаций».

Из числа всех арестованных и осужденных в 1937–1938 годах финны составили свыше 40% (карелы – 27%, русские – 25%). А 85% всех репрессированных были приговорены к расстрелу¹³⁷.

Волна репрессий затронула и «Сяде». По словам Виено Злобиной (Ахокас)¹³⁸, первая волна арестов прошла осенью 1935 года, когда четырёх старейших членов коммуны увезли. Семьи были сосланы на Север. Об этом же говорит в своём интервью Лемпи Сийканен, но она упоминает лишь о трёх арестованных и о трёх сосланных семьях. Материалы архива УФСБ по Республике Карелия тоже содержат сведения о четырёх арестах, но совершённых не только осенью, но и весной 1935 года. Так, Вяйно Токко, арестованного 22 марта 1935 года, обвинили в проведении антисоветской агитации, но уже 16 мая его дело было прекращено. Элис Ахокас, Карл Сийканен и Юхо-Пааво-Иван Ниemi были арестованы 2 октября 1935 года и обвинены в участии в контрреволюционной группе. Но в апреле–мае 1936 года Сийканен и Ниemi оправдали, а Ахокасу назначили наказание – принудительные работы сроком на 1 год¹³⁹. Таким образом, уже через несколько месяцев после своего ареста мужчины вернулись, съездили за своими семьями

---

¹³⁶ Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой. Петрозаводск, Издательство Петрозаводского университета, 1998. С. 179.

¹³⁷ Там же. С. 199.

¹³⁸ Злобина В. Указ. соч. С. 157–160.

¹³⁹ Архив УФСБ России по Республике Карелия, Фонд уголовных дел, уг. дело арх. № П-1903, П-3164, П-9404.

и вновь энергично взялись за работу в «Сяде». На этот раз тяжёлых последствий удалось избежать.

К сожалению, такого счастливого случая больше не повторилось. Годы с 1937 по 1939 стали роковыми. Всего за это время арестовали 18 членов коммуны, среди них одну женщину. Всем им была назначена разная мера наказания – от ссылки и заключения в ИТЛ до высшей меры наказания – расстрела.

Что же касается обвинений, то они, несмотря на разные формулировки, в принципе, сводятся к одному – к шпионажу, контрреволюционным действиям и разжиганию национальной вражды. Так, например, Карла Генриховича Сийканена, бывшего председателя коммуны, обвинили в «разжигании национальной вражды между финнами и карелами, участии в контрреволюционной националистической группе...»¹⁴⁰, а Ялмари Генрихович Ууситало в том, что «являлся членом шпионско-повстанческой организации в колхозе «Сяде», принимал участие в подготовке диверсионных актов»¹⁴¹.

Так советское руководство, ранее восхищавшееся коммуной, практически в один момент погасило этот «Луч». И причиной тому были лишь подозрения, неподтверждённые никакими фактами. О необоснованности обвинений говорит ещё и то, что абсолютно всех репрессированных впоследствии посмертно реабилитировали.

В 1939 году «Сяде» переименовали в колхоз им. Папанина, от неё не осталось даже названия. Во время войны усадьбу коммуны сожгли. И, как точно сказала в своём материале Виено Злобина (Ахокас), «от некогда цветущего хозяйства не осталось никакого следа. Как будто это было во сне»¹⁴².

Таким образом, коммуна «Сяде» стала типичным примером судеб финнов в Карелии. Её история абсолютно созвучна с историей национальной политики Советского государства в Карелии. Изменения политического курса вызывали и изменения в отношении к «Сяде». К сожалению, в момент решения судьбы «Сяде» власть постаралась забыть о многочисленных заслугах коммуны, вспомнив лишь о финских её началах.

---

¹⁴⁰ Архив УФСБ России по Республике Карелия, Фонд уголовных дел, уг. дело арх. № П-5896.

¹⁴¹ Архив УФСБ России по Республике Карелия, Фонд уголовных дел, уг. дело арх. № П-14636.

¹⁴² Злобина В. Указ. соч. С. 160.

Список репрессированных в коммуне «Säde»¹⁴³

I.

1. **Сийканен Карл Генрихович**, 19.06.1983 г.р., тракторист, бывший председатель.

Арестован 29 ноября 1937 г. и обвинён в том, что «разжигал национальную вражду между финнами и карелами, являлся участником контрреволюционной националистической группы...».

Приговорён к расстрелу 07.01.1938 г.

Расстрелян 4 февраля 1938 г. в Олонецком районе Карелии.

Реабилитирован 23 мая 1958 г.

Уг. дело арх. № П-5896.

2. **Ахокас Элис Андреевич**, 18.10.1883 г.р.

Арестован 29 ноября 1937 г. и обвинён в том, что «разжигал национальную вражду между колхозниками финнами и карелами, проводил контрреволюционную агитацию среди колхозников, вредительствовал в колхозе».

Приговорён к расстрелу 07.01.1938 г.

Расстрелян 4 февраля 1938 г. в Олонецком районе

Реабилитирован 24 декабря 1957 г.

Уг. дело арх. № П-5142.

3. **Ниеми Юхо-Павел Карлович**, 25.01.1873 г.р.

Арестован 19 июля 1938 г. и обвинён в том, что «являлся участником шпионско-повстанческой организации, собирал шпионские сведения», т. е. в совершении пр.пр. ст.ст. 58-6, 58-8, 58-9 УК РСФСР.

Приговорён к расстрелу 05.10.1938 г.

Расстрелян 12 октября 1938 г. в Олонецком районе.

Реабилитирован 22 апреля 1989 г.

Уг. дело арх. № П-14618.

4. **Кортелайнен Иван Михайлович**, 15.04.1883 г.р., бригадир полеводческой бригады.

Арестован 23 ноября 1937 г. и обвинён в том, что «разжигал национальную вражду между финнами и карелами, являлся участником контрреволюционной националистической группы».

Приговорён к расстрелу 07.01.1938 г.

---

¹⁴³ Составлен по материалам архива УФСБ России по Республике Карелия. Далее будут указаны архивные номера дел из Фонда уголовных дел данного архива.

Расстрелян 04 февраля 1938 г. в Олонецком районе.

Реабилитирован 06 ноября 1956 г.

Уг. дело арх. № П-5740.

5. Донг Николай Иванович, 05.12.1895 г.р.

Арестован 19 июля 1938 г. и обвинён в том, что «являлся участником шпионско-повстанческой организации, участвовал в подготовке диверсионных актов, среди финского населения проводил антисоветскую агитацию», – т. е. в совершении пр.пр. ст.ст. 58-2, 58-6, 58-9 УК РСФСР.

Приговорён к расстрелу 05.10.1938 г.

Расстрелян 12 октября 1938 г. в Олонецком районе.

Реабилитирован 06 ноября 1956 г.

Уг. дело арх. № П-3584.

6. Токко Вяйно Карлович, 24.05.1888 г.р., столяр.

Арестован 22 марта 1935 г. и обвинён в проведении антисоветской агитации. По постановлению Олонецкого РО НКВД КАССР от 16 мая 1935 г. дело было прекращено из-за отсутствия состава преступления, а Токко В. К. был освобождён из-под стражи.

Вновь арестован 29 ноября 1937 г. и обвинён в том, что «являлся участником контрреволюционной националистической группы, вёл контрреволюционную агитацию среди населения ...».

Приговорён к расстрелу 07.01.1938 г.

Расстрелян 4 февраля 1938 г. в Олонецком районе.

Реабилитирован 30 июня 1956 г.

Уг. дело арх. № П-1903, П-3164.

7. Иокела Майкки Куставовна, 23.10.1882 г.р.

Арестована 29 ноября 1937 г. и обвинена в том, что «являлась участницей контрреволюционной группы, разжигала национальную вражду между финнами и карелами».

По постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 10.01.1938 г. Иокела М. К. Была назначена мера наказания – заключение в ИТЛ на 10 лет.

Реабилитирована 30 марта 1957 г.

Уг. дело арх. № П-4064.

8. Стенфорс Эйно Соломонович, 28.09.1902 г.р., механик сельскохозяйственных машин.

Арестован 15 января 1938 г. и обвинён в том, что «являлся участником контрреволюционной националистической организации, разжигал национальную вражду между карелами и финнами».

Приговорён к расстрелу 13.02.1938 г.

Расстрелян 04 марта 1938 г. в Олонецком районе.

Реабилитирован 10 мая 1958 г.

Уг. дело арх. № П-6646.

9. Ууситало Ялмари Генрихович, 17.10.1885 г.р., кузнец.

Арестован 19 июля 1938 г. и обвинён в том, что «являлся членом шпионско-повстанческой организации в колхозе “Сяде”, принимал активное участие в подготовке диверсионных актов», т. е. в совершении пр.пр. ст.ст. 58-2, 58-6, 58-9 УК РСФСР.

Приговорён к расстрелу 05.10.1938 г.

Расстрелян 12 октября 1938 г.

Реабилитирован 22 апреля 1989 г.

Уг. дело арх. № П-14636.

10. Тулос Николай Максимович, 1890 г.р., заведующий Коверской тракторной базы, бывший член колхоза «Сяде».

Арестован 10 февраля 1938 г. и обвинён в том, что «являлся участником финской националистической организации в колхозе “Сяде”, проводил вредительство в колхозе».

Приговорён к расстрелу 12.04.1938 г.

Расстрелян 06 мая 1938 г. в Олонецком районе

Реабилитирован 10 мая 1958 г.

Уг. дело арх. № П-6052.

II. Согласно материалам уголовного дела:

Кильпинен Лаури Иванович, шофёр;

Хархио Август Эрландович;

Кулусярви Аапо Аапович;

Пасила Антон Матвеевич

Каски Иоган-Эдвард Эдвардович, кладовщик;

Леппянен Карл Иванович, конюх;

Маннинен Ялмари Вильевич, автослесарь Карелавто, бывший член колхоза «Сяде».

Были арестованы 05 августа 1938 г. и обвинены в том, что «являлись участниками контрреволюционной националистической группы и проводили антисоветскую агитацию».

По Постановлению Особого Совещания при НКВД СССР от 05.09.1938 года членам группы были назначены меры наказания:

1. Кильпинену Л. И. – заключение в ИТЛ сроком на 8 лет

(15.10.1938 г. – был этапирован в Унжлаг НКВД – ст. Сухобезводная).

2. Каски И.-Э. Э. – заключение в ИТЛ сроком на 5 лет

(15.10.1939 г. – этапирован в Ивдельлаг НКВД – ст. Сома).

3. Хархио А. Э. – ссылка в Казахстан сроком на 5 лет

(15.10.1939 г. – этапирован в г. Алма-Ата).

4. Пасила А. М. – ссылка в Казахстан сроком на 5 лет,

умер в тюремной больнице 13 марта 1940 г.

5. Кулусярви – заключение в ИТЛ сроком на 5 лет (09.10.1939 г. – этапирован в Карлаг НКВД – ст. Карабас).
  6. Леппянену К. И. – заключение в ИТЛ сроком на 5 лет (09.10.1939 г. – этапирован в Уссольлаг НКВД – г. Саликамск).
  7. Маннинену Я. В. – заключение в ИТЛ сроком на 5 лет (14.10.1939 г. – этапирован в Вятлаг НКВД – ст. Яр-фосфоритная).
- Реабилитированы 05.07.1989 г.
Уг. дело арх. № П-13692.

И. А. Муллонен

АДАПТАЦИЯ ИНГЕРМАНЛАНДСКИХ ФИННОВ К НОВЫМ УСЛОВИЯМ ЖИЗНИ В КАРЕЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА

60 с небольшим лет тому назад ингерманландские финны, лишённые права проживания на своей исторической родине Ингерманландии, массово вербовались и переселялись в тогдашнюю Карело-Финскую ССР.

Что их привлекало в Карелии? На мой взгляд: 1) близость к родным местам, где у большинства сохранились свои дома; 2) возможность общения между собой здесь на родном языке, обучение детей финскому языку; 3) сравнительно хорошие условия переселения, возможность получения постоянной, хорошо оплачиваемой работы.

Вербовщикам из Карелии не надо было уговаривать подписывать договор на переселение. Помню, как к Аатосу Маннинену в Пскове в марте 1949 года группами приходили мои земляки, как проживающие в городе, так и в районах и заключали договора на переезд в Карелию.

Несколько слов о предыстории вопроса. В эти годы для восстановления народного хозяйства страны требовалось всё больше, в т. ч. и древесины. Карелия должна была уже в 1950 году поставить 10 млн. кубометров (в 1947 году было заготовлено около 2 млн. кубометров). Для этого нужны были рабочие руки. И вот союзное правительство 11 февраля 1949 года, принимая постановление о развитии лесной промышленности в К-ФССР, включило в него секретный пункт о разрешении республиканскому правительству

вербовку (в порядке организованного набора) в лесную промышленность для создания постоянных кадров ингерманландских финнов, рассеянных по стране. И в Карелию начали прибывать эшелоны переселенцев – не только ингерманландцев (для краткости я называю так их сокращенно). С апреля по декабрь 1949 года по оргнабору из тридцати трех регионов прибыло 21032 чел., из них трудоспособных – 12342 чел. (60%). В лесную промышленность было направлено 16349 чел. или более 70%. С 1 декабря 1949 года был прекращен статистический учет ингерманландцев–переселенцев, а с мая 1950 года по постановлению бюро ЦК компартии республики от 20 апреля 1950 года, подписанного Юрием Андроповым, и их организованный набор. Теперь уже ингерманландцы продолжали приезжать самостоятельно, а переселенческие билеты согласившимся работать в лесу выдавались в Петрозаводске. Сколько осело в лесных предприятиях семей? Можно с уверенностью сказать, что не менее 6 тыс. семей и 10 тыс. трудоспособных. По грубым подсчетам каждый второй из них работал на так называемых основных работах (заготовке, вывозке древесины), а комплексная выработка составляла на одного работника в эти годы 400–500 кубометров в год. Получается, что ингерманландцами заготавливалось в год до 2–2,5 млн. кубометров или 20–25% от всей заготавливаемой древесины.

Большинство семей с первых лет обустроились, построили дома, обзавелись скотом, разработали огороды, выращивая картофель и овощи. Во многих лесных поселках появились целые улицы новоселов (Чална, Шуйская, Матросы, Кяппесельга, Тикша, и даже в Сегежском районе в отдаленном Дубровском лесопункте).

Лишь немногие оставались жить в бараках, в продуваемых щитовых домах Найстенъярвского лесозавода ЩЛ–51, называемых в народе «51 шель».

Работа на лесных участках была нелёгкой, особенно для женщин. Знаю это не понаслышке, работая на Матросском лесопункте около года электропильщиком, затем мастером, техноруком, начальником. Но в те годы народ не боялся работы, труд оплачивался неплохо, действовала целая система материальных стимулов. Обеспечение продуктами, да и в целом снабжение лесных поселков в 1950–1960 годы было лучше, чем, скажем, в городах, не го-

воря уже о селе. Помню, в 1957 году нашему лесопункту выделили для продажи даже две легковые машины «Москвич», которые стоили по 5,5 тыс. рублей каждая (заработок шофера лесовозника мог достигнуть 2–2,5 тыс. руб. в месяц).

На многих лесопунктах были открыты финские школы или классы, широко распространялись газеты «Тотуус», журнал «Пуналиппу», систематически Петрозаводск вещал на финском языке. Дети многих ингерманландцев могли получать высшее образование, в т. ч. на родном языке в университете, пединституте, да и в техникумах до 1956 года финский язык учили все студенты.

Наше поколение адаптировалось к новым условиям, но воспоминания о потерянной родине бередили душу. Хотя у большинства в Ингерманландии даже сохранившиеся дома уже не принадлежали им, все равно тянуло побывать в родных местах и туда многие ездили как паломники–мусульмане в Мекку.

23 апреля МВД Союза сняло с нас пресловутую 38 статью в паспортах и появилась на какое-то время отдушина, которую многие семьи использовали для возвращения в родные места.

Многие семьи уехали из южных леспромхозов Карелии, лесосырьевые базы которых истощились. Но это продолжалось недолго. С.-Петербургские власти прекратили вскоре прописывать приезжающих, ссылаясь на перенаселение области. Но всё же сегодня проживающие там, в основном, выехали отсюда, из Карелии.

Но далеко не все стремились покинуть гостеприимную Карелию. Газеты тех лет пестрят фамилиями так называемых передовиков производства. Вспоминается один из них, постоянно «висевший» на республиканской Доске Почёта, Рейно Вейколайнен – тракторист Матросского лесопункта, который четверть века трелевал лес на всегда исправном тракторе, выполнял до 2-х норм в день, построил дом, вместе с женой вырастил хороших, преуспевающих в жизни детей. За труд был заслуженно награжден Орденом Ленина.

Электропильщик Лумбасского лесопункта Ведлозерского леспромхоза Андрей Карху был инициатором выработки каждой малой комплексной бригадой 1000 кубометров леса в месяц. Движение бригад–тысячников стало массовым и едва ли, к примеру, найдется газета 1960–1980-х годов, где бы не говорилось о них. На-

пример, о бригаде Ромбанена, из отдаленного Огорельшского лесопункта Медвежьегорского леспромхоза, которая систематически находилась в рядах тысячников. За добросовестный труд (1956–1990 годы) 37 лесозаготовителей наградили орденами и медалями СССР, 41 – Почетными грамотами РСФСР и Карелии (Указы соответствующих Верховных Советов печатали республиканские газеты).

В те годы рабочие руки нужны были везде, особенно в строительстве. Своими постановлениями Совет Министров Карелии, вопреки вышеупомянутому постановлению СМ СССР от 11.02.49 г., обязывал переселенческий отдел направлять на строительство города прибывающих переселенцев. Например, 29 апреля 1949 года 900 семей направлялись на городские стройки, на Летнереченский кирпичный завод – 150 семей, Соломенский и Сулажгорский – по 15 семей, в Шуйский леспромхоз, заготавливавший круглый лес и пиломатериалы для строительства, – 400 чел.

За переселенцами–строителями в порядке исключения сохранялись те же льготы, как и в лесной отрасли. Многие из будущих строителей уже имели профессии, приобретенные, например, на стройках Пскова. Из них Горстройтрест организовал бригаду штукатуров-отделочников, которой руководила Айно Рокко в течение 20 лет. В 1965 году бригада (5 ингерманландских женщин) выступила с обращением ко всем строителям – «Работать без брака». До этого она себя проявила на строительстве дома Госбанка, здания бывшего обкома партии, санатория «Марциальные воды», Русского драматического театра. Архитектор Бродский доверил бригаде отделку скульптурных групп на фронтоне фасада театра. За отличное выполнение этой работы бригадиру присвоили звание «Заслуженного строителя республики», а членов бригады наградили Почётными грамотами. В эти годы на строительстве Питкярантского целлюлозного завода прославились бригада бетонщиков Армаса Хюппонена, на стройках Петрозаводскстроя – экскаваторщик Александр Иванайнен, маляр Лидия Олконен, награжденные орденами страны. Всего, по моим выборкам из Указов Президиума Верховного Совета СССР 51 строитель–ингерманландец был награжден орденами и медалями, многие получили грамоты и удостоверения заслуженных работников.

На промышленные предприятия ингерманландские финны не направлялись, но многие из них самовольно выгружались в Петрозаводске и др. пунктах прибытия и устраивались на работу, в том числе и на закрытый завод «Авангард». Здесь прославился бригадир токарей Александр Лазунен, с которым меня судьба свела ещё в Пскове. Своим добросовестным трудом он добился признания и авторитета коллектива. С 1971 по 1990 год был депутатом Верховного Совета республики, в двух созывах – зам. председателя Президиума, делегатом XXVI съезда КПСС.

На «Петрозаводскбуммаше» прославился Алберт Пеуконен, шлифовщик, также депутат Верховного Совета РСФСР (1971–1985 годы). На Онежском тракторном заводе – строгальщик Матвей Лятти, трудившийся более 30 лет на этой же работе и выполнявший различные общественные «нагрузки», был награжден орденами Ленина и Октябрьской революции.

На предприятиях целлюлозно-бумажной и деревообрабатывающей промышленности добрую славу завоевали рационализаторы в Кондопоге – Ялмари Киуру, в Ляскеля – зам. директора Тойво Хюппонен, на ОТЗ – Николай Кямря, главный технолог Петрозаводского порта Тойво Коронен и многие другие.

Все мы помним сувениры, выпускавшиеся на Петрозаводском лесопильно-мебельном комбинате. Цехом сувениров руководил Иван Хяниккяйнен, а особо важные заказы выполнял Эверт Барндык. В связи с празднованием 300-летия воссоединения Украины с Россией, карельская делегация, которую возглавил бывший в то время заместителем предсовмина республики наш земляк Иосиф Сюкияйнен, подарила изготовленный Баридыком герб Украинской ССР из карельской березы.

На предприятиях промышленности 90 человек ингерманландцев были удостоены правительственных орденов и медалей, а прессовщик цеха древесно-стружечных плит Петрозаводского домостроительного комбината Иван Хуттунен звания Героя Социалистического Труда.

Организовано на предприятия сельского хозяйства ингерманландцы не направлялись. Туда селили переселенцев из разных регионов страны, пожалуй, исключением был совхоз «Салми» Питкярантского района. Сюда еще в 1947 году приехали бывшие жи-

тели Токсовского района, которые после возвращения из эвакуации, из Сибири, не могли прописаться на родине, в соответствии с распоряжением Совета Министров СССР от 7 мая 1947 года, подписанном И. Сталиным, запрещавшим проживание в Ленинградской области ингерманландским финнам, удаленным отсюда во время войны в порядке принудительной эвакуации и репатриированным из Финляндии. Они должны были быть удалены в двух–трехдневный срок в места прежнего проживания как спецпереселенцы, с выдачей паспортов со статьей 38, по которой запрещалось проживание в режимных местностях первой категории¹⁴⁴. Карелия также входила в состав этих территорий и, в частности, Петрозаводск ингерманландцев, за редким исключением, не принимал. По неопубликованным воспоминаниям Геннадия Куприянова, первого секретаря ЦК компартии республики, с просьбами о принятии в Карелию земляков, выселяемых из родных мест, обращался к нему часто Тобиас Гуттари, известный поэт. Куприянов дал согласие на принятие 300 человек, за что его потом следователь, в числе прочих «грехов», обвинял в «засорении республики политически неблагонадежными людьми»¹⁴⁵.

Видимо, в составе этих «изгоев» была и группа ингерманландцев, осевшая в вышеупомянутом совхозе. Доярки этого совхоза Айно Корхонен, Мария Хянникайнен, Мария Ляяря, Сусанна Пункинен, Хильда Тоннэ надаивали каждый год по 4 тыс. литров молока с коровы. За десять лет Мария Ляяря надоила вручную с 25 коров более одного миллиона литров молока¹⁴⁶. Ещё лучших результатов добилась Айно Корхонен, в годы эвакуации работавшая в Игарке на рыбзаводе и награжденная медалью «За трудовое отличие». Из Кавголова, родной деревни, её выслали обратно в Игарку, но ей удалось осесть поближе к дому, в Салми, где она проработала дояркой 28 лет. 4 раза она была участником ВДНХ, награждена орденом Трудового Красного Знамени и удостоена звания Героя Социалистического Труда. Умерла Айно Корхонен в 1990 году.

---

¹⁴⁴ ЦГА СПб, Ф. 7179, оп. 53, д. 156, л. 10–11.

¹⁴⁵ НА РК. Ф. 3435, оп. 3, д. 5, л. 200.

¹⁴⁶ Советская Карелия. 1960. 8 марта.

В совхозе им. Зайцева обосновались ингерманландцы, прибывшие самостоятельно в 1950-е годы. Многие из них прославились в республике. Например, Мария Нуйя – многие годы лучшая доярка совхоза, избиралась депутатом Верховного Совета СССР (1966–1970 годы); Адам Остонен – участник ВДНХ за выращивание кукурузы и получение высоких урожаев капусты на полях совхоза был награжден серебряной медалью и др.

Но, пожалуй, наиболее известные ингерманландские женщины–птичницы трудились на Петрозаводской птицефабрике. Вспоминается Нина Мякярайнен. Выступая на областной профсоюзной конференции 28 января 1977 года, она рассказывала, что в 1976 году, ухаживая за десятью тысячами тремястами курами, получила 230 млн. штук яиц (по 246 с каждой несушки).

В интервью газете «Неувосто–Карьяла» 8 апреля 1987 года директор птицефабрики Сергей Хохлов рассказал, что огромный вклад в развитие предприятия с самого его основания внесли птичницы Нина Мякярайнен, Хильда Рямё, Хелена Лейни, Нина Куйсма, техник по курам Лемпи Ниукконен. Все они неоднократно заносились на республиканскую Доску Почета.

По моим подсчётам 29 работников–ингерманландцев сельского хозяйства были награждены орденами и медалями, удостоены званий заслуженных, а Нина Мякярайнен получила звание Героя Социалистического Труда.

Небольшое количество моих земляков трудились и в других отраслях народного хозяйства. На транспорте и связи 31 человек были награждены орденами и медалями. Среди них шофера: Эйно Хокканен (автоколонна 1123) – орденом Дружбы Народов; Виктор Вихолайнен – орденом Славы III степени; мастер Идельской железнодорожной дистанции пути Тауно Кийски, начальник Петрозаводской телефонной станции Александр Тайдер – орденом Трудового Красного Знамени. Капитан рыболовного траулера Андрей Юонолайнен и летчик Виктор Сюкияйнен были награждены Почетными Грамотами Верховного Совета КАССР. Главный бухгалтер Министерства местной промышленности Тойво Мюллеря (1960–1980 гг.) удостоился звания Заслуженного работника отрасли. Звания заслуженных работников получили геологи Хуго Пекки – один из первооткрывателей Костомукшского железорудного

месторождения; Суло Дравантт– старший геолог Северной экспедиции; ученые–геологи – кандидаты наук Михаил Стенарь, Ким Хейсканен.

Известными охотниками в Карелии стали Туомас Корккинен, уроженец Вуоле, который в окрестностях Салми с 1947 по 1962 год убил 20 медведей; Иван Коухиа в эти же годы, живя в дер. Намоево (на берегу Укшозера), уничтожил 69 волков; Андрей Хяккинен, живя в Шуе, с 1949 года и до конца века занимался пчеловодством. Минёр Виктор Аммалайнен отличился в поиске и уничтожении мин, за что в 1961 году был награжден орденом Красной Звезды.

В своем выступлении я попытался рассказать о работе ингерманладцев–переселенцев, завербовавшихся в середине прошлого века в Карелию и трудившихся в разных отраслях народного хозяйства, преимущественно в качестве рабочих.

Не меньший след в области просвещения, культуры, науки, а также в управленческих структурах оставили мои земляки, направленные сюда еще в довоенные годы и вернувшиеся из эвакуации. Интеллектуальный потенциал среди них был достаточно велик. Например, в Карельском филиале Академии Наук, в вузах республики работало (и работает) 9 докторов наук, двое – И. Вихко (в 1930-е годы), П. Ихалайнен (в 1950-е годы) возглавляли Наркомат и Министерство просвещения. Но это уже другая тема, заслуживающая и изучения и освещения.

В заключение мне бы хотелось привести слова Г. Куприянова, написанные им в неопубликованных воспоминаниях «Война на Севере»: «Этот трудолюбивый, честный и выносливый народ во многом способствовал экономическому развитию Карелии. Среди них уже тогда выявилось в 1949 году немало тружеников – подлинных героев социалистического труда» и далее «...мне жаль, Карелия бы много выиграла, если бы все ингерманландские финны были переселены на ее территорию»¹⁴⁷.

---

¹⁴⁷ НА РК, Ф. 3431, оп. 1, д. 1/10, л. 198–199.

ВИКСТРЕМЫ И ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Статья посвящена писательской династии Викстремов: Ульясе Карловиче (1910–1977) и Тертту Ульясовне (1932–1990).

У. К. Викстрем родился в Финляндии. После подавления финляндской революции 1918 года его родители оказались в России. В 1933 году У. Викстрем окончил Ленинградский Коммунистический институт журналистики, а в 1935 году – Ленинградский Коммунистический университет национальных меньшинств Северо-Запада. Литературной деятельностью начал заниматься во время учебы в институте. Сотрудничал с газетами «Nuori Kaarti» («Молодая гвардия»), «Vapaus» («Свобода»), журналами «Soihtu» («Факел»), «Rintama» («Фронт»). Был принят в союз писателей в 1950 году. С 1955 по 1971 годы У. К. Викстрем – главный редактор журнала «Punalipri» («Красное знамя»), а с 1971 по 1975 годы являлся председателем правления Союза писателей Карелии¹⁴⁸.

У. Викстрем известен романами для взрослых «Käy eespäin, väki voimakas!» («Вперед, народ трудовой!», 1957), ”Martva ja hänen lapsensa” («Мартва и ее дети», 1988), повестью ”Suvelan Osku” («Оску Сувела», 1961) и другими. Но в его творчестве встречаются и произведения для детей. Очерк У. Викстрема «Pohjolan kesäyö» («Летняя ночь на Севере») вошел в хрестоматию по литературе для школьников (1954), отрывки из повести «Toiska» («Тойво Антикайнен») публиковались в книге для чтения «Kipinä» («Искорка», 1969). Специально для детей им написана повесть «Eila» («Эйла», 1980). По мнению А. Мишина, в этом произведении через историю семьи главной героини показаны события финляндской революции 1918 года¹⁴⁹. В повести «Эйла» У. Викстрем обращается и к проблеме взаимоотношений родителей и детей. Главным является образ отца и его роль в жизни девочки.

---

¹⁴⁸ Подробнее см.: Писатели Карелии: биобиблиографический словарь. Петрозаводск: Острова, 2006. С. 131–134.

¹⁴⁹ Мишин А. И. Ульяс Викстрем (1910–1977) // Проблемы литературы Карелии и Финляндии. Петрозаводск, 1994. С. 39.

Повествование начинается с трагического эпизода – ухода отца Эйлы на войну. Отец уходит радостным, и Эйла не понимала, почему мать плачет. Эмоциональное состояние матери быстро передается ребенку, у которого «в горле поднялся горький комок, и она почувствовала, что рот её вздрагивает».

Эйла начинает беспокоиться об отце, узнав о смерти соседа дяди Онни. Из разговоров взрослых, она слышит фразу «пал в бою». Эйла не понимает, что это значит и думает, что он ещё встанет. Взрослый мир ей не доступен. У. Викстрем включает в повесть обряд прощания с покойником. Только когда дядю Онни понесли на кладбище, Эйла поняла, что у маленького Илмари больше нет отца.

О том, что взрослый мир непонятен Эйле, свидетельствует и тот факт, что она все воспринимает буквально. Например, слыша разговоры отца о «белых», она делает вывод, что это плохие люди и боится их. Однажды она встречает человека в белой одежде и пугается его. Мать объясняет ей, что цвет одежды здесь не при чём. Речь идет о бело- и красногвардейцах. По одежде нельзя узнать кто «белый», а кто «красный». Это можно понять лишь по разговорам, мыслям.

С большим волнением девочка ждет своего папу. И он возвращается изменившимся, без правой руки. Мать плачет, понимая что отец не сможет работать, а Эйла радуется, что отец вернулся, а не погиб как другие. Эйла подолгу разговаривает с отцом. Из его рассказов девочке запомнилось слово «лагерь». Именно там отцу отрезали руку, как красногвардейцу. Это был живой пример другим, решившимся на бунт.

Жизнь в семье Эйлы меняется. Мать теперь ходит на работу на завод, а отец занимается домашними делами. Он колет двора, носит воду, качает младшего сына Армаса. И всё это он делает с удовольствием, хотя раньше этим никогда не занимался, так как они считались женской работой.

Мальчики Нийнинены всегда обзывали Эйлу дочкой красногвардейца, но для Эйлы это было чудесное слово, связанное с отцом. Но вскоре отца арестовывают и сажают в лагерь на 5 лет. Там находятся и другие жители деревни. Узнав, что лагерь находится неподалеку, Эйла собирает провиант и идёт навещать отца.

У. Викстрем заканчивает повесть желанием девочки оттолкнуть охранника лагеря и освободить отца, Лассе и других заключённых. «И маленькие кулачки сжались» – пишет автор.

Концовка повести остается открытой. Юному читателю остается домысливать: «А что же может произойти дальше?» Ясен лишь призыв к борьбе, сопротивлению.

По мнению Э. Л. Алто, основной темой творчества У. Викстрема оставалась история финляндской революции 1918 года¹⁵⁰.

Дочь У. Викстрема – Тертту – продолжила путь отца. С 1957 года Т. Викстрем начала заниматься переводами произведений художественной прозы. Вскоре стали публиковаться и собственные произведения автора. В 1976 году вышел первый сборник её рассказов «*Ahin kosken tarina*» («Легенда Агинского порога»)¹⁵¹. В Союз писателей Т. Викстрем была принята в 1978 году. Особое место в ее творчестве занимает повесть для детей «*Timppa, pikkumies*» («Тимппа – добрый человек», 1983).

Повествование начинается с описания портрета главного героя: «У Тимппы тонкие плечи, мягкие светлые волосы и ласковые голубые глаза». С первых страниц повести автор дает понять, что обладатель такой внешности вряд ли может быть драчуном, хулиганом или просто отрицательным персонажем. Среда, в которой живёт мальчик – город Петрозаводск, дом напротив Финского театра. У читателя сразу встает конкретный образ дома на проспекте К. Маркса напротив Национального театра. Юному читателю дают понять, что герой произведения реальный персонаж, а не вымышленное лицо, мальчик, который живёт рядом с ним, в одном городе.

Рассказ ведется от третьего лица, соседки по дому, взрослого человека. Одной из центральных тем произведения является взаимоотношения взрослого и ребенка: матери и сына, отца и сына, соседки и мальчика, бабушки и внука. Тимппу окружают добрые люди, доброжелательная обстановка, внимание к нему.

---

¹⁵⁰ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии: в 3-х т. Т. 2. С. 207.

¹⁵¹ Подробнее см.: Писатели Карелии: библиографический словарь. Петрозаводск: Острова, 2006. С. 129–131.

Доброе отношение передается и самому мальчику, он бережно относится к животным и природе. Заботят его и вопросы касающиеся его самого. Знакомясь с окружающим миром, он пытается понять смысл некоторых понятий и явлений. Например, большой он или маленький? Он сталкивается с рядом запретов, потому что он маленький. Ему нельзя переходить одному улицу, одному ходить в лес, смотреть кино для взрослых. Но если взрослым требуется помощь, то здесь Тимппа большой: он может купить хлеб, вынести мусор. Тимппа никак не может понять: большой он или маленький. Вопросы, которые автор поднимает в повести, знакомы всем детям.

Т. Викстрем использует традиционные ласковые обращения *kulta*, *kultaseni*, *mummo hyväseni*, *mummon käpyseni*, *veliseni*, что придает произведению особый колорит, подчеркивающий доброжелательную обстановку в семье.

Семья Тимппы – это мама, папа и бабушка. Они все живут вместе. У каждого в семье и в жизни Тимппы своя роль, а все вместе они дружная семья. Мама Тимппы работала в типографии им. П. Анохина наборщицей. На работе мама очень устает, особенно устают руки, и Тимппа жалеет ее. В рассказе «*Miten kirjoja tehdään*» описан процесс создания книги.

Отец Тимппы, Пертти, работает в исследовательском институте. Он – ответственный человек и всегда держит своё слово. Тимппа с отцом ходят в лес, вместе носят воду и дрова в баню. Мужское воспитание проявляется в том, что Тимппа не должен плакать, так как мужчины не плачут, он не должен бояться, так как он смелый.

Знакомство Тимппы с природой большей частью происходит на даче, расположенной на Бараньем берегу. От отца он узнает о жизни муравьёв, что животный мир – это корова и лошадь, куры и овцы. Тимппа узнаёт об их роли в жизни человека.

Услышав о «зелёном патруле» мальчик решает сам принять в нём участие. Он охраняет газон в парке и объясняет девочкам и взрослым, что нельзя ходить по траве, для этого в парке есть дорожки. Описан и конфликт с дядей Колей, который на замечание мальчика не реагирует, а даже ругает его. Автор внушает детям и взрослым, что взрослые тоже бывают не правы.

Бабушка объясняет мальчику народные приметы. На его вопрос: «Откуда она всё это знает», бабушка отвечает: «Это народная мудрость», о которой Тимппа не раз слышал. В его глазах «народ – большой, сильный и знает много всего... Сказки и поговорки, загадки и песни, и прогноз погоды...». Бабушка разрешает Тимппе бегать босиком под дождём, она понимает, как ему этого хочется, и пытается, чтобы у него остались яркие детские воспоминания.

Теперь Тимппа знает, что такое ехать «зайцем», жить «как кошка с собакой». У бабушки была странная, по мнению Тимппы, болезнь – сахарный диабет. У нее ничего не болело, она гуляла, готовила, смеялась, только уставала и часто хотела пить. Тимппу удивляло, что от сладкого сахара может быть диабет. Ведь он любил сладости!

Но у Тимппы была и вторая бабушка. Она жила в маленькой карельской деревне Колатваара, говорила по-карельски. Карельская речь придает особый колорит произведению, если учесть, что автор не карелка. Здесь чувствуется писательская традиция У. Викстрема, который в романе «Мартва и ее дети» описывает традиции карельского народа, представляет читателям образ женщины-карелки, использует карельский фольклор.

Много нового и интересного для себя узнаёт Тимппа. Воду для чая бабушка брала из колодца, который назывался Радила. Тимппа обращает внимание, что его карельская бабушка называет вещи по-другому. Например, брюки она называет не housut, а štanat, а тетя-ингерманландка röksyt. Здесь Т. Викстрем подчеркивает какими разными могут быть языки.

Совершенно неожиданно для себя Тимппа сочиняет стихотворение об этом. В поэтическом творчестве Т. Викстрем мы находим более полный вариант данного произведения под названием «Timpan runo»:

Tiedättekö, Timpalla	Знаете ли вы, у Тимппы
Mummoja on kaksi.	Две бабушки.
Toinen puhuu suomeksi	Одна говорит по-фински
Ja toinen karjalaksi...	А другая по-карельски...

Мальчик, находясь в карельской языковой среде, начинает запоминать карельские слова. Всё время, проведенное в деревне, ка-

жется Тимппе замечательным, но наступает время возвращения домой.

Заканчивая повесть, автор подводит юного читателя к выводу: ребёнок растёт каждый день, но происходит это незаметно для него самого. Зато это замечают взрослые: Тимппе стали малы рубашки и сандалии, у него выпал молочный зуб. «Я расту!» – вот главный итог, который придает уверенности ребенку в своих силах.

Т. Викстрем присуще острое восприятие детского мира. Её герой хоть и живёт в городе, но он тесно связан с природой. Автор вводит маленьких читателей в мир детских увлечений и забот. «В рассказах Т. Викстрем, вообще, избегает поучительных тонов, в ее книгах нет таких слов как обязанность, призвание, совесть и т.п. Но автор о них пишет», отмечала М. Хютти¹⁵².

Произведения Ульяса и Терту Викстремов, адресованные детям, внесли существенный вклад в развитие детской финноязычной литературы Карелии.

В настоящее время в области критики и переводов детской литературы на финский язык работает Армас Владимирович Мишин, сын Т. Викстрем, продолжая тем самым семейные традиции.

Н. Ю. Гродницкая

ГЕЛЬМЕР СИНИСАЛО – КЛАССИК И СОВРЕМЕННОК

Карельская земля по праву может гордиться своими культурными ценностями. Уже одно то, что на её территории складывался великий эпос, даёт ей право войти в число избранных. «Калевала», в свою очередь, стала питательной средой для формирования профессионального искусства. Достижения в живописи, литературе, музыке дают возможность почувствовать мощь той стихии, которая заложена в анналах национального фольклора.

Один из тех, чьё творчество может служить показателем этих достижений, – Народный артист СССР Гельмер-Райнер Синисало.

Этого высочайшего в советское время звания, дававшегося творцам, в Карелии, удостоены были только двое – кроме Сিনি-

---

¹⁵² *Hytty M. Pikkumiehen puuhut // Punalippu. 1984. № 7. S. 122.*

сало, актриса Финской драмы Елизавета Томберг. Такое признание тогда очень дорогого стоило. И давалось оно за особые, выдающиеся заслуги. В истории музыкального искусства Карелии Синисало стал централизующей фигурой: его как художественное явление подготовили такие предшественники, среди которых Карл Раутио, Рувим Пергамент и Леопольд Теплицкий, а он, в свою очередь, определил те стержневые черты композиторского творчества нашей северной республики, которые восприняты и продолжены затем следующими поколениями. Синисало проложил дорогу нескольким музыкальным жанрам в профессиональном творчестве, став родоначальником первого инструментального концерта, первой симфонии и первого национального балета. Уже этого достаточно, чтобы войти в историю Карелии, но композитором создано и много иной прекрасной музыки, которая не утрачивает своих привлекательных качеств по прошествии уже многих десятилетий.

Финн по национальному происхождению, Гельмер Синисало родился в России. Его родители, Нестор Иванович и Ида Августовна, приехали сюда в 1918 году. В автобиографии композитор сообщает, что отец «участвовал в Финляндской революции 1918 года в рядах Красной Гвардии и после поражения революции эмигрировал в Советский Союз»¹⁵³. Стремясь стать полноправным гражданином нового общества, Нестор Иванович сразу попал в круговорот исторических событий: «В 1919 году мой отец обучался в Интернациональном военном училище в Петрограде, откуда был отправлен на фронт для участия в боях против Деникина. Был ранен»¹⁵⁴. Из контекста не ясно, что стало причиной отъезда на Урал, в Златоуст, где 14 июня 1920 года появился на свет будущий композитор. Почти сразу после рождения сына родители переехали в Карелию, где пребывали (в карельской Ухте и Петрозаводске) до 1924 года, затем переехали в Ленинград, а окончательно обосновались на карельской земле в 1928 году.

Мальчик рос с явными художественными наклонностями. Но не музыка в детстве определяла его интересы. Взрослые увлека-

---

¹⁵³ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК), Личный архив Г. Синисало, Ф. 1214, оп. 1, д. 15/122, л. 27.

¹⁵⁴ Там же.

лись театральной самодеятельностью (в Ленинграде на Финляндском вокзале в клубе «Красный путь» отец руководил драматическим кружком), что невольно воспринял и ребёнок. Театр, как он вспоминал, был для него тем «таинственным миром», влечение к которому он сохранял долгие годы и в итоге пришёл к нему в своем творчестве. С большим теплом композитор вспоминал о своем пребывании в детском саду, где воспитатели любовно прививали детям разнообразные знания. Уже тогда по-разному проявилась склонность Синисало к рисованию и музыке: в плену первого он жил многие годы и даже предполагал стать в будущем художником или архитектором, что касается второго дара, – он самостоятельно «научился по слуху играть на мандолине несколько финских песен и танцев»¹⁵⁵[3].

Любил петь. В 14 лет, благодаря случаю, мальчик попал в детский духовой оркестр, где начал осваивать игру на флейте, и, пока это происходило, даже был принят на время практикантом в духовой оркестр Дома народного творчества. А через год он поступил в только что открывшееся Театральное, ставшее затем Музыкальным, училище в класс флейты. Его педагогом стал лучший в городе флейтист, в свое время закончивший Петербургскую консерваторию, известный педагог Николай Александрович Солнышков. Будучи первой флейтой симфонического оркестра, видя как быстро развивается юный ученик, он сделал его вторым флейтистом в симфоническом оркестре, посадив рядом с собой. Так произошло приобщение отрока к большой музыке, и все прочие интересы отпали сами собой. Теперь Синисало не только совершенствовался в технике игры, но развивался как музыкант.

Оркестр композитор впоследствии назвал своей «консерваторией», ибо в нем открывал для себя весь огромный музыкальный мир, знакомился с классической и современной музыкой, познавая ее изнутри. Здесь он начал сочинять, и коллеги по оркестру помогали озвучить первые опыты. Это были главным образом небольшие пьесы для разных составов деревянных духовых инструментов, симфонического и даже джаз-оркестра. Судьба определилась, хотя события развивались далее отнюдь не по накатанному пути. Лиха он хлебнул с избытком.

---

¹⁵⁵ НА РК, Ф. 1214, оп. 1, д. 15/122, л. 31.

В январе 1938 года был арестован отец и, как написал в своих воспоминаниях композитор, в 1943 году умер¹⁵⁶[4]. Будучи человеком бескомпромиссным, Гельмер как сын «врага народа» сдал свой комсомольский билет, заявив, что в сложившейся ситуации не считает возможным оставаться в рядах ВЛКСМ. В августе вместе с матерью он был выселен из Петрозаводска в Пудожский район, оказавшись по сути в ГУЛАГе (хотя сам он не определял происшедшее буквально так). Но как иначе можно теперь квалифицировать каменотёсные работы на изолированном и охраняемом острове Гольцы (там вырубались колонны для задуманного строительства Дворца Советов в Москве), откуда ему чудом удалось бежать и затем некоторое время скрываться. Появившись в Петрозаводске нелегально, поскольку жить в столице не имел права, он узнал, что в городе гастролирует Вологодский театр Музыкальной комедии. Судьба ему подыграла: он получил шанс не только уехать из города, но и обрести работу. Попробовал устроиться в оркестр театра, был взят, благодаря чему оказался в Вологде и даже смог забрать мать. В мае 1939 года ему предложили вернуться в симфонический оркестр, что он с радостью осуществил.

К этому времени в республике уже обрел самостоятельность Союз композиторов Карелии (возникший в 1937 году как филиал композиторской организации Ленинграда), и его члены не могли не заметить талантливого юношу. На 1940 год в Петрозаводске намечалась Декада советской музыки, и председатель Союза композиторов республики Рувим Пергамент предложил Гельмеру попробовать свои силы в каком-то значительном сочинении. Уверенности в том, что он справится, у начинающего композитора не было, но, польщенный предложением и получивший заверения в необходимой помощи, он дерзнул взяться за Концерт для флейты с оркестром. Навыков в работе над крупной музыкальной формой пока ещё не было, но юноша, обладающий определенными творческими амбициями, взялся за работу. Было трудно, но как композитор вспоминал впоследствии, он ежедневно, как на работу, ходил на консультации к Л. Я. Теплицкому. Помогали и другие коллеги,

---

¹⁵⁶ Можно предположить, что композитор смягчил истину. Такое было не в духе времени.

в результате чего все препятствия были преодолены. Автор сам исполнил сей опус во время Декады. Более того, в этом же году он отважился включить его в свое выступление на конкурсе музыкантов-исполнителей в Москве. Не заняв там никакого призового места, композитор всё же получил бесценный опыт, который в данном случае был не менее важен. С этим сочинением Синисало в девятнадцать лет стал членом композиторской организации республики.

Всё профессиональное его окружение понимало, что талантливый юноша должен учиться. Но обстоятельства складывались так, что на студенческой скамье ему посидеть не пришлось. Справедливость требует признать, что Синисало, как и многие музыканты далёких времен, оказался практически самоучкой. Трудно сказать, действительно ли это стало большой потерей для формирования собственного авторского «я» автора. Как представляется, интуитивно он нащупывал единственно верный для себя путь и брал из окружающего музыкального мира то, что было ему близко, не вызвало внутреннего протеста и, преобразуя, облекал в собственную звуковую ткань.

В начале 1950-х годов он дважды (в Москве и Ленинграде) по индивидуальному плану проходил кратковременные курсы, занимаясь со столичными педагогами. Но это уже скорее была шлифовка таланта, чем учёба студенческого плана.

Итак, первой серьёзной творческой заявкой композитора стал флейтовый концерт, который помог определить дальнейший путь. Творческая перспектива была обнадеживающей. Но вскоре грянула Великая Отечественная война. В сентябре 1941 года вместе с группой оркестрантов и участников хора филармонии Синисало был переведен в театр Музыкальной комедии и отправлен в Беломорск, временно ставший столицей республики. Как вспоминал композитор, здесь были созданы три концертные бригады, в задачу которых входило обслуживание карельского фронта и прифронтовой полосы. В целом же была охвачена половина страны – от Мурманска до Казахстана. О стабильной жизни в эти годы думать не приходилось. Было и голодно, и холодно, а порой артисты невольно становились участниками военных действий. Но «бацилла» творчества уже прочно вселилась в сознание молодого музыканта, и в редкие свободные минуты Гельмер отдавался сочинению му-

зыки. Прежде всего это были песни, темы и образы которых под-сказывались временем. Но появлялись и произведения, не связан-ные напрямую с происходящим вокруг. Мироощущение компози-тора было от природы позитивным, а мечты о мирной жизни, стра-стное желание поскорее вернуть утраченное стали той «нитью Ариадны», которая помогала отрешиться от трагедий войны и соз-давать светлую музыку. В итоге военные годы отмечены создани-ем многих произведений, в том числе: цикла фортепианных пре-людий (всего их 24), струнного квартета, оркестровой сюиты «Кар-ельские картинки» и фортепианной сонаты. Кроме того, сделаны были первые шаги в приобщении к балетному жанру – одноакт-ный балет «Похищение Кюлликки» и хореографический концерт-ный номер «Победа», сочинённый по просьбе танцовщиц театра, находившихся с композитором в одной бригаде.

В июне 1944 года Петрозаводск был освобождён от оккупантов и вскоре театр смог вернуться в столицу. Но тут подкралась новая беда – у Гельмера был обнаружен туберкулёз. И при том, что, к счастью, это была закрытая форма, врачи запретили ему играть на флейте. С октября 1944 по январь 1946 года он, как значится в трудовой книжке, выполнял творческую работу «по договорам». В начале 1946 года он смог вернуться к своему инструменту. Но поскольку в Петрозаводске работы не было (симфонический ор-кестр пока не восстановился), он на восемь месяцев уехал в г. Сор-тавала, где в это время пребывал театр Музыкальной комедии.

В конце 1940-х годов композитор решил попробовать себя в са-мом сложном музыкальном жанре – симфонии. Он создал ее, пол-нометражную четырёхчастную композицию, и назвал «Богатыри леса» (1949), посвятив действительно богатырскому труду карель-ских лесорубов, имена которых звучали тогда по всей республике. Затем симфония исполнялась в Москве в программе Недели каре-ло-финской музыки и танца (1951 год), её тепло встретил иску-щённый московский слушатель. А для карельской музыки она осо-бо значима, – это была первая карельская симфония. Но в конце 1940-х годов в свете печально известного Постановления ЦК ВКПб «Об опере В. Мурадели "Великая дружба"» её изрядно пок-ритиковали, – настолько, что, как Синисало потом вспоминал, ему вообще хотелось бросить сочинять музыку. В любом произве-

дении всегда можно найти недостатки, тем более они естественны у молодого композитора. Но надо помнить, кем и в каких условиях оно создавалось. К счастью, постепенно всё улеглось.

В 1954 году Синисало создал опус, ознаменовавший наступление творческой зрелости, – «Вариации на финскую тему». Они стали малой энциклопедией стиля композитора: яркая образность, близкая к национальной с преобладанием светлого лирико-жанрового начала, богатый и красочный язык, тонкое чувство оркестрового колорита, умение мыслить масштабно, ясно представляя себе общее целое.

В 1956 году Синисало был избран председателем композиторской организации. На этом посту он оставался до конца жизни, мудро и с достоинством выполняя обязанности главы творческого коллектива, состоящего из очень разных людей. Художественное содружество всегда живет в атмосфере повышенной эмоциональности, тем более – творцы, люди одновременно амбициозные и ранимые. Но председатель в лице Гельмера Несторовича всегда умел найти оптимальное решение, хотя нередко внутренне это, как представляется, давалось ему нелегко. Из его воспоминаний становится ясно, что особые проблемы возникали в годы, когда происходила смена поколений, когда из жизни в короткий срок ушла «старая гвардия» (К. Раутио, Л. Теплицкий и Р. Пергамент) и в Союз пришли «молодые, талантливые, полные творческих сил, хорошо подготовленные теоретически, в высшей степени самоуверенные композиторы, понятия не имевшие о национальных особенностях ни карельской, ни финской музыки»¹⁵⁷.

На посту председателя Синисало невольно стал человеком публичным. Он не только представлял от имени организации на всесоюзных и российских музыкальных форумах, но ему часто приходилось высказываться в прессе, общаться с руководством на разных уровнях.

Во второй половине 1950-х годов, с принятием правительственного решения о проведении Декады карельского искусства и литературы в Москве, намеченной на 1959 год, широким фронтом развернулась подготовка к ней во всех художественных коллективах.

---

¹⁵⁷ НА РК, Ф. 1214, оп. 1, д. 12/77, л. 22.

К этому времени уже был отстроен Музыкальный театр и два композитора получили государственные заказы: Рувим Пергамент на оперу и Гельмер Синисало – на балет. Творческая встреча композитора с молодым и энергичным балетмейстером Игорем Смирновым, приехавшим из Москвы, стала судьбоносной. На либретто Смирнова было создано пять балетов. Им же осуществлены все сценические постановки, кроме одной – «Вождя краснокожих», написанного в соавторстве с А. Голландом, единственного, не увидевшего света рампы. Балет «Сампо» (1959), который открыл эту череду, получил статус первого национального балета. Его судьба была наиболее счастливой: он удостоился высокой оценки во время Декады в Москве, благодаря гастролям Музыкального театра его увидели во многих городах Советского Союза, он не раз вывозился за границу. Всюду он щедро осыпался похвалами.

К национальной теме композитор вновь вернулся в последнем балете – «Кижской легенде» (1973). Но в контексте советского балета интересны и важны балеты «Я помню чудное мгновенье» (1962) и «Сильнее любви» (1965). Первый знаменателен обращением к творчеству Глинки, музыка которого составила основу балета, и это вписалось в неоклассицистскую тенденцию музыки XX века, второй – отражением современной темы.

Благодаря творческому контакту с Игорем Смирновым балет оказался главным жанром в наследии Синисало, который одновременно наиболее полно реализовал и дар композитора-симфониста. Но работал он во всех, кроме оперы (правда, есть оперетты), музыкальных жанрах. Причём, в нескольких из них стал, как уже отмечалось ранее, родоначальником в профессиональной музыке республики. Мы с полным правом можем назвать его карельским классиком, в чьём творчестве нашли прямое отражение классицистские черты: сюжетная и образная ясность, архитектурная соразмерность в любой композиции, характерное для классиков равнозначное внимание к «положительным» и «отрицательным» образам в их разработке (это касается балетов) и, конечно же, чрезвычайно привлекательный и мелодически щедрый музыкальный язык, обладающий той неброской красотой и обаянием, которые присущи неповторимой карельской природе. В карельской музыке Синисало занял положение, сравнимое с местом и ролью первого

русского классика М. И. Глинки. Его музыка была наиболее близка Синисало, не случайно он сделал её основой одного из своих балетов. А сила классики, как известно, и заключается в том, что она не утрачивает своей актуальности, как бы не менялись времена.

Творчество Синисало не только самоценно само по себе, но от него ведут пути к творческим решениям композиторов следующих поколений республики. Лирико-эпическая природа драматургии его балетов и симфонических произведений продолжена балетами и симфоническими полотнами Эдуарда Патлаенко и Александра Белобородова, частично – Геннадия Вавилова, Валентина Кончакова, Владимира Угрюмова.

Пафос моего доклада связан с мыслью о том, что личность и творчество Синисало – нетленное явление национальной культуры. Оно должно постоянно присутствовать в нашей музыкальной жизни и хотя бы редкими исполнениями периодически напоминать о себе. А что мы имеем в этом плане сегодня? Карельская телерадиокомпания, сосредоточившая в своих анналах бесценные фонды национальной музыки, практически безмолвствует. Музыкальный театр давно забыл, когда ставились его балеты, а ведь как минимум два из них должны постоянно присутствовать в текущем репертуаре, иначе как мы можем убедить подрастающие поколения в том, что наша музыкальная история богата своими сокровищами. Мы не имеем права забывать об этом, надо сделать всё возможное, чтобы не потерять наши достижения в уходящем времени.

А. С. Максимова

НАСЛЕДИЕ КАРЛА И ЭРИКА РАУТИО В РУКОПИСНОМ НОТНОМ ФОНДЕ ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО АНСАМБЛЯ ПЕСНИ И ТАНЦА КАРЕЛИИ «КАНТЕЛЕ»

История становления и развития ансамбля «Кантеле» тесно связана с именами американских и канадских финнов, приехавших в Карелию в 1920–1930-е годы. В их числе солистки ансамбля: певица Сиркка Рикка, танцовщица Эльза Баландис, кантелистка Кертту Вильянен и др. Все они внесли огромный вклад в распространение

культуры Карельского края и развитие вокальной и хореографической традиции, а также исполнительской школы на кантеле.

Среди имен американских финнов-иммигрантов, особое место занимает имя Карла Эриковича Раутио (1889–1963) – одного из родоначальников профессиональной композиторской школы Карелии, основателя творческой династии Раутио. Композитор родился 20 ноября 1889 года в финской деревне Устамола. В 1903 году он уехал в Америку, где сумел получить профессиональное музыкальное образование на музыкальном факультете Калифорнийского университета. Карл Раутио приехал в Карелию в 1922 году и сразу начал преподавать музыкальные дисциплины в педагогическом техникуме, открывшемся в Петрозаводске. Параллельно с этим композитор занимался изучением национальной музыки Карелии.

Как профессиональный композитор, Карл Раутио сотрудничал с ансамблем «Кантеле» со времени его основания (1930-е годы), а в 1950-е годы стал его художественным руководителем. Вслед за ним в ансамбль пришли и его сыновья: в 1950-м году Хейно и Эрик, в 1958-м – Ройне. Жизни Хейно и Ройне Раутио оборвались в 1960-м году, Эрик продолжал работать в ансамбле до 1986 года.

Сегодня в библиотеке ансамбля «Кантеле» хранится коллекция нотных рукописей композиторов и музыкантов, работавших в Карелии и сотрудничавших с ансамблем «Кантеле». Существенную часть рукописного фонда составляют обработки, сделанные для оркестра ансамбля «Кантеле». Оркестр имеет специфический состав. Его основу составляет кантеле. У оркестра есть также йоухикко, вирсиканнель, цитра, свирель. Наряду с национальными инструментами, состав дополняется инструментами симфонического оркестра: гобоем, кларнетом, скрипкой, виолончелью, контрабасом. Национальная специфика ансамбля требовала создания соответствующих ей музыкальных произведений.

Карл и Эрик Раутио оставили ансамблю достаточно обширное рукописное наследие, представляющее большой интерес и поле для исследовательской деятельности. Также в библиотеке находится ряд рукописных произведений, предположительно сделанных рукой Ройне Раутио. Однако для установления авторства этих рукописей требуется текстологическая (графологическая) экспертиза. Это дело недалёкого будущего.

Большая часть сохранившихся автографов Карла Раутио не датирована¹⁵⁸. Редкие датировки относятся к 40–50-м годам прошлого века. Коллекция автографов Карла Раутио, хранящихся в архиве ансамбля «Кантеле», насчитывает около 50 произведений. Некоторые из них существуют в нескольких авторских редакциях. Среди жанров произведений композитора основную часть составляют авторские песни, а также обработки финских и карельских народных песен для голоса с фортепиано, для оркестра ансамбля «Кантеле» и хора. В коллекцию входит и ряд оркестровых пьес композитора, созданных специально для исполнения оркестром «Кантеле».

Как правило, рукописи Карла Раутио многоязычны. Для обозначения динамических и темповых указаний используются итальянские термины. Итальянский язык используется также для записи названий инструментов, однако в некоторых рукописях они обозначены по-русски. Русский язык встречается чаще всего в параллельных (с финскими) названиях произведений, в записи места создания произведения или в написании своего имени. Все остальные ремарки, уточняющие характер исполнения, а также рекомендации, адресованные дирижеру, указаны на финском языке.

Рукописное наследие Карла Раутио демонстрируют тесную связь композитора с финской культурой, а также его стремление к пропаганде финского фольклора и языка. Подтверждением тому служат многочисленные автографы обработок **финских** песен, составляющие более половины всего рукописного наследия композитора, хранящегося в ансамбле «Кантеле». Существенная часть авторских песен Карла Раутио в рукописном собрании ансамбля также написана на финские тексты – из эпоса «Калевала», а также финские стихи карельских поэтов.

Иные задачи ставил перед собой Эрик Раутио. Он работал в ансамбле в качестве артиста (кантелиста) с 1950 по 1986 год. Практически все рукописи Эрика Раутио датированы. Они охватывают

---

¹⁵⁸ Известно, что основную часть коллекции документов Карла Раутио в Национальном архиве Республики Карелия также составляют недатированные нотные рукописи композитора.

период с 1969 по 1985 год. Музыкант практически не создавал авторских сочинений, реализуя себя в жанре оркестровки. Многообразии музыкального материала переложений, выполненных Эриком Раутио для оркестра ансамбля «Кантеле», демонстрирует глубокое освоение им специфики национальных инструментов, стремление доказать их возможности и желание приобщить музыкантов и публику к музыке разных эпох и стилей. Эрик Раутио стал автором оркестровых обработок музыки карельских композиторов – Карла Раутио, Абрама Голланда, русских классиков – П. И. Чайковского и Н. А. Римского-Корсакова. Широкий стилистический диапазон оркестрованной им зарубежной музыки. Здесь следует назвать пьесы французского композитора XVII века Ж.-Б. Люлли, а также произведения Ф. Мендельсона и Я. Сибелиуса, Б. Бартока и Дж. Гершвина. Эрик Раутио выполнил ряд обработок финских и карельских народных мелодий. В основе его авторских произведений также лежат фольклорные источники – финские, карельские, немецкие (в качестве примера можно привести Вариации на карельскую тему).

Сегодня творческое наследие фамилии Раутио является памятником национальной культуры и художественным достоянием Карелии. Нотные автографы музыкантов репрезентируют лишь часть их вклада в развитие ансамбля и искусства республики.

Карл Раутио много работал над реорганизацией оркестра «Кантеле». Он стал одним из основателей Союза композиторов Карелии и одним из первых педагогов Петрозаводского музыкального колледжа, который теперь носит имя композитора. Эрик Раутио и его супруга Эйла (дочь канадских финнов), внесли большой вклад в развитие школы игры на кантеле. Их творческий дуэт вызывал восторженные отзывы современников. Ройне Раутио, проработавший в ансамбле всего 2 года, успел создать в нем финскую вокальную группу «Старые холостяки».

В настоящее время одним из важных направлений работы ансамбля «Кантеле» является сохранение рукописного наследия карельских композиторов и музыкантов. Кроме того, руководство ансамбля стремится сделать эти материалы более открытыми и доступными для исполнителей и исследователей. Поэтому было принято решение издать сборник музыкальных произведений из

рукописных фондов «Кантеле», первый выпуск которого стал своего рода «конспектом» профессиональной музыкальной культуры Карелии¹⁵⁹.

И. Б. Семакова

ТОЙВО ВАЙНОНЕН И ЕГО «ШКОЛА»

В современном Государственном национальном ансамбле «Кантеле» много делается для увековечения памяти основателя ансамбля В. П. Гудкова и его соратников. И всё-таки, изучение проблем развития исполнительства на хроматическом кантеле требует от нас, живущих в XXI веке, возобновления наших знаний о прошедшем, так как время позволяет взглянуть на прошлое с позиций актуальных вопросов современности и заново оценить вклад каждого из специалистов, работавших в «Кантеле».

Сегодня жителям Карелии (и не только Карелии) не нужно объяснять, что это такое кантеле. Кантеле стало неофициальным символом национальной культуры нашего края. Жители Республики Карелия имеют возможность услышать завораживающие звуки инструмента у себя дома, в столице республики, в районных центрах, сёлах, в Домах культуры и школах. Желающие играть на хроматическом кантеле имеют реальную возможность обучения. Есть сегодня и записи лучших репертуарных произведений для кантеле и они доступны каждому; есть прекрасный сайт в Интернете по истории «Кантеле». И все-таки...

Много лет меня как исследователя национальной культуры Карелии тревожит какая-то недосказанность, недооценённость творчества Тойво Потаповича Вайнонена. Я, к сожалению, не была знакома с ним лично, но слышала его игру в тесных классах Петрозаводской консерватории¹⁶⁰, слушала игру его учеников, обща-

---

¹⁵⁹ См.: Умножать богатства наши...: Сборник произведений композиторов Карелии из коллекции нотных рукописей Национального ансамбля «Кантеле». Петрозаводск, 2009.

¹⁶⁰ В 1970–1980-х годах это был Петрозаводский филиал Ленинградской Ордена Ленина государственной консерватории имени Н. А. Римского-Корсакова.

лась со многими из них, имела счастье беседовать и с его женой, легендарной певицей Сиркой Андреевной Риккой. В моих рабочих тетрадах сохранились некоторые выписки из документов по истории ансамбля «Кантеле», хранящихся в Центральном Государственном архиве Республики Карелия. Поделюсь своими размышлениями о прекрасном человеке, великолепном исполнителе и педагоге.

Тойво Потапович Вайнонен, Заслуженный артист КФССР (1947), Народный артист КАССР (1971) родился в деревне Жоржины (сегодня Жоржино) Тосненского района Ленинградской области. Еще в 1896 году эта деревушка называлась иначе – Савколово или по-фински Савота. Это название указывает на то, что предки жителей деревни были в прошлом выходцами с территории Саво Финляндии. Однако, это забылось обитателями Савоты-Жоржино уже в XIX веке. Деревушка была крохотная – всего-то пять домов, сорок жителей! Жили бедно: растили на скудных полях лён для домашней одежды, овёс, картошку. Не упускали случая подзаработать на ягодах, которых в округе было немало, да грибах. Женщины и подростки драли кору с деревьев, сушили её, толкли и порошок везли на кожевенные заводы Санкт-Петербурга. Жители деревушки часто между собой говорили о том, что далековато живут они от города – молоко, которого производили достаточно, за 60 с лишним вёрст не довезёшь свежим. Можно продавать в городе только масло домашнее да сметану. Дети бегали в финскую школу за два километра, а в церковь ездили по большим праздникам. 1920-е – начало 1930-х годов были беспокойным временем для ингерманландцев: образовывались колхозы¹⁶¹, появился новый Всеволожский национальный район. Но вскоре, в 1936 году Карельский перешеек стали «очищать» от финнов. Молодых парней призывали в ряды Красной Армии¹⁶², а семьи подверглись насильствен-

---

¹⁶¹ Деревня Жоржино входило в состав так называемого «Седьмого сельского общества».

¹⁶² Призыв молодежи в ряды Красной Армии производился с 19 лет. Срок службы в армии для пехоты и артиллерии составлял один год. Отсрочку от армии получали только те, кто обучался в средней школе и техническом училище. Отсрочку получали и хронически больные. Отсрочка давалась сроком на 3–12 месяцев и не более чем три раза. Находящиеся под арестом, высланные в

ному переселению. Тойво Вайнонен попал в Карелию, в Петрозаводск, в стрелковую бригаду Красной Армии. Здесь он впервые увидел и услышал новый музыкальный инструмент – хроматическое кантеле. На нём музыкант и поэт Виктор Пантелеймонович Гудков учил играть сослуживцев Вайнонена¹⁶³. Но что-то не вышло из задуманного и оркестр из солдат–кантелистов после поездки в Ленинград быстро распался¹⁶⁴. Не успел Тойво Вайнонен при-

---

Сибирь или лишённые избирательных прав, призыву не подлежали, как и инвалиды. От призыва освобождались и некоторые специалисты: квалифицированные рабочие, учёные, учителя сельских школ, переселенные крестьяне, а также заводские рабочие и техники. Не призывались душевнобольные, а также враги народа. Согласно исследованиям М. И. Мельтюкова (wcrp.narod.ru/meltyukhov/09.html) «развитие международной обстановки в начале сентября 1939 года привело к тому, что в ночь на 7 сентября было принято решение провести частичную мобилизацию Красной Армии, и войска получили приказ начать “Большие учебные сборы” (БУС). 31 марта 1940 года нарком обороны отдал приказ № 0015 о расформировании 1-го стрелкового корпуса, 4-го и 5-го отдельных стрелковых полков “Финской народной армии” (ФНА) Согласно директивам наркома обороны от 10 апреля 1940 года войска ЛВО, АрхВО, КалВО, БОВО, КОВО, ОдВО, МВО, ОрВО, ХВО, ПриВО, СКВО, ЗакВО, УрВО, САВО, ЗабВО, 2-й ОКА должны были быть переведены на штаты мирного времени. Предусматривалась передислокация войск в соответствии с предложениями наркома обороны от 4 апреля 1940 года и предписывалось уволить приписной рядовой состав, остающийся за штатом, из нестроевых частей. 7 мая Военный Совет ЛВО получил директиву наркома обороны № 0/2/104204сс, согласно которой следовало на основе 1-го стрелкового корпуса ФНА сформировать 71-ю особую Карело-финскую дивизию 9-тысячного штата с дислокацией в Петрозаводске. Завершение советско-финской войны потребовало новых организационных мероприятий. Согласно приказу наркома обороны № 0013 от 26 марта 1940 года требовалось расформировать управления Северо-Западного фронта, 7-й, 13-й и 9-й армий. Управление 8-й армии следовало перебросить в Новгород, а 14-й армии – оставить в Мурманске. Вновь создавался ЛВО на территориях Мурманской, Ленинградской областей и Карельской АССР».

¹⁶³ С. Колосенок. Заново рожденное кантеле // Красная Карелия. 1935. 5 июля.

¹⁶⁴ В. П. Гудков в юные годы ещё в Воронеже играл в любительском Великоорусском оркестре на балалайке и был поклонником создателя Великоорусского оркестра В. В. Андреева. Он хорошо был знаком с деятельностью В. В. Андреева, который пропагандировал народные инструменты в воинских частях и пожарных командах, в учебных заведениях и в великоорусских музыкальных салонах. Этим опытом в своей деятельности воспользовался и В. П. Гудков в своей работе по созданию ансамбля «Кантеле». Оркестр летом 1935 года состоял из 14 человек, поздней осенью – из 19.

дти в оркестр! Но желание научиться игре на кантеле не оставило его. Уже в 1938 году¹⁶⁵, так свидетельствуют документы, Тойво Вайнонен поступает в музыкальное училище в класс кантеле к самому Виктору Пантелеймоновичу Гудкову! По отзывам учителя, Тойво являлся одним из лучших кантелистов. Эту высокую оценку по достоинству можно оценить, зная с кем сравнивает В. П. Гудков молодого музыканта: на одном курсе с Вайноненом учились Тертту Вильянен, Максим Гаврилов, Гельмер Синисало, Милдред Росси, Владимир Салоп и другие.

Служба в Красной Армии фактически спасла Тойво Вайнонена и его однокурсника по музыкальному училищу и земляка, эстонца Владимира Салопа от тяжелой участи родных – выселения из родного дома, поражения в правах по национальному признаку, скитаний и лишений...

Со второго курса музыкального училища в начале 1939/1940 учебного года¹⁶⁶ оба музыканта были призваны в ряды Красной Армии и отправлены на Карельский перешеек¹⁶⁷. Момент призыва и первых шагов на фронте очевидцы описывают так: «Их, новобранцев, собрали в здании петрозаводского пединститута, раздели до нательного белья и переделали в форму, мало напоминавшую

---

¹⁶⁵ Совет Народных Комиссаров Карельской АССР принял Постановление об открытии Петрозаводского музыкального училища в марте 1938 года. В выписках из личных листков учета кадров в сведениях о Т. П. Вайнонене приведена другая дата: «С 1937 г. учиться в Музыкальном училище» (НА РК. Ф. 2150, оп. 2; д. 436, л. 128).

¹⁶⁶ Исследователь М. И. Мельтюхов пишет: «С 11 ноября 1939 г. началось формирование первого корпуса “Финской народной армии” (первоначально 106-я горнострелковая дивизия), который укомплектовывался финнами и карелами, служившими в войсках Ленинградского военного округа. К 26 ноября в корпусе насчитывалось 13 405 человек, а в феврале 1940 г. – 25 тыс. военнослужащих, которые носили свою национальную форму, но так и не приняли участия в боях. ...Эта “народная” армия должна была заменить в Финляндии оккупационные части Красной Армии и стать военной опорой “народного” правительства... в январе (1940) начались советско-финские консультации по вопросу заключения мира, правительство Куусинена не упоминалось»// wcry.narod.ru/meltyukhov/04.html.

¹⁶⁷ К сожалению, документов подтверждающих наши выводы нет, как не у кого спросить сегодня об этих фактах. Основанием для наших размышлений послужили ведомости на заработную плату сотрудников Филармонии и невыданных трудовых книжек с пометками (НА РК. Ф. 2150).

красноармейскую¹⁶⁸. Даже для рядовых выдали не какие-нибудь кирзачи, а яловые сапоги, галифе, гимнастерку из настоящего сукна, на шапке отсутствовала звездочка. Оказалось, что призывникам предстоит стать ядром организуемой новой финской армии. Поэтому в ее рядах были в основном ингерманландцы. Некоторых в Петрозаводск привезли из других регионов страны. Ночью их привели на железнодорожный вокзал, погрузили не в теплушки, а в спальные вагоны. Никто не знал, куда отправляется это новоиспеченное войско. Поезд тронулся в южном направлении. И только после Волховстроя по радио было сообщено, что началась война с буржуазной Финляндией и наши войска продвинулись на 6 километров от границы. Потом были и 10 и 20 км. Прибыли в район нынешнего Зеленограда, находящегося под Ленинградом»¹⁶⁹. Служили они в 1-м горнострелковом корпусе¹⁷⁰, составившем основу так называемой «Финской народной армии» в структуре 7-ой армии Северо-Западного фронта¹⁷¹. В. П. Гудков описывает события этого времени так: «Наш ансамбль присоединили к группе, руководство которой разрешило позвать в ансамбль воинов Красной Армии из группы любителей. Таким образом, художественные возможности нашего ансамбля расширились... Постоянным местом дислокации был Териоки¹⁷². Первые концерты давали в бывшем военном доме, который был переделан в клуб отдела N-группы... С нами был композитор Калле Раутио, который неустанно делал новые и новые обработки для кантеле-оркестра. Также много работы проделал для разучивания песен С. Н. Озеров. Нашими солистами были С. Рикка, Н. Тарасова (Кондратьева), Н. Макси-

---

¹⁶⁸ В качестве «национальной» формы использовалась трофейная форма польской армии. Эти сведения приводит историк М. И. Мальтюхов // wsgu.narod.ru/meltyukhov/04.html.

¹⁶⁹ О. Тараканов «От Карелии до Восточной Померании» Из воспоминаний С. А. Иконникова // www.gov.karelia.ru.

¹⁷⁰ 1-й горнострелковый полк состоял из 1-ой и 2-ой стрелковых дивизий.

¹⁷¹ В г. Териоки располагалось так называемое Финское правительство во главе с О. Куусиненом. Командование 7-ой армией Северо-западного фронта располагалось в г. Териоки бывшей Выборгской губернии. Командующий армией командарм 2-го ранга В. Ф. Яковлев, с 7 декабря – командарм 2-го ранга К. А. Мерцков.

¹⁷² Город Териоки сегодня называется Зеленогорск.

мова, И. В. Коватев, Г. Хиукайнен, выступали на концертах с Х. И. Мальми и В. И. Кононовым <...> Нас отправили в находящийся рядом с Выборгом маленький городок Тронгсунт, где мы выступали перед проходящими войсками... В Тронгсунте¹⁷³ закончилась наша работа в действующей армии»¹⁷⁴.

Тогда же, вероятно, в ансамбль «Кантеле» В. П. Гудков пригласил кантелистов из своего класса кантеле в Петрозаводском музыкальном училище – Тойво Вайнонена и Владимира Салопа.

Много интересных документов можно отыскать в фонде 2150 Национального архива Республики Карелия. Однако, эти документы требуют дополнительных исследований. Так, например, необыкновенно информативен оказался для нас «Список работников госфилармонии на 1940-41 годы»¹⁷⁵. В этом списке, помимо фамилии, имени и отчества работника, указывается занимаемая им должность, зарплата, время поступления в штат и время увольнения («ухода» - как определена графа в документе), а так же адрес проживания. Так, например, В. П. Гудков был оформлен на работу в ансамбль «Кантеле» 1 марта 1937 года, а в скобках указана дата начала деятельности исследователя в г. Петрозаводске – 1 сентября 1932 года В 1940 году В. П. Гудков, как и В. И. Кононов, хореограф ансамбля, уже проживали в новых квартирах в доме № 3 по Закаменному переулку (В. П. Гудков в квартире № 1, а В. И. Кононов – в квартире № 7). Сиркку Андреевну Рикка приняли в штат госфилармонии как «певица» 14 апреля 1940 года. В этот же день были приняты на работу в «Кантеле» Тойво Потапович Вайнонен на должность концертмейстера вторых прим, Милред Карловна Линдстрем в состав первых прим, Тюне Васильевна Пуллкинен¹⁷⁶

---

¹⁷³ Сегодня это город Высо́цк (до 1918 – Тронгсунд (швед. Trångsund), до 1948 У́рас, (фин. Uuras)) – Портовый город на берегу Финского залива Балтийского моря.

¹⁷⁴ Цитирую по сайту history.kantele.ru. Напомню, что советско-финская война («Зимняя война») велась с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года.

¹⁷⁵ НА РК, Ф. 2150, оп. 1, д. 3/32 «Управление по делам искусств при СНК КФССР. Список работников госфилармонии на 1940-41 годы», л. 6–7. В состав госфилармонии в 1940–1941 годах входили коллективы Симфонического оркестра (50 чел.), Кантеле-ансамбля, Вокальной группы (22 чел.), Театра, Хора (47 чел.), Драматического ансамбля (11 чел.).

¹⁷⁶ Т. В. Пуллкинен стала женой В. О. Салопа.

в группу вторых прим. Пятью днями позже в группу первых альтов принимается в штат «Кантеле» Матвей Михайлович Кирьянов. Любопытно, что составитель «Списка» оставил пометку «уволен в РУИ». Это означало, что М. М. Кирьянов был представителем того самого пополнения ансамбля «Кантеле» музыкантами из состава «Финской народной армии» (о нём писал В. П. Гудков). Владимира Оскаровича Салопа приняли в штат госфилармонии 20 апреля 1940 года на должность «второй цитры».

Этот же «список» содержит данные об адресах проживания артистов: В. П. Вайнонен и В. О. Салоп жили вместе в квартире № 2 дома 38 по улице Урицкого. Они могли и на работе, и дома обсуждать не только события в ансамбле «Кантеле»; они были единомышленниками В. П. Гудкова в деле совершенствования хроматического кантеле и техники исполнительства на нём и неустанно обсуждали все детали этого сложного процесса.

Буквально с первых минут своей «официальной работы в «Кантеле» Т. П. Вайнонен стал на долгие годы практически единственным учителем новичков по классу кантеле. Он освободил от этой обязанности руководителя ансамбля В. П. Гудкова. На основе «невывказанного» контекста архивных документов смею предположить, что такой работой в ансамбле Т. П. Вайнонен занимался уже с момента своего прихода в ансамбль. Приведу список учеников Т. П. Вайнонена¹⁷⁷ в ансамбле «Кантеле», имена которых удалось нам установить.

1. Шестаков Александр Матвеевич (08.08.1940. Прима II);
2. Нестерова Таисия Николаевна (15.08.1940. Уволена. Прима II);
3. Александрова Полина Георгиевна (28.08.1940. Уволена. Прима I);

---

¹⁷⁷ Вероятно, в ансамбле «Кантеле» своих учеников имели и другие музыканты. Среди учеников 1940–1941 годов есть ученики на контрабасе Бачурин Владимир Иванович (20.09.1940, контрабас II); Хиопуновский Иван Александрович (06.08.1940–28.06.1941, контрабас III); Меркушев Василий Васильевич (08.05.1940. Бас II); Сидоров Иван Дмитриевич (08.05.1940.) Скорее всего, их обучением занимался Павел Александрович Дворжецкий, старейший член коллектива (с 17.09.1935 по 25.06.1941). Учителем ученика кларнетиста Виктора Зайцева (10.04.1941) мог быть Олви Георгиевич Салми. На вирсикантеле Ирью Адамовну Росси (07.1940) и на йоухикко Ауне Генриховну Матсон (11.11.1940), так же как и кантелиста Матвея Михайловича Кирьянова (19.04.1940) могли учить В. П. Гудков или кто-то из старейших кантелистов коллектива

4. Легкая Раиса Ивановна (01.09.1940–21.11.1940);
5. Балахонина Ольга Михайловна (24.09.1940 – 16.07.1941 Альт I) (?);
6. Устинов Борис Кириллович (07.10.1940 Прима I¹⁷⁸. Зачислен в штат ансамбля в госфилармонии 14.01.1941);
7. Кярня Михаил Иванович (01.11.1940 – 16.07.1941. Прима II);
8. Тупышев Павел Николаевич (01.11.1940 – 16.07.1941. Прима II);
9. Агапитова Екатерина Васильевна (5.11.1940 – 16.07.1941. Альт II) (?);
10. Озерова Вера Ивановна (08.01.1941 – 18.07.1941. Прима II);
11. Макаров И.С.(18.03.1941 – 16.07.1941)
12. Росси Алмо Адамовна (18.04.1941).
13. Раутио(Рауфала) Эйла (1946)
14. Антышева (Бутенева) Татьяна (1947–1949);
15. Быданова (Матюкова) Лилия (конец 1940-х – начало 1950-х);
16. Пирхонен Ханна (1960-е)
17. Шайтанова З. (1952–1956);
18. Иванова Т. (1952–1956);
19. Матвеева (Арефьева) Валентина Николаевна(1967–1968; 1970–1974; 1981–1983);
20. Акулишнина Наталья Павловна (08.1974–1980);
21. Теппонен - Мастафанова Ирма Николаевна (1970–1980-е);
22. Матвеева Елена Александровна(1970-е–1982–1984);
23. Жейкова Елена Михайловна (1979–1984);
24. Иванов Александр (1970–1980-е);
25. Сахарова (Гудкова) Александра (1983–1984);
26. Бедняк Виктор Иванович (1978–1979);
27. Николаева Ирина Николаевна (1978–1979);
28. Бирюкова Наталья Павловна (1978–1979);
29. Семаков Сергей Владимирович (1982–1984).

Это далеко не полный список учеников Т. П. Вайнонена. В 1950–1970-х годах он обучал детей игре на кантеле¹⁷⁹, в 1960–1970-х годах – вёл класс кантеле в Детской музыкальной школе

---

¹⁷⁸ В трудовой книжке указано: 1940.Х.7. Зачислен в кантеле-ансамбль на должность ученика кантелиста от 08.Х.40 г. п. 2.

¹⁷⁹ Существует фотография, на которой запечатлен Т. П. Вайнонен с четырьмя своими юными учениками из Дворца пионеров (1970-е годы).

№ 1 им. Г. Н. Синисало г. Петрозаводска. В 1978–1984 годах в Петрозаводском филиале Ленинградской государственной консерватории им. Н. А. Римского-Корсакова он вёл сначала класс ознакомления с инструментом кантеле на кафедре народных инструментов, а затем в 1981–1984 годы по инициативе заведующего кафедрой С. В. Борисова и совместно с ним вёл первый в истории СССР специализированный класс кантеле. Четыре его ученицы – Валентина Матвеева, Елена Матвеева, Елена Жейкова и Ирма Мастафанова – получили высшее профессиональное образование. И сегодня эти специалисты являются гордостью карельской национальной культуры. Все музыканты, кто соприкоснулся с педагогической деятельностью Тойво Потаповича Вайнонена, говорят одно: это был талантливый педагог и великий музыкант. Кто-то метко и образно сказал, что у Тойво Потаповича Вайнонена была своя исполнительская школа, которую между собой стали называть «Школа Вайнонена». Это действительно была школа непревзойденного сегодня исполнительского мастерства. В интервью к 70-летию ансамбля «Кантеле» Татьяна Андреевна Антышева так отзывается о своих занятиях с учителем: «У Тойво Потаповича был особый дар: он хорошо “ставил руку” и был мастер удобной “пальцовки”. От удачной “пальцовки” зависело исполнение трудных пассажей. Относился Тойво Потапович к нам по-отечески, опекал, наставлял»¹⁸⁰. Валентина Матвеева, первая в Республике Карелия кантелистка с высшим музыкальным образованием, дипломант Всероссийского конкурса исполнителей на народных инструментах (1986, г. Тула), Заслуженная артистка Карелии (1986) и сейчас называет своего главного учителя в музыкальной профессии очень ласково – «Тойвушка». Своей принадлежностью к «школе Вайнонена» гордится Елена Жейкова, которая начала свою профессиональную деятельность в Детской музыкальной школе № 1 им. Г. Н. Синисало г. Петрозаводска как педагог-новатор. В этом несомненная заслуга Т. П. Вайнонена, который смотрел на исполнительскую технику одновременно и очень рационально, и творчески. Его собственные технические возможности были поистине безграничны! И сегодня никто из кантелистов не

---

¹⁸⁰ Анна Маликина. «О «Кантеле» с любовью» // «Kantele-70.txt». Сборник статей молодых журналистов. Петрозаводск, 2007.

в состоянии сыграть «Концерт для домры с оркестром» Н. Будашкина – сложнейшее, виртуознейшее произведение для технически более подвижного инструмента. До сих пор в Петрозаводской консерватории студенты и преподаватели передают друг другу рассказ о том, что Тойво Потапович Вайнонен в азарте спора о технических возможностях инструмента кантеле в сравнении, например, с балалайкой, предложил своему студенту из класса ознакомления с инструментом кантеле Виктору Бедняку (он и сегодня пользуется славой уникального балалаечника-виртуоза) сыграть «наперегонки» «Полёт шмеля» Н. Римского-Корсакова. Темп и четкость исполнения были у исполнителей фантастическими! Закончили игру музыканты одновременно! Этот факт означает, что возможности инструмента кантеле и сегодня остаются не полностью выявленными и реализованными. Но серьезный шаг в направлении «виртуозного кантеле» Тойво Потапович и его ученики, несомненно, сделали.

Сиркка Андреевна Рикка рассказывала, что Тойво Потапович ежедневно «кразыгрывался», исполняя гаммы и арпеджио во всех возможных версиях, начиная с медленного и заканчивая буквально бешеным темпом. Он всегда много делал переложений для кантеле и исполнительских редакций различных произведений для себя и своих учеников. Он сам писал им всем ноты и щедро раздавал их. В последний год жизни (умер 18 апреля 1985 года вследствие тяжёлого заболевания мозга), тяжело болея и не имея уже возможностей играть на любимом инструменте, Тойво Потапович собирал и копировал свои рукописи. Затем эти ноты отдавал в руки своих соратников и учеников. Сиркка Андреевна восклицала: «У него было два чемодана нот! Он всё отдал!». В доме осталась только одна тонкая тетрадка, где на первой странице рукой Тойво Потаповича были написаны гаммы и арпеджио с аппликатурой. До последнего своего дня жизни Тойво Потапович Вайнонен заботился о развитии технических навыков молодых кантелистов. В единственном издании нот в его исполнительской редакции – «Кантеле. Самоучитель игры¹⁸¹» – «прочитываются основы методики Т. П. Вайно-

---

¹⁸¹ Кантеле. Самоучитель игры. Авторы текста нар. артист КАССР Т. П. Вайнонен, засл. артист РСФСР М. И. Гаврилов. Составитель А. А. Лехмус, под общей редакцией Б. Д. Напреева. Петрозаводск, 1985.

нена. Во вступительной статье не только лаконично и точно даются указания по вопросам «постановки рук» на инструменте и правильной посадке за инструментом, все эти технически необходимые и важные моменты сопровождаются фотографиями. В разделе технических упражнений без объявления произведения «на интерес» обучающегося помещены очень мелодичные произведения, автором которых мог быть В. П. Гудков. Вероятно, поддержание этого «интереса» за счет мелодически ярких и оформленных в плане наиболее употребительных в исполнительстве на кантеле фактур произведений на начальном этапе обучения игре на инструменте всегда были основой методики игры на инструменте. В сборнике опубликованы известные по упоминаниям в архивных материалах В. П. Гудкова «10 прогрессивных этюдов для кантеле оркестра», которые специально были созданы основателем ансамбля к 1937–1939 годам. На основе «Прогрессивных этюдов» начинающие исполнители «отрабатывали» все важнейшие исполнительские приемы и наиболее употребляемые фактуры в произведениях для инструмента, составители сборника пишут во вступительной статье: «В самоучитель, в частности, вошли гаммы и прелюдии к ним, сочиненные В. Гудковым»¹⁸².

Тойво Потапович сделал очень много переложений произведений для кантеле в учебных целях, а так же для концертной практики. Поэтому репертуар кантелистов в 1940–1980-е был достаточно большой. Тем не менее, в этом репертуаре преобладали музыкальные миниатюры. Произведения крупной формы, а так же произведения полифонические Тойво Потапович, по отзывам людей его знавших, играл «с листа» для «души». Эти переложения произведений он не стремился записать, т. к. не многие из его учеников могли технически соответствовать своему учителю-виртуозу.

Я неоднократно задавалась вопросом ещё по одной из проблем педагогики на кантеле: рассматривались ли Т. П. Вайноненом проблемы композиторского стиля? Тойво Потапович был человеком немногословным, поэтому часто просто уходил из разъяснений и рассуждений. Он, как и многие педагоги старой российской исполнительской школы, просто показывал ученику к чему тому надо

---

¹⁸² Кантеле. Самоучитель игры. С. 7.

стремиться, как правильно должно звучать избранное для исполнения произведение. Такой прием позволял максимально активизировать музыкальный слух ученика, научал его интеллектуальной мобилизации, вырабатывал навыки координации слуха и технических возможностей исполнительского аппарата, а так же создавал основу для музыкальной импровизации. Именно эти навыки в 1990-2000-е годы выделили учеников Т. П. Вайнонена в совершенно новых музыкальных условиях постфольклоризма, ставших требованием и времени, и моды. Не случайно, творческий подход к исполнительству подтолкнул Валентину Матвееву к созданию своих собственных сочинений для кантеле, к поиску новых путей преодоления технических сложностей Елену Жейкову и других.

Педагогика была призванием Тойво Потаповича Вайнонена. Его болезнь оказалась долгой, мучительной. Из-за плохого здоровья он редко выходил из дома, много лежал в больнице, его постоянно мучили головные боли. Тойво Потапович вынужден был сокращать свою нагрузку. Число его учеников уменьшилось, но он все-таки продолжал встречаться с ними уже у себя дома, давать им дельные советы. Он активно консультировал заведующего кафедрой народных инструментов Петрозаводского филиала Ленинградской консерватории С. В. Борисова, вместе с которым вёл класс кантеле в консерватории. 18 апреля 1985 года Тойво Потапович Вайнонен умер. Однако «Школа Вайнонена» продолжает сегодня жить в педагогической и исполнительской деятельности его духовных наследников. Их вклад в дело сохранения исполнительства на хроматическом кантеле в Карелии в бурные 1990-е и непростые 2000-е годы ещё не осознан общественностью республики. Но именно ученики Т. П. Вайнонена стояли у истоков создания в Карелии «Союза кантелистов»¹⁸³, издания новых методических пособий для начинающих и продолжающих обучение и исполнительство на инструменте, сохраняют и развивают и сам инструмент, и исполнительство на нём.

---

¹⁸³ Образован группой энтузиастов на общественных началах 1 июня 1990 года. Председателем Союза все прошедшие годы является заслуженный артист Карелии С. Я. Стангрит. При Государственном национальном ансамбле песни и танца Карелии «Кантеле» много лет работает молодёжная школа-студия. Ведущим педагогом класса кантеле является Н. П. Акулишнина, ученица Т. П. Вайнонена.

РОССИЙСКИЕ ФИННЫ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ИВАНА И БОРИСА СОЛОНЕВИЧЕЙ

Иван Лукьянович Солоневич (1891–1953) известен прежде всего своим фундаментальным историко-философским трудом «Народная монархия». Большой успех имела вышедшая в эмиграции книга Солоневича «Россия в концлагере», выдержавшая несколько изданий.

Каждый, кто хотя бы полистает страницы главного труда И. Солоневича «Народная монархия», не может не восхититься его зажигающей энергией, оптимизмом, оригинальной и убедительной трактовкой судьбы России. 28 июля 1934 года журналист Иван Солоневич вместе с сыном Юрием совершил побег из Медвежьегорска, а Борис бежал из Лодейного поля 27 июля и 8 августа перешёл границу.

Через полтора года Солоневичи покинули Финляндию и переехали в Софию, где Ивану Лукьяновичу удалось организовать издание газеты «Голос России», быстро ставшей популярной, и возглавить движение штабс-капитанов ». В 1938 году в редакции газеты «Голос России», раздался взрыв. Погибли жена Ивана Солоневича Тамара Владимировна и секретарь редакции студент Николай Михайлов. После этой трагедии Солоневич был вынужден переехать в Германию, предоставившую в 1938 году приют Солоневичам.

Финская тюрьма, где беглецы отбывали карантин оказалась для Ивана Солоневича хорошим кабинетом. Находясь в изоляторе, он начал писать очерки о финских эмигрантах в СССР, о Карелии, о системе исправительных лагерей Беломоро-Балтийского комбината. Как полагал Солоневич, его побег был организован именно для того, чтобы рассказать миру правду. Очерки Ивана Солоневича, «Карелия уходит», «Финские эмигранты в СССР», «На путях к социалистическому раю», хранящиеся в Национальном архиве Финляндии, представляют несомненный интерес не только фактами, насыщенной информацией, но, прежде всего тем, что автор был непосредственным участником событий о которых писал, писал сразу же, без какой-либо временной дистанции. Статьи Соло-

невича художественны и публицистичны одновременно. Они достоверны, в них точно изображаются события, перечисляются факты и даты, Но отбор фактов, эмоциональный накал, литературные приемы, метафоры, тропы, образные эпитеты позволяют говорить о принадлежности очерков и статей писателя также и к художественному повествованию. Документы, факты, идейные сопоставления даются так, что возникает реальная, конкретно-чувственная, картина, которую, говоря словами теоретиков литературы, «читатель может себе представить «мысленным взором», картина, «вызывающая у читателя чувства, эмоциональные симпатии, антипатии, гнев, радость, смех»¹⁸⁴.

Финских иммигрантов, не раз встречавшихся И. Солоневичу, он называет «наивными людьми, стремящимися попасть в "социалистический рай", в обетованную землю трудящихся <...>, переходившими карело-финскую границу в расчёте на братский прием со стороны советских властей». В очерке «Финские эмигранты в Советской России» Солоневич пишет о финнах с чувством некоторой вины: «...первое, что встречает нелегальных эмигрантов в СССР – это – тюрьма. В тюрьмах Ленинграда, всегда переполненных, грязных и голодных, долгими месяцами, а часто и годами сидят тысячи финских эмигрантов. Относительно всех их ГПУ наводит справки через свою агентуру в Финляндии»¹⁸⁵. В статье «На путях к социалистическому раю» он вспоминает встречи с финнами в доме предварительного заключения на ул. Шпалерной, в «Шпалерке» – первой следственной тюрьме в России. «Стены моей одиночки на Шпалерной¹⁸⁶ были исчерчены финскими фамилиями. В общей камере тюрьмы провёл не один месяц своего заключения, из 54 заключенных было 12 финнов – страшно оборванных и голодных. ... Один из 12-ти, по фамилии, кажется, Лейконен¹⁸⁷ или Лейгонен, перебрался в Россию года два тому назад, попал в Вишер-

---

¹⁸⁴ Алексеев В. А. Очерк. Л., 1973. С. 55

¹⁸⁵ Солоневич И. Л. Финские эмигранты в Советской России. Suomen kansallisarkisto (Helsinki), д. 118 (Solonevitsh asiapaperit).

¹⁸⁶ Шпалерная – дом предварительного заключения ДПЗ, Шпалерная тюрьма, «Шпалерка» – первая в России следственная тюрьма. Находилась в Петербурге, на Шпалерной улице, 25

¹⁸⁷ Лейконен – сведения не обнаружены

ский концлагерь...»¹⁸⁸. По свидетельству Солоневича, таких нелегальных иммигрантов, как правило, отправляли за Урал, «преимущественно на лесные разработки в Западной Сибири или в шахты Караганды. ... для того, чтобы исключить возможность обратного бегства в Финляндию, где они стали бы рассказывать о том, что делается в “социалистическом раю”»¹⁸⁹, поэтому в Карельском концлагере ББК он их не встречал. В очерке «Финские эмигранты в Советской России» Иван Солоневич приводит конкретные цифры условий жизни нелегальных эмигрантов, сосланных за Урал, подальше от финской границы. «По карточкам они получали 800 граммов хлеба в день, 800 г сахара в месяц и пустые капустные щи на обед. Без карточек можно было покупать другие продукты, но цены – при зарплате в 100–120 рублей в месяц – были настолько высоки, что призрак голода неотступно висел над головами этих «строителей социализма»¹⁹⁰.

Одна из встреч Ивана Солоневича с финскими нелегальными иммигрантами произошла в деревне Койкары в Медвежьегорском районе в 1932 году когда он ездил в Карелию на разведку возможностей будущего побега. Эту встречу он описал подробно сначала в очерке, а затем в книге «Россия в концлагере»: «Одну из таких групп финских эмигрантов я встретил в деревне Койкары, на реке Суне, километрах в 150 от Петрозаводска, поздней осенью 1932 г. Их было человек 30, и большинство из них просидело уже по несколько месяцев в тюрьмах пограничной охраны – может быть самых страшных тюрьмах СССР. Они были оборваны и голодны, в их глазах была горечь перед теми разочарованиями, которые были уже пережиты, и ужас перед теми, которые еще предстояло пережить. У них уже не было выбора. Они уже попали в зубцы страшной машины ГПУ и превратились в безразличные единицы тех миллионов, которые работают, голодают, гибнут в зависимости от потребностей социалистического строительства и на костях которых строится фундамент ожидаемого коммунистами социалистического рая, еще более далекого, чем 20 лет тому назад. Они за-

---

¹⁸⁸ Солоневич И. Л. На путях к социалистическому раю. Suomen kansallisarkisto, д. 118.

¹⁸⁹ Там же.

¹⁹⁰ Солоневич И. Л. Финские эмигранты в Советской России.

дали мне ряд наивных вопросов: скоро ли их выпустят и поставят на работу, оденут ли их, где можно достать колбасы, масла, сыру? ...Стоя на площадке грузовика (сесть было некуда), окруженные вооруженными чекистами, они уехали в Петрозаводскую тюрьму, навстречу социалистическому раю.

Есть очень небольшая группа эмигрантов–финнов, завербованных в свое время в качестве инструкторов по лесному делу. Они ликвидировали все свои дела, привезли с собой валюту, которая на границе была отобрана по паритету – два рубля за доллар (фактическая стоимость доллара – 100 рублей) – и постепенно они попадают в то же положение, как и остальные советские рабочие – русские и иностранные – в положение нищеты, голода и бесправия...»¹⁹¹.

Солоневич предостерегает финнов, что цена за поддержку мировой революции будет очень высока: «Если эта цена Вам подходит, если вы хотите принести себя в жертву отдалённым возможностям мировой революции, тогда и только тогда вам есть смысл ехать в СССР»¹⁹².

Этот очерк, написанный в финской тюрьме, никаким образом нельзя назвать доносом или выполнением заказа финских властей. Факты, в нем изложенные, попали и в книгу «Россия в концлагере». Солоневич явно симпатизирует финским революционно настроенным рабочим, отделяет их от всяческой «коминтерновской шпаны» и жалеет: «Можно симпатизировать и можно не симпатизировать политическим убеждениям, толкнувшим этих людей сюда. Но не жалеть этих людей нельзя. Это не та коминтерновская шпана, которая едет сюда по всяческим, иногда даже не очень легальным визам советской власти, которая отдыхает в Крыму, на Минеральных водах, которая объедает русский народ Инснабами, субсидиями и просто подачками. Они, эти идеалисты бежали от «буржуазных акул» к своим социалистическим братьям»¹⁹³.

Встреча с финскими эмигрантами, упомянутая в очерке, в книге описана художественно ярко, с подробностями, подчеркивающими трагическую судьбу новых мечтателей: «Это было в деревне Кой-

---

¹⁹¹ Там же.

¹⁹² Там же.

¹⁹³ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. 5-е изд. Вашингтон, 1958. С. 34.

кары¹⁹⁴, куда я пробрался для разведки насчет бегства из социалистического рая, а они бежали в этот рай. Они были очень голодны, но еще больше придавлены и растеряны. Они видели ещё очень немного, но и того, что они видели, было достаточно для самых мрачных предчувствий насчёт будущего. Никто из них не знал русского языка, и никто из конвоиров не знал ни одного иностранного. Поэтому мне удалось на несколько минут втиснуться в их среду в качестве переводчика. Один из них говорил по-немецки. Я переводил под пронизательными взглядами полудюжины чекистов, буквально смотревших мне в рот <...> Из-за изб на нас выглядывали перепуганные карельские крестьяне, которые шарахались от грузовика и от финнов, как от чумы: перекинешься двумя-тремя словами, а потом Бог знает, что могут пришить. Финны знали, что местное население понимает по-фински, и мой собеседник спросил, почему к ним никого из местных жителей не пускают. Я перевёл вопрос начальнику конвоя и получил ответ: «Это не ихнее дело».

Финн спросил, нельзя ли достать хлеба или сала. Наивность этого вопроса вызвала хохот у конвоиров. Финн спросил, куда их везут. Начальник конвоя ответил: «Сам увидит» и предупредил меня: «Только вы лишнего ничего не переводите». Финн растерялся и не знал, что и спрашивать больше. Арестованных стали сажать в грузовик. Мой собеседник бросил мне последний вопрос: «Неужели, буржуазные газеты говорят правду?». И я ему ответил словами начальника конвоя: увидите сами. И он понял, что увидеть ему предстоит еще очень много.

...Впоследствии я узнал, что всех отправили подальше: за Урал, в Караганду, в Кузбасс, подальше от соблазна нового бегства – бегства–возвращения на свою старую и несоциалистическую родину»¹⁹⁵.

Судьба нелегальной финской эмиграции была тяжела. Однако не легче оказалась судьба и легальной иммиграции. В очерке «На путях к социалистическому раю» И. Солоневич рассказывает о вербовке в годы первой пятилетки иностранных рабочих и спе-

---

¹⁹⁴ Так в тексте. Должно быть «Койкары».

¹⁹⁵ Солоневич И. Л. Россия в концлагере. С. 34.

циалистов. В странах Европы и в Америке была развёрнута шумная агитация, организованы вербовочные бюро.

Из Канады стали пребывать финны – лесорубы. «Они испытали всё то, что и остальные рабочие – иностранцы – торжественную встречу с «Интернационалом», знаменами и речами, привилегированное положение – и постепенное спускание до уровня жизни русского рабочего...»¹⁹⁶.

В 1932 году Ивана Солоневича вызвали в качестве переводчика в союз лесных рабочих. Там сидел пожилой финн. «Он умолял, чтоб его и его семью выпустили “хоть куда-нибудь”. Да, он потерял все – свои сбережения, свою работу, свое здоровье, больше того – он потерял свою веру. <...> У него было много наивности, он говорил вещи, которые нельзя было говорить – не стали бы же коммунисты выпускать такого агитатора против “социалистического рая”».

Для Карелии, отмечает автор, характерна близость финской границы, отчего приграничные местности периодически подвергались «чисткам»¹⁹⁷.

Борис Солоневич, находясь в «карантине» в приходе Тулема, тоже взялся за перо, готовя статьи на самые разнообразные темы, среди них :«Участие финнов в оборонной работе СССР», «Иванов-Патрика», «БАМ».

В своих очерках Борис Солоневич рассказывает о финских агентах царской разведки, о Соловках, где пришлось Борису Лукьяновичу сидеть в конце 1920-х годов.

Интересны сведения об Иванове–Патрика, финне по происхождению. В первую мировую он состоял на службе в разведотделении Главного Морского штаба по наблюдению за прибалтийскими и скандинавскими странами. В 1925 году, перебравшись в Россию, он получил три года Соловков, поскольку отказался сотрудничать с органами. На Соловках Иванов-Патрика стал работником на спортивной станции. Это был, по словам Бориса Солоневича, «первоклассный, неутомимый и умный работник»¹⁹⁸, владевший несколькими языками. Для чекистов это был человек «ценный, но

---

¹⁹⁶ Солоневич И. Л. На путях к социалистическому раю.

¹⁹⁷ Солоневич И. Л. Карелия уходит. Suomen kansallisarkisto, д. 118.

¹⁹⁸ Солоневич Б. Л. Иванов-Патрика. Suomen kansallisarkisto, д. 118.

в равной степени опасный, как профессиональный шпион». И на Соловках его неоднократно пытались склонить на свою сторону. Удалось ли это сделать – Борис Солоневич не знал. На Соловках бытовало мнение, что знающему карельскую местность, легко уйти в Финляндию. Видимо, освободившись, Иванов-Патрика так и сделал. В очерке «Участие финнов в оборонной работе СССР» речь идет о 1920-х годах, когда Борис Иванович работал спортивным организатором и встречался в. в Москве с финнами-курсантами интернациональной Военной Школы. Эта школа существовала в Ленинграде, и на 75% учащиеся были финны. По мнению Бориса Солоневича, курсанты, а их было около 1500 чел. , «принимали активное (и, кажется, даже решающее) участие в боях в Карелии в 1921 году против «белофиннов» и в усмирении «кронштадтского мятежа» и особенно прославились своими лыжными отрядами и их походами»¹⁹⁹.

Борис упоминает 40-летнего инструктора спорта Кувонена, борца-тяжеловеса Кумпу, борца-легковеса Коко, борца-полутяжеловеса Тойвонена, участвовавших в соревнованиях на первенство Красной Армии Рясанен[а] (борца легчайшего веса) и Миналайнен[а]. Но как пишет Борис Иванович, «О существовании специально финских частей в РККА в последующие годы я не слышал. <...> национальных частей теперь нет ни в Кр. Армии, ни в войсках ОГПУ, так что я сомневаюсь в правдоподобности сведений о том, что в Карелии имеются воинские части, составленные из финнов»²⁰⁰.

Иван Солоневич неоднократно вспоминал, что он ощущал себя разведчиком, который провел многие годы в стане врага и теперь должен был дать отчет обо всем увиденном. Однако в эмиграции отчет Солоневичей оказался, по его словам, никому не интересен. «Не было ни спроса, ни допроса. Мы грузили бочки в гельсингфорсском порту, по вечерам писали свои мемуары и несколько растерянно удивлялись: неужели так-таки никто ни о чём не спросит?»²⁰¹ Более того, все, написанное беглецами, очень трудно было

---

¹⁹⁹ Солоневич Б. Л. Участие финнов в оборонной работе СССР. Suomen kansallisarkisto, д. 118.

²⁰⁰ Там же.

²⁰¹ Солоневич И. Л. Происхождение и цель голоса России // Вся власть – русским мозгам! Сб. ст. СПб., 2003. С. 3.

опубликовать в местной прессе. Редакторы отказывались, говоря, что в их газетах нет места.

Трудно было выступать даже с лекциями, получить разрешение, арендовать аудиторию, собрать публику. А когда разрешение, наконец, было получено, то на лекции Солоневичей стали приходить не политики, редакторы газет и журналисты, а земледельцы, занимавшиеся сельским хозяйством «где-то под Гельсингфорсом», матросы, студенты. Только им, по словам Солоневича, было интересно всё, что происходит с нынешней Россией.

По совету Татьяны Чернавиной, бежавшей чуть раньше из Кандалякши, Иван Солоневич стал публиковаться в прессе Финляндии на шведском и финском языках.

Произведения Солоневичей были очерками разных типов: с политико-исторической проблематикой, с нравственной оценкой текущих общественных процессов. Лексика очерков весьма экспрессивна, и, как правило, поддерживает главную публицистическую оппозицию авторов «мы—они», «наши – не наши». Финны, встречавшиеся им, это непосредственно «наши», в то время как власть для авторов очерков является враждебной и чужой.

Е. И. Маркова

РОЛЬ ТРУДОВ Э. Л. АЛТО В ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИИ КАРЕЛИИ

Элли Львовна Алто родилась 12 марта 1936 года в Ленинграде в интеллигентной семье, имеющей глубокие корни в ингерманландской почве и в соседней Финляндии. Её тётя по матери Унелма Семёновна Конкка, известный фольклорист и поэт, пишущий на финском языке под псевдонимом Катри Корвела, проработала в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала АН СССР (ныне – Карельского научного центра РАН) 20 лет, где сейчас работает ее сын – этнолог Алексей Конкка. Второй её сын Арви носит фамилию отца, известного писателя Пекки Пертту. Как и отец, он посвятил себя литературе. Двоюродная сестра Элли Львовны Анита Конкка – известный в Финляндии прозаик и философ. В области прозы заявил о себе и родной брат исследователь-

ницы Эдуард Алто. В 1930-е годы читателям Карелии и Ингерманландии было известно имя ее дяди прозаика и критика Вяйне Алто.

Казалось, сам Бог велел Элли Алто посвятить себя науке и литературе, на деле она пришла в сектор литературы в 38 лет, когда о серьёзной карьере уже не мечтают: наука требует молодого напора. А тут скромная женщина с еле слышным голосом, к тому же не финно-угровед: в 1960 году она закончила отделение русского языка и литературы Петрозаводского университета, десять лет (1964–1974) проработала в должности лаборанта сначала кафедры русского языка, затем – финского языка и литературы. Оформляла чужие работы, а свои творческие амбиции удовлетворяла в дневниковых записях, изредка предлагая их почитать самым близким подругам.

И все же Алто рискнула... И у неё получилось: на сегодняшний день она внесла самый существенный вклад в изучение финноязычной литературы Карелии.

В 1983 году, почти через 10 лет работы в академическом Институте, она защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Проблемы развития финноязычной поэзии Карелии в связях с фольклором» и стала одним из трех специалистов в своей области. Опередивший её на 7 лет, Э. С. Киуру посвятил себя исследованиям по фольклору, защитившаяся одновременно с ней Т. И. Старшева преподает в Петрозаводском университете. Более никто по финноязычной литературе Карелии не защищался, хотя писать диссертации пытались. Казалось, и литература небольшая, и многим читателям и исследователям она не представляется сложной, однако любой род деятельности ждёт именно своего мастера. Этим мастером и была Элли Львовна Алто.

В советскую эпоху в списке работ соискателя обычно значились два–три наименования статей и тезисов. Элли Львовна апробировала свою диссертацию в 3-х книгах: «Поэзия Тайсто Сумманена» (1978), «Созвучно велениям века (Соотношение эпического и лирического начал в поэзии Я. В. Ругоева)» (1981), «Творчество Николая Лайне» (1983). Творчество этих трёх писателей и стало предметом ее диссертационного исследования. Чтобы войти в работу, Алто надо было начать с азав: всерьёз заняться финским

литературным языком, литературой своей республики и соседней Финляндии, овладеть методикой литературоведческого и фольклористического анализа.

Её персонажей: сына красного финна Сумманена, карелов Ругоева и Лайне объединяет финский язык. Не этническая принадлежность, а язык как первоэлемент текста был для исследовательницы определяющим фактором. То, что карелы творили на чужом языке, не казалось парадоксальным, ведь финляндские финны в период становления своей литературы также использовали чужой язык – шведский. Не ставя национальность во главу угла, Алто тем не менее показала, что наиболее ярко и разносторонне фольклорная традиция была трансформирована в творчестве Я. Ругоева, с молоком матери впитавшим эпические мелодии калевальских карелов.

Едва остыв от защиты, Э. Л. Алто представила на суд коллег рукопись монографии «Советские финноязычные журналы 1920–1980» (книга вышла в свет только в 1989 году). В названии исследования не стоит имя республики. Это обусловлено тем, что карельские читатели приобщились к финноязычным изданиям через журналы «Soihtu» и «Rintama», издававшиеся в 1920–1930-е годы в Ленинграде, где обосновались литераторы финляндской эмиграции. Последние составили редакционное ядро этих изданий и привлекли к работе финнов–ингерманландцев и карелов, позднее – финнов, выходцев из Канады и США. Таким образом, на Северо-Западе России было сформировано единое культурное пространство прибалтийско-финских народов.

Чтобы решить поставленную задачу: показать, как литературные журналы способствовали зарождению и становлению национальной литературы, литературоведу Алто необходимо было освоить методику журналистского исследования. Как ни сложно начинать новый междисциплинарный проект, еще сложнее было определиться с предметом самого исследования: полного комплекта ни одного из журналов и альманахов ни в Карелии, ни в Москве, ни в Ленинграде не было. Пришлось собирать материал по крупицам, учитывая проделанную предшественниками работу, аккумулированную в библиографических указателях «Летописей литературной жизни Карелии» и в главах по литературе 1920–1930-х годов

«Очерка истории советской литературы Карелии» (Исполнители: М. Ф. Пахомова, Т. К. Сумманен, Э. Г. Карху). Еще сложнее было с авторским составом. В Именном указателе есть фамилии без инициалов: Истрати, Йонас, Пелтола, Пуовила и др. Кто эти люди? Погибли в ГУЛАГе, пали смертью храбрых на войне, умерли в ленинградскую блокаду? Далеко не о всех, чьи инициалы указаны, исследовательница имела представление. Но важно назвать имя – заявить, что этот человек жил и писал... Чтобы помнили... Ибо наряду с сугубо филологической ответственностью Элли Львовна осознавала свою гражданскую миссию: сохранить память об ушедших.

Не входя в подробную характеристику этого основательного исследования, скажу, что мне приходилось опираться на него в процессе преподавания истории литературы Карелии на 3 факультетах Карельского педагогического университета (филологическом, педагогическом, дошкольного образования) и в Республиканской Школьной академии. Приносила на лекции старые журналы, рассказывала о них, опираясь на интерпретацию Э. Л. Алто и цитируя интересные для молодого читателя строки из ее монографии.

Например, об изменении государственной политики и соответственно социального заказа литераторам свидетельствует даже оформление обложки, на что указывает исследовательница. На обложке первого номера журнала «*Soihtu*» (конец 1927 года) «была изображена исполненная порыва и экспрессии фигура факельщика в лодке. Отблеск огня факела в высоко и решительно поднятой руке, заслонённой сверху крупными буквами названия журнала, отражается далеко в воде. В четвертом выпуске за 1929 год ... фигура факельщика осталась прежней, но фон стал другим – факел полыхает теперь над строящимся городским пейзажем. С 1930 года обложка меняется полностью. На ней теперь кроме названия и подзаголовка только небольшой рисунок или фотография на тему дня»²⁰².

Говоря о том, как читатели–карелы отреагировали на первый изданный в Карелии журнал «*Puna–Kantele*», Алто цитирует воспоминания И. Петрова, поведавшего, как жители его родного села

---

²⁰² Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск: «Карелия», 1989. С. 20.

читали и перечитывали рассказ молодого писателя–карела Н. Яккола «Как я впервые приехал в Питер».

«Живой обмен мнениями, даже споры вызвал уже тот факт, что карел способен написать текст, напечатанный в книге..., и что книги можно печатать в Карелии. При перечитывании «Puna–Kantele» происходил, например, такой разговор:

– Это неправда, – говорит кто-то.

– Книги – создания божи и святых, а не крещёного народа, – добавляет другой.

– Так, – присоединяется кто-нибудь из присутствующих. – Я сам видел, как Лари из Лувуярви читал староверам божьи книги, – они, видишь, совсем другие – толстые, в твёрдых переплетах, да и буквы в них особые, похожие на пауков закорючки.

– Так, так, – соглашаются с ним. – Да и не слышали мы никогда, чтобы карел мог книги делать или хоть только писать их. Откуда бы такой теперь взялся?»²⁰³

На эти примеры остро реагировали студенты: на миг история литературы становится для них живым чтением.

Наряду с работой над книгами и диссертацией, Э. Л. Алто публиковала статьи и тезисы в научных сборниках и в литературно–художественных журналах, выступала на конференциях и международных конгрессах финно-угроведов. В 1986 году она вступила в Союз советских писателей.

В 1987 году Алто приступила к работе над своей главной книгой «Финноязычная литература Карелии» – вторым томом «Истории литературы Карелии» в 3-х томах. Когда планировался этот фундаментальный проект, никто не предполагал, что литературный процесс, начиная с первой четверти XVIII века и завершая 1991 годом, проанализирует один исследователь. Но потенциальные авторы по разным причинам не приняли участия в работе, за исключением одного исполнителя, от труда которого пришлось отказаться, поскольку его глава концептуально и стилистически не вписывалась в книгу.

Безусловно, у Э. Л. Алто были предшественники, так как сектор литературы ИЯЛИ КФ АН СССР (КарНЦ РАН) отличается от всех

---

²⁰³ Там же. С. 44.

секторов и кафедр России, работающих в области финно-угроведения, тем, что он подготовил максимальное число обобщающих трудов: 1954 год – «Очерки литературы Карело-Финской ССР» (исполнители: Л. А. Виролайнен, К. В. Чистов, научный редактор – В. Г. Базанов); 1969 год – «Очерки истории советской литературы Карелии» (ответственные редакторы – Э. Г. Карху, Н. С. Надъярных); 1994, 1997, 2000 годы – соответственно три тома «Истории литературы Карелии» (основные исполнители: Э. Г. Карху, Э. Л. Алто, Ю. И. Дюжев, Е. И. Маркова); 1979 год – «История литературы Финляндии: От истоков до конца века» (исполнители: Э. Г. Карху, А. И. Мишин); 1990 год – «История литературы Финляндии XX века» (Исполнитель: Э. Г. Карху). Соответственно в активе сектора три версии истории литературы Карелии, созданной на 4-х языках: финском, карельском, вепсском и русском и 2 версии истории литературы Финляндии, созданной на финском и шведском языках²⁰⁴.

В отличие от обобщающих трудов 1954 и 1969 годов Элли Львовна начала не с советского периода, а с XVIII века, предварив анализ литературного процесса вступлением о традициях, идущих от народно-поэтической словесности Карелии, перекинув таким образом мостик от первого тома «Карельский и ингерманландский фольклор в историческом освещении» ко второму, где Карелия и Ингерманландия также представлены как единое культурное пространство – пространство финского литературного языка.

Учитывая, что на финском языке писали три различных группы писателей, Алто выделяет каждую из них и указывает традиции, на которые они опирались. Для финнов-эмигрантов, работавших в области пролетарской поэзии и прозе о революции и гражданской войне, прежде всего были значимы творческие поиски писателей Финляндии, Западной Европы и США. Финны-ингерманландцы шли от народной культуры и близких им по духу русских писателей (так,

---

²⁰⁴ В XXI веке вышла в свет еще одна история литературы: Ю. И. Дюжев. История русской поэзии и драматургии Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002; *Он же*. История русской прозы Европейского Севера первой половины XX века. Петрозаводск, ПетрГУ, 2002; *Он же*. История русской прозы Европейского Севера второй половины XX века в двух томах. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2008.

Леа Хело по-своему трансформировал в лирике пушкинские мотивы), писатели-карелы учитывали богатейший фольклорный опыт своего народа и испытывали влияние советской литературы.

Что касается пишущих на карельском языке, то им уделено самое скромное место в книге Алто. Когда работа задумывалась, никто не предполагал, что на волне национального Ренессанса появится литература на карельском и вепском языках, поэтому исполнителей не искали. Позднее И. А. Спиридонова и Н. Г. Зайцева достойно представили вепскую литературу, о литературе на карельском языке никто не смог написать²⁰⁵.

Э. Л. Алто писала в эпоху перестройки, когда рушились старые представления, чуть ли не ежедневно рождались подходы к интерпретации того или иного явления. С одной стороны, это раскрепощало исследователя: позволяло ему ввести в научный оборот книги ранее запрещенных писателей, рассказать о трагической судьбе российских финнов, по-новому осветить тенденции развития литературы 1917–1940-х годов, с другой стороны, трудно было выдержать необходимую в академическом литературоведении историческую дистанцию и научную объективность, поэтому ее работа существует в двух версиях: страстная реакция на литературный процесс с позиции человека конца 1980-х годов (архивный вариант) и сдержанный анализ того же процесса с позиции человека начала 1990-х годов (опубликованный вариант). Правда, в одном Э. Л. Алто осталась непреклонна: она не уделила того внимания творчеству У. Викстрема, А. Тимонена и О. Степанова, которое им, как правило, уделяют, находя, что соцказак в отличие от писателей 1920–1930-х годов был для них не «интимной лирикой», а способом решения личных проблем.

Приступая к работе над «Историей...», она попутно издала книгу «Ялмари Виртанен: Жизнь и творчество» (1988). Завершив главный свой труд, совместно с Ю. И. Дюжевым и И. А. Спиридоновой работала над «Справочно-аналитическими материалами по литературе Карелии».

---

²⁰⁵ В 3-й том «Истории литературы Карелии, посвященный русской литературе, вошли главы: «Опыт билингвизма в творчестве карельских писателей», «Вепская литература», а также обобщающее «Послесловие», суммирующее литературные опыты финнов, карелов и вепсов.

Редактировать «Историю...» приезжала из Финляндии, где уже жил ее сын Марк с женой и с двумя дочерьми, но уехала она не к нему, а к любимому человеку, впервые заключив брак в 57 лет. Поздний брак с наукой. Позднее супружество. Оба раза по любви и к счастью. В 2000 году Элли Львовна приезжала в Петрозаводск на официальную церемонию присвоения ей (и трем другим исполнителям) звания «Лауреат Республики Карелия в области культуры, искусства и литературы» за «Историю литературы Карелии» в 3-х томах.

Э. Л. Алто по-прежнему живёт в Финляндии. Она больна, перенесённый инсульт почти лишил ее памяти, но коллеги по Институту ЯЛИ и Союзу писателей помнят её, как и других исследователей-финнов: ее учителя – учёного с мировым именем Э. Г. Карху, Л. А. Виролайнен, А. Г. Хурмеваара, Т. К. Сумманена, Э. С. Киуру, Х. П. Кабанову, Э. П. Кемпинен, заложивших основы в области изучения литературы Карелии и Финляндии. Не забыли и написавших одну–две работы Т. Кирьянена, Р. Е. Котты, О. Л. Юфа, В. Б. Абрамову, Р. Р. Койвисто, продолжают сотрудничество с А. И. Мишиным, работающим сейчас в журнале «Carelia». Думается, что все наработки наших коллег будут учтены при создании истории литературы финно-угорских народов, для которой пришло время.

Сегодня в секторе литературы финны не работают, но финноязычная литература является предметом исследования в новом обобщающем труде «История детской литературы Карелии» (исполнители: Е. И. Маркова, Н. В. Чикина) и в очерках по современной поэзии Финляндии (исполнитель: Е. Г. Сойни).

А. И. Мишин

ИНГЕРМАНЛАНДИЯ В ПОЭЗИИ

В 2000 году в Карелии вышла антология ингерманландской поэзии «Если бы я крылья имел... Стихи ингерманландских поэтов об утраченной родине». В предисловии к ней были процитированы слова педагога–просветителя и редактора газеты «Инкери» Капре Тюнни: «Сила маленьких народов в просвещении. В этом сила

народа Ингерманландии». Думаю, что и сегодня слова эти злободневны. Именно просвещение создает народ, укрепляет его самосознание.

В 1809 году Финляндия вошла в состав Российской империи, Ингерманландия при этом выпала из-под ее влияния. Но ингерманландские финны все-таки ощущали себя частью финского народа. Агрикола, Портан, Готтлунд, Лённрот, Оксанен оставались для них дорогими именами.

Своя литература у ингерманландцев начиналась чуть-чуть позднее. И как любая литература опиралась на устное народное творчество. Фольклорист Даниэль Эвропеус, ученик Э. Лённрота, собрал в Ингерманландии варианты песен о Куллерво, Унтамо и Калерво. Материал этих песен дал толчок Э. Лённроту для создания образа Куллерво в «Калевале». Кстати, надо напомнить, что в 34-томном издании «Древних песен финского народа» девять томов отданы ингерманландским рунопевцам.

Облик страны Ингерманландии находит яркое воплощение уже в народной поэзии. Вспомните ижорскую сказительницу Ларин Параске:

Meiäll on hyvä ellää,
kaunis olla kartanolla:
meri meillem näkky,
meri on meidän ikkunaan,
tuos soppi sorsan uia,
meren utkan uiksennella,
kaalella meren kajavan,
meren linnan liiritellä.

Сила выражения её любви к родине могут позавидовать поэты–профессионалы. Можно было бы процитировать всю песню «Для других края – чужие, для себя хвалю – родные». Возьму лишь одну строфу:

Parempi on omilla mailla
lemettinen leipä syvä
kuin on maalla vierahalla
syvä saikka on salissa,
punakuorta kornitsassa.

К числу первых поэтов Ингерманландии относится Яакко Ряйккёнен. Его хорошо знали и в Финляндии. Об этом свидетельствует тот факт, что его стихотворение «Mietteiläni» современный поэт и издатель Ханну Мякеля взял в сборник «Самые красивые стихи традиционной поэзии» (1979). Ряйккёнен был певцом финского языка. Он радовался тому, что язык наконец обрёл государственный статус, что «издаются учебники для школ, что пишутся пьесы, что организуются разные семинарии и гимназии». Само слово «Инкери» зазвучало в стихотворной форме столь обильно именно у него рядом со словами Финляндия, Эстония (Виро), Венгрия.

Тема родины Инкери все явственнее слышится в стихах поэтов, которые печатались в газетах под псевдонимами Лайта, Луап, Эмми Л., Кюльвяя (раскрыть псевдонимы не удалось).

Jos linnulta siivet saisin,
heti lentohon lähtisin,
mä kotkana niin kohoaisin
ja nousisin pilvihin.

Ja nuolena sieltä sitten
niin liitäisin, liitäisin vaan
mä ilmojen kautt' ihaniitten,
kunnes löytäisin taas kotimaan.

(Laita, 1874, Pietarin lehti)

Мотив этих стихов Лайты через многие десятилетия зазвучал еще сильнее и пронзительнее в стихах поэтов-ингерманландцев послевоенных лет, детей тех, кто лишился своих родителей в 1930–1940 годы, кто осознал себя частью гонимого народа. Но было время, когда народ надеялся на лучшую жизнь (конец XIX века), когда в царской России имелись какие-то признаки государственной поддержки финского населения С.-Петербургской губернии. В эти годы Моосес Путро создаёт гимн ингерманландцев ”Nouse Inkeri” (1888). Вторую строфу гимну дописал позднее Пааво Ряйккёнен.

Начало XX века диктовало поэтам-ингерманландцам поэзию социального плана: писали о тяжелом положении и ингерманланд-

ских деревень (Антти Венна), страданиях народа (Давид Вянскя). Звучат призывы к революции, свободе (Матти Куриikka, Эту Мерияйнен). И что интересно, эти стихи печатают. Представьте такого плана стихи в советские годы:

Miksi vääryys vallitsee,
miks on mielivalta,
miksi suuret sortelee
pienet kaikkialla?

Строки принадлежат Юхане Стрёму. Они напечатаны в газете «Нева» в 1913 году, а в 1918 году он уже по сути приветствовал революцию.

Se aika koitti. Päivä valkeni.
Ja kevätvettä vihdoin virtas joivat.
Vuossatain kahle päältä katkesi,
kas, kevätuulet hoivaa huminoivat.
Jäi taakse talvi, karu, kolkko yö,
ja etehesi aukes' uusi työ.

В поэзии Ингерманландии начинается неоромантический период. Правда, прежние имена исчезают.

Судьба одного из поэтов Аапо Весикко показательна. В 1918 году этот талантливейший поэт написал «Ингерманландскую быль» от лица Куоман Каймы. Он описал в диалектной форме гражданскую войну в Ингерманландии и показал моменты прихода большевиков к власти через историю крестьянина Пекко, которого грабят как Юденич, так и Троцкий. В конце концов от него уносят даже самовар. До 1925 года Аапо Весикко редактирует газету в городе Выборге, а потом возвращается на родину. Его арестовывают и отправляют на Соловки. Оттуда он возвращается больным и умирает в 1935 году. А поэту Айре (Аапо Ихо) удается бежать в Финляндию, где он издаёт сборник стихов «Инкери» в 1939 году с описаниями горестной судьбы своей родины. Не прямо, но вполне внятно он дает понять, что творится там, на родине:

ken mennyt on töihin Hiipinään,
ken lomalle Jeniseille,
ken matkoille Krasnojarskihin,
ken Solovkan kuuluille teille.

Поэт мечтает:

että saisimme vielä takaisin
me kodit ja omaisemme.

На первых порах советская власть содействовала малочисленным народам. Рождались письменные языки, не преследовалась церковь. Существовали национальные газеты, издательства. Правда, большая часть поэтов приезжает в Карелию учителями, работниками культуры. В поэзию возвращается пейзаж, описания родных деревень. Кто не знает стихотворения Леа Хело (Тобиас Гуттари) «На родине!». Здесь и знакомая дорога, и «низенький дом с черемухой под окном с красным налчиником» и «собака Халли, заяц, барабанивший в окно». А в стихотворении о матери «Ткачиха» даётся описание привычной деревенской работы женщины в доме. И хотя поэт не идеализирует деревенскую жизнь (его зовет новое время), за такого рода стихи критика окрестила его кулацким поэтом. Также критика расправилась с другим поэтом Юрье Саволайненем. Правда, не за стихи, а за его роман «В вихре времени» (1935). Писателя обвинили в меньшевизме за идеализацию крестьянской жизни в дореволюционные годы. Крестьянская Ингерманландия, кормившая Питер не менее двух веков, никак не устраивала новую власть. Поэт погиб в лагерях.

И всё-таки вместе с поэтами, финскими финнами, новые поэты-ингерманландцы воспевали социалистическую жизнь. Карелия становилась для них второй родиной, и поэты попевали ее вдохновенно и мастерски. Это делали Тойво Райта, Матти Хусу, Юхо Пауку, Йосеф Шульц и другие.

Война и послевоенное время заставляют по-новому взглянуть на страну Ингерманландию, которая надолго утратила даже своё название. Жило слово «инкерилайнен». Так мы себя отличали от других финнов. Почти двадцать лет прошло после войны, когда Эйно Киуру решил издать сборник «Народные песни Ингерманландии» (1974). Это название с трудом разрешили использовать. Однако новые поколения поэтов (Тайсто Сумманен, Виктор Вальякка, Катри Корвела, Пекка Пёлля, Тойво Флинк, Тойво Кемппи (житель Эстонии), Тойво Тупин вернули Ингерманландию в поэзию. Она жила в названиях родных мест: «Констан кюля» (Викто-

ра Вальякка), «Токсован мьят», «Каукалон куккулат» (Катри Корвела), «Мийккула» (Тайсто Сумманен) и даже в предметах, столь характерных для деревенской Ингерманландии, например, Кейну – качели (Пекка Пёлля). Она возвращалась воспоминаниями о близких, унесенных репрессиями, ингерманландским наречием («Мие я сие» – название стихотворения Тертту Викстрем). Некоторые поэты написали ряд стихов на этом наречии (Тойво Флинк, Лилья Пенние). Целый ряд стихов Армаса Хиيري посвящены ингерманландцам, семейным историям.

Острые стихи в защиту ингерманландцев написал Тойво Флинк:

Kerran kun iskit,
niin kolmesti koski,
minut kuin piski
potkaistiin roskiin.

Mieleni maltan,
kun katselen vastaan:
näinkö siis valta
kohtelee lastaan?

Kuinka kauan vielä? – задавал болевой вопрос Тойво Флинк в 1988 году. Пишущий на русском поэт Роберт Винонен, москвич, ныне живущий в Хельсинки, в 2001 году в стихотворении, посвященном питерскому ингерманландцу Виктору Того, ставит тот же вопрос о российских угро-финнах: «Поредел, повымер этнос – Где вы, чужь, ижора, водь?» Винонен еще в 1966 году включил в свой первый сборник «Мгновения» прекрасное стихотворение «Родословное древо», посвященное отцу, где есть такие строки:

Вот угрюмые финские сосны,
Родословные ветви мои.

...

Видно, крепко за землю держалось,
за холодные камни ее,
если тысячу раз подрубалось
родословное древо мое.

В стихотворении «Назия» (1977) стоит тот же вопрос: «Где тут наши корни-то?»

В драматической истории ингерманландских финнов позитивную роль, конечно же, сыграла Карелия, где в конце концов многие из них нашли вторую родину. Для писателей, поэтов, пишущих на финском языке, здесь созданы были благоприятные условия. Одно из них, главное: существование журнала «Carelia». Вообще по страницам этого журнала можно проследить, как постепенно пробуждается национальное сознание ингерманландцев, как вскрывается правда 1930–1940-х годов...

Думаю, что в этом процессе самосознания народа сыграла важную роль поэма–баллада Тайсто Сумманена «Певец и властелин» (1983). Уже давно произошло разоблачение культа личности. А прямо говорить о диктаторе в литературе нельзя было. Сумманен в форме поэмы–притчи рассказал о тиране, который убивал языки, чтобы убить народ. «Лишь наш язык во всей державе будет. На нем заговорит и твой народ.» О том, что всякого рода постановления запретного порядка имели место, говорит история публикации моего невинного стихотворения «О, музыка родного языка». Его сняли из моего сборника «Бессонница» (1966). Я рассказал об этом Л. Я. Резникову. Он напечатал его в своей статье, вошедшей в «Очерк истории советской литературы Карелии» (1969). Это к слову.

Журнал «Карелия» в последние годы много уделяет внимания Ингерманландии. В нём напечатаны воспоминания Юхо Муллоне-на, Эйно Киуру, Арви Хуттунена, Юрье Риехкалайнена, Клауса Мауно...

Никогда столь обильной информации о жизни народа в прессе не было. То, о чём поэты говорили намёками, иносказаниями, символами, притчами, заклинаниями, вылилось ценнейшими свидетельствами пострадавших. А ведь ещё стали доступными документы, постановления, указы, подписанные исполнителями воли вождя.

Поэты писали о своих ощущениях бесправия, бездомности. Так значимый образ растения перекаати–поле в стихах А. Хийри и К. Корвела подкреплялся документами. Вот хотя бы один из них, один его пункт от 20 января 1950 г.: «Не позднее 10 мая 1950 года совместно с Министерством Госбезопасности КФСР представить на утверждение в Совет Министров КФСР план перемещения из пограничных районов ранее завезённых ингерманландцев». Подпись: Андропов.

Сборник «Если б я крылья имел» нашел отклик в Венгрии. В некотором сокращении и под названием ”Unohtuivat miltei kaikki sanat” он был опубликован в Венгрии в 2002 году. Его издал Янош Пустаи. Он включил в него несколько поэтов, ныне живущих в Финляндии: Арво Сурво, Юхо Варвас, Ройне Тухканен, Антти Пююккёнен, Эйла Ояла. Они со своей стороны задают времени те же вопросы:

Nyt kuuluu eri puolilta ja kaikuu,
Ett' ”Nouse, Inkeri” ja ”Omal maal”.
Kenen on noustava? Ja missä maamme?
Ja kuka sitä maata haltuun saa?

Tuo vanha mummo sieltä Käivärästä?
Tai rampa invaliidi Kuippinan?
Tai nuori ikäpolvi, joka maasta tästä
on muuttamassa Suomen helmahan.

Это строфы из стихотворения Юхо Варваса «Есть такая точка зрения» (On tällainen näkökulma). Вопросы вполне резонные. Только бы они не накликали запрета для молодых жить там, где они хотят, если на родной земле они лишние. С грустью смотрит на ингерманландские деревни Ройне Тухканен. «Чужие краски, Чужой стиль», и «Даже старые женщины не говорят на родном диалекте».

Стихотворение Эллы Ояла «Флаг Ингерманландии» было написано в те годы, когда земляки начали впервые встречаться на родной земле.

Sortajat on polkeneet sen pyhän lipun
niin kun koko kansan.
Jotain sentään, ehkä lipun tulipuna reuna
jäi vilkkumaan kuin hätävalo maailmalle
sen siniristi pyhä vala Jumalalle:
kerran vielä nousee kansa sorrettu
ja nostaa lipun korkealle.
Näin lippu noussut on jälkeen salkoon
ja laulu raikukoon nyt ilovirren julki...

Евгений Якобсон (Богданов) в сборник «Если б я крылья имел» не попал по недоразумению. Мы с Эйно Киуру, вторым составителем антологии, почему-то решили, что он из финляндских финнов.

Когда мы узнали истину, было поздно. О его корнях могло нам подсказать его постоянное обращение к именам персонажей «Калевалы»: Вяйно, Лемминкяйнен, Йовкахайнен, Куллерво. Яacobсон принадлежит к новейшему поколению пишущих на финском языке, поэтому мне стало интересно, проявляется ли в его творчестве знание о своих предках, о своей прародине. Я нашёл-таки у него стихи, в которых зримо и глубоко это знание проявляется:

kunne kääntyä
purteni nokan aalto
ruokittu sammollasi
altis kuljettamaan

kohti rantaa
vereni synnyinmaahan
siunattuun lahdelmaan
vieraana kuolemaan

В 2001 году Хелена Миеттинен в Хельсинки выпустила книгу «Сказочная шкатулка Инкери» (Инкерин сатулипас). На ее страницах рядом со сказками размещены детские народные песни, потешки, прибаутки. Матери, бабушки пели своим детям, внукам эти чудесные весёлые, юмористические песенки, полные фантазии. Во многих ли семьях их сегодня поют? Именно эти песни закладывали в нас «финскость». Прочитую одну из них: Ihme ja kumma.

Kuulin kumman, näin ihmeen!
Istui hiiret vastatusten.
Kysyivät toinen toisiltansa.
Mitä kotiin kuuluu?
Kuuluu tuonne kummempia,
nähtiin näitä oudompia.
Lutikkainen lunta kantoi,
torakka torui ovella.
Täi lakkaisi lattiaa,
kirppu pyyhki kiuasta.

Обращение к народной поэзии в поисках вдохновения дает свои плоды и сегодня. Арво Сурво по методу Элиаса Лённрота создал свой эпос «Suur-Synty Kiesus» («Апокриф Таёжного народа») на материале народной поэзии Ингерманландии, Южной Финляндии

и Карельского перешейка, опубликованном в 34-томном собрании финских народных песен. Это песни, связанные с земной жизнью Христа. Эпос разделен на 70 песен. Писался он Muistain Ingermaata, ylistäin ylähäistämme. В примечаниях сказано, что Ингермаа есть первоначальное название Ингерманландии (от реки Ингере). Таёжный эпос "ингерманландского Лённрота" – это поиск корней всех прибалтийско–финских народов.

Литература

1. Jos linnulta siivet saisin. Петрозаводск, 2000.
2. Paraske Larin. Ruokopilli. – Параске Ларин. Тростниковая свирель. Эпические и лирические песни. Петрозаводск, 1986.
3. Miettinen Helena. Inkerin satulipas. Inkerin kulttuuriseura ry. Helsinki, 2001.
4. Majd' minden szó Ffödésbe merült. Unohtuivat miltei kaikki sanat. Inkere finn lira. Valogatta Pusztay János. Szombathely, 2002.

С. Э. Яловицына

ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ В ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ФИННОВ

В статье предпринимается попытка рассмотрения роли лютеранской религии и церкви в этнической самоидентификации финнов России. Этническая самоидентификация понимается нами как процесс, а не одномоментный акт, связанный, к примеру с выбором собственного самоназвания (этнонима). Это приводит к необходимости рассмотрения процесса этнической идентификации в динамическом ключе, в исторической ретроспективе, с учетом обстоятельств момента самоидентификации. Религию часто рассматривают, как один из важных компонентов самоидентификации, поскольку она включает в себя константные представления о добре и зле, о способах борьбы добра со злом. Однако, кроме философских оснований важности религиозных представлений в этнической самоидентификации, лютеранство в истории российских финнов, как мы увидим, занимало далеко не последнее место и часто выполняло этноконсолидирующую функцию.

Финское население России сформировалось, как известно, в результате нескольких миграционных потоков. Это определило, хотя и в разной степени, актуальность приспособления к социально-экономическим и этнокультурным условиям новой среды.

Адаптация в социально-экономической сфере отразилась на профессионально-отраслевой структуре, распространении национально-смешанной брачности, расселении финнов.

Адаптация в этнокультурной сфере могла осуществляться в двух основных направлениях. Первое – это включение в новую среду путём принятия языка и социокультурных норм этой среды с последующей ассимиляцией. Второе – воспроизводство привычных образцов поведения, языка и этнокультурных ценностей.

Было логичным предположить, что в отрыве от страны метрополии, среди финских эмигрантов, произойдет деформация взаимосвязи религии и этничности под влиянием иноконфессиональной, иноэтнической среды и других факторов. Однако, ряд проведенных в 1990-е годы и в начале XXI века социологических исследований показывает, что высокая степень языковой ассимиляции сочетались у финнов с устойчивой ориентацией на свои этнокультурные ценности, особенно религиозные²⁰⁶.

Об этом свидетельствуют и некоторые исторические факты религиозной жизни финнов в России.

История ингерманландских финнов XVIII–XIX веков, широко рассмотренная в финляндской и отечественной историографии²⁰⁷, демонстрирует возможность сохранения связи религии и этничности, несмотря на проживание в пределах иного, «ненационального» государства. В качестве факторов, поспособствовавших этому,

---

²⁰⁶ Кожанов А. А., Яловицына С. Э. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 129–174.

²⁰⁷ Суни Л. В. Ингерманландские финны // Прибалтийские народы. Ювяскюля, 1995. С. 211–233; *Он же*. Ингерманландские финны: исторический очерк // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 4–26; *Он же*. Очерк культуры российских финнов // Финны в России. С. 43–62 (в соавторстве с Киуру Э. С.); *Он же*. Ингерманландские финны // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 66–82; *Kuortti A., Arkkila R.* Inkerin kirkon yo ja aamu. Ювяскюля, 1990; *Mesiainen E.* Maria Kajavan pitkä taival. Helsinki, 1990; *Sihvo J.* Inkerin kansan 60 kohtalon vuotta. Ювяскюля, 2000.

принято рассматривать компактность проживания, которая обусловила возможности общения на финском языке, а также создания специфически финской инфраструктуры, в которой лютеранские церкви играли одну из ключевых ролей.

Пример Карелии представляет собой иной вариант развития событий, так как расселение финнов на её территории в XIX веке носило дисперсный характер. Несмотря на это, связи финнов-мигрантов между собой сохранились. Одним из основных механизмов этой сплоченности стало создание и функционирование лютеранского прихода, охватывавшего собой все населенные пункты, в которых селились переселенцы из Финляндии. Это была не только Олонецкая губерния, но и частично территории Новгородской губернии и Кемского уезда Архангельской губернии. Наряду с богослужебной деятельностью, здесь велась просветительская работа среди финской молодежи путем создания церковно-приходских школ, обучение в которых велось на финском языке. Особо подчеркнем, что школы объединяли этнические и конфессиональные формы деятельности.

Религиозный вопрос в России никогда не стоял особо, он всегда был связан с комплексом сопутствующих проблем, как до революционных событий 1917 года, так и после них. Главным действующим «лицом» в решении «лютеранского» вопроса были не собственно лютеране и даже не православные, а государство, выступавшее подчас в роли арбитра, принимая в расчёт, прежде всего интересы государственной целесообразности. Государственная политика в отношении к иноверцам в царской России строилась преимущественно в проправославном ключе. Наряду с этим, в начале XX века, в связи с обострением «финляндского вопроса», финская диаспора Карелии оказалась втянутой в противостояние русификаторских и финнизаторских идей. Результатом давления губернских властей на финнов в первые два десятилетия XX века, проявляемого и в отношении их вероисповедной принадлежности, стало бегство в Финляндию большинства финских переселенцев в 1920-е годы²⁰⁸.

---

²⁰⁸ *Бирин В. Н.* Население Карелии в XX в. (формирование этнического состава // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации. Петрозаводск, 2000. С. 108. Заметим, что территория Олонецкой губернии вошла в состав Карельской Трудовой Коммуны не полностью. Поэтому сравнение демографической ситуации до и после революции, ввиду административно-территориальных изменений, весьма условно. Наверняка можно утверждать лишь то, что сокращение численности лютеран действительно происходило.

В начале 1920-х годов по существующему тогда законодательству требовалась регистрация в органах советской власти любых религиозных общин. Среди неправославных общин удалось зарегистрироваться только наиболее активным религиозным группам. Среди них были и финны-лютеране, зарегистрировавшие свою деятельность, как того требовали тогдашние законы. На общероссийском уровне произошло собрание Евангелическо-Лютеранской консистории.

Лютеранские общины были зарегистрированы не только в Ингерманландии, сосредоточившей тогда в себе основное российско-финское население. Лютеранское объединение было зарегистрировано и в Карелии, несмотря на серьёзный отток прибывших ранее финнов-мигрантов в Финляндию. Однако Карельская община под руководством старосты П. Пулкинена просуществовала недолго. В июле 1924 года специально созданная комиссия произвела осмотр имущества лютеранской церкви на предмет его сохранности. На основании осмотра был сделан вывод об отсутствии у общины возможностей для охраны здания, и 15 марта 1925 года КарЦИК принял решение о расторжении арендного договора с лютеранской общиной. 30 апреля 1925 г. Президиум КарЦИКа передал кирку в ведение Управления коммунального хозяйства²⁰⁹.

Примерно такие же действия производились и в церквях финнов-ингерманландцев, оставшихся к концу 1930-х годов без действующих церковных зданий, а также пасторов, многие из которых были арестованы, бежали или были высланы в Финляндию²¹⁰.

Послевоенная ситуация развивалась в русле новых тенденций, характерных для религиозной истории Советского Союза этого времени. Ослабление прессинга на верующих после войны способствовало выходу религиозности в публичную сферу. Православная церковь, получив некоторую поддержку своей деятельности со стороны властей, начала, хотя и робко, способствовать возрождению своих приходов. Лютеране Карелии, ряды которых пополнились за счет вернувшихся с депортации финнов-ингерманландцев, сумели добиться регистрации лютеранской общины к 1970 году

---

²⁰⁹ НА РК, Ф. 689, оп. 1, д. 5/47, л. 2–3, 30, 33, 34 и др.

²¹⁰ *Kuortti A., Arkkila R. Inkerin kirkon yo ja aamu. Ювясколя, 1990.*

Лютеранами г. Петрозаводска в Совет по делам религиозных культов в конце 1950-х – начале 1960-х годов было подано по крайней мере 4 официальных письменных ходатайства о регистрации общины.

За время «катакомбного» существования религиозность финнов не только не ослабла, но даже закалилась. Образная метафора Й. Сихво, сравнивавшего религиозность (веру) с забиванием гвоздя, иллюстрирует это процесс следующим образом: «чем сильнее бьешь по гвоздю, тем глубже он входит»²¹¹.

Оказавшись в Карелии, многие из переселенцев надеялись на возвращение на родину, в Ингерманландию, поэтому идея создания прихода, строительства церкви первоначально (до конца 1950-х годов) не находила реального воплощения. Для этого имелись и другие веские причины. Они лежали в характере сложившейся в Карелии религиозной, национальной и общеполитической ситуации. Лютеран пугали, во-первых, известные факты отказа в регистрации даже православных объединений; во-вторых, колебания курса национальной политики в республике, как в довоенный, так и в послевоенный период (особенно в отношении финнов). В третьих, особую роль играли репрессии в отношении финнов 1930-х годах, их последующая депортация с исконных мест проживания, которые заставили лютеран усвоить методы, применяемые советским государством в отношении неугодных.

Тем не менее, несмотря ни на что, финны-лютеране испытывали необходимость в реконструкции привычного для них образа жизни, в том числе в духовной сфере. Высокая компактность расселения внутри населенных пунктов способствовала поддержанию связей и активных контактов. После смерти Сталина в 1953 году в Карелию приехали лютеранский пастор Пааво Хайми и два проповедника (Юхани Вассели и Матти Кукконен), начавшие тайно выполнять некоторые обряды. Пасторы жили за счет помощи родственников и других лютеран, которые брали на себя заботу о них, обеспечивали их едой и кровом.

В 1958 году в Ингерманландии, в Келто прошел праздник ингерманландцев «Юханнус». Сведения о нём распространились из

---

²¹¹ *Sihvo J.* Religion and Nationality among minorities in Russia. P. 331–332.

уст в уста. На нем присутствовали гости из Финляндии, в основном родственники ингерманландцев. Им удалось привезти с собой несколько сборников духовных гимнов, которые быстро разошлись среди участников. Решение карельских лютеран о необходимости создания прихода, принятое на празднике, нашло поддержку в соседней Финляндии и Эстонии, откуда обещали присылать пастора.

Финны, пожелавшие вступить в лютеранскую общину Карелии (более 900 чел.)²¹², проявили большую для тех лет решимость, так как в списки потенциальных прихожан необходимо было вносить персональные данные. Прихожане таким образом ставились на учёт заинтересованных советских инстанций и за ними обеспечивался надлежащий контроль.

В исследованиях отмечается, что в послевоенный период этническая группа финнов, прибывших в Карелию в 1949–1950-е годы, рассматривалась республиканским руководством как элемент, призванный скорректировать национальный состав населения республики²¹³. Эту роль и выполнили ингерманландские финны, что, однако не стало причиной особо терпимого или нейтрального отношения к их религиозным ориентациям. Только к началу 1980-х годов в общине Петрозаводска официально разрешили проводить все традиционные для финского лютеранства формы деятельности.

---

²¹² НА РК, ф. 310, оп. 1, д. 3/41, л. 71–100.

²¹³ История Советской Карелии отличается своеобразным национальным строительством, которое нагляднее всего проявляется в смене названий республики: КТК (1920–1923 гг.), АКССР (1923–1940 гг.), КФССР (1940–1956 гг.), КАССР (1956–1991 гг.). Ключевым для смены названий было представление о титульной национальности как системообразующем моменте в республиканской национальной политике. К примеру, территорию КТК географически выделили таким образом, чтобы карелы на ней преобладали или, во всяком случае, составляли заметную часть. Однако удельный вес карел из года в год снижался, что ставило под сомнение «карельскость» республики. Кроме того, проблему для национального строительства в крае составляло отсутствие письменного карельского языка. Карелизации, финнизации, коренизации сменяли друг друга. К титульной национальности в разные времена относили то исключительно карел, то представителей всех финно-угорских народов (карел, финнов, вепсов). См. подробнее: *Кангаспуро М.* Финская эпоха Советской Карелии // В семье единой. Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е гг. Петрозаводск, 1998. С. 123–160; и др. статьи указанного сборника.

В процессе создания новой религиозной общины финнов-лютеран Карелии в 1960-е годы определяющую роль играли моменты, связанные с состоянием так называемой психической депривации – ощущения обездоленности и ценностного вакуума индивида. Признаки этого состояния, безусловно, имели место в психологическом портрете финнов. Для ингерманландских финнов, приехавших в 1949-50-гг. в Карелию, это, прежде всего, материальные и психологические последствия депортации: неустроенность быта; новые, непривычные для многих сферы занятости; положение мигрантов и связанное с ним ощущение временности, «пришлости»; и пр.

Состояние депривации стимулировало поиск путей компенсации утраченных ценностей путём «символической трансформации социальной системы». В нашем случае, вектор этого поиска был направлен, как правило, в сторону возвращения к привычным нормам жизни. Даже у прихожан младше 50 лет, которые не могли родиться или проживать когда-либо в Ингерманландии, связь с землей предков была важна, нося, прежде всего, мифологический характер.

Вера в Бога больше, чем что-либо иное, способствовала компенсации потерь. Она могла найти свое выражение, как и прежде, на личностном, внутрисемейном уровне, не принимая публичных институциональных форм. Однако этого оказалось недостаточно. Финнам требовалось общественное признание, общественная толерантность в отношении к их культуре, в том числе и к церкви, что и обеспечило бы их активность в вопросе создания прихода в Петрозаводске, а позднее и других.

Эпоха социального и политического кризиса, начавшаяся в СССР в 1985 году, завершилась коллапсом советской системы и коммунистического руководства, что вызвало у бывших советских граждан кризис идентичности. Возникший ценностный вакуум пытались заполнить различные силы: националистические, интеллектуально-либеральные, демократические и др. Свою роль в этом процессе стала играть и религия. В том числе и для российских финнов.

Доля россиян, называвших себя атеистами, упала с 35 до 5%. Храмы наполнились людьми. Выросла религиозная обрядность.

Наряду с этим, имел место и обратный процесс. Вера стала модной. Ее стремились продемонстрировать, выставить на вид. Эпоха социального кризиса начала 1990-х годов вызвала у большинства населения неуверенность в своем настоящем и будущем. Религия стала формой психологического страхования людей.

Особенностью религиозной ситуации 1990-х годов стали и новые попытки укрепления лютеранства российскими финнами. С 1988 года начался широкий процесс регистрации лютеранских общин в Ленинградской области, Карелии и других регионах России, где проживали небольшие диаспоры финнов. В 1991 году насчитывалось уже 18 зарегистрированных общин, к 1994 – 24, а к концу 1995 – 36.

Процессы дезинтеграции советского государства привели к отделению от него прибалтийских республик. 20 августа 1991 года Эстония объявила о своей независимости. Связь расположенных на территории Ленинградской области и Карелии общин с Эстонской ЕЛЦ (Единая лютеранская церковь) была нарушена пролегшей между ними государственной границей. В повестке дня оказался вопрос об организации централизованного руководства разрозненными общинами или о создании Евангелическо-лютеранской церкви России.

Однако в основу зарегистрированной 14 сентября 1992 года Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии лёг предложенный еще в 1920-е годы национально-языковой принцип церковной организации. Упоминание Ингрии в названии церкви выполняло символическую роль, собирая вокруг себя выходцев из Ингерманландии, хотя и проживавших в различных частях России. Это в свою очередь влекло за собой определённую языковую и этническую ориентацию в работе церкви. Параллельно немецкое население России создавало «свою» лютеранскую церковь. Этнические интересы в тот момент оказались сильнее общеконфессиональных, так как именно они оказались решающими в формировании в России двух лютеранских церквей. Не вызывает сомнений тот факт, что институциональная организация церкви Ингрии, в которой определённое место занимали, наряду с чисто вероисповедными и этнические моменты, оказала влияние и на этноконфессиональное самосознание финнов.

В первые годы существования приходов церкви Ингрии в них допускались только финны, либо их потомки, что демонстрировало, по мнению К. Юленен, «типичные особенности меньшинств, которые стремились к прояснению и сохранению границ их этнической группы»²¹⁴.

Религиозный бум в России совпал по времени с актуализацией этнических интересов. В конце 1980-х годов ингерманландцами стали основываться первые национальные организации, которые часто использовали площадку лютеранского прихода для организации своей деятельности и своих целей²¹⁵.

Активное вхождение российских финнов в состав лютеранской церкви в начале 1990-х годов протекало параллельно общероссийским процессам и практически не коррелировалось с ситуацией в стране-метрополии. В Финляндии в это время не фиксировался рост числа присоединившихся к церкви, хотя определенное повышение интереса к религии заметить можно. Если в 1990 году к Финской лютеранской церкви присоединялось около 6–7 тыс. чел., то к 1995 году – около 10 тыс. чел. В определенной мере на эти процессы влиял и направившийся туда поток эмигрантов финского происхождения из России. К 1994 году в Финляндию эмигрировали уже 9 тыс. ингерманландцев, которые частично пополнили ряды Финской лютеранской церкви²¹⁶.

Особенности состава прихожан Церкви Ингрии в начале 1990-х гг. демонстрируют значимость этнических элементов для прихожан. Наиболее ярко он проявился в проблеме двойного членства (например, в одном из приходов Ингерманландии и в Петрозаводском приходе). Двойное членство не приветствовалось церковной

---

²¹⁴ *Ylonen K.* Religion and ethnicity. The Renaissance of the Ingrian Church after the end of communist rule. The Research Institute. Publication № 48. 1998. P. 19–20.

²¹⁵ См. подробнее: *Яловицына С. Э.* Финская евангелическо-лютеранская церковь в Карелии // Прибалтийско-финские народы России. М., 1003. С.550–552; Ингерманландские финны: модели этнической мобилизации. Сборник материалов и документов. Петрозаводск, 2006.

²¹⁶ *Кокко В.* Ингерманландские финны // Финно-угорские народы и Россия (сборник материалов Международной конференции 1992–1993 гг.). Таллинн, 1994. С.56–57. См. также об эмиграции финнов из Эстонии: *Kuntäja E.* Viron sosiaalinen kehitys inkerinsuomalaisten palumuutto Suomeen. Helsinki, Aleksanteri-instituutti, 1990.

администрацией и запрещалось Уставом. Но стремление быть участником приходской жизни в Ингерманландии со стороны карельских лютеран-ингерманландцев все же обнаруживалось. В частности, детей возили крестить в тот приход Ингерманландии, откуда были родом сами, либо родители. Таким образом, создание своего прихода в Петрозаводске, либо в других населенных пунктах Карелии, с традиционной финской конфессиональной составляющей – лютеранством, не было достаточным условием для формирования прежнего образа жизни. Между реальностью и образом, сложившимся в исторической памяти («земля обетованная»), не было достигнуто соответствия. Финны стремились на родину, и лютеранский приход в Карелии все же не компенсировал её потерю.

Данные этносоциологического опроса середины 1990-х годов показали роль религиозного фактора в жизни финнов. На их основе можно утверждать, что уровень религиозности финнов в целом, как и их ориентации на лютеранство в середине 1990-х годов были достаточно высоки, в то время как межпоколенное воспроизводство финских конфессиональных традиций всё более снижалось²¹⁷.

Удалось установить, что одним из главных факторов, влияющим на вероисповедные характеристики, является, кроме пола и возраста, также и этнический тип семьи. Если зависимость вероисповедных характеристик от пола респондента прежде всего обуславливается демографическими причинами, то корреляция религиозности и возраста, религиозности и этнического типа семьи имеет под собой иные причины. Одной из них является разница в социализации различных поколений финнов. Были выделены три поколенных группы, для которых социализация протекала по-разному: старшее поколение (респонденты старше 55 лет), среднее (35–54 года), молодое (15–34 года).

Финны-лютеране старшего поколения в преобладающем большинстве получили религиозное воспитание в детстве. Не случайно именно они приняли самое активное участие в создании приходов после войны. Анализ их частной и публичной религиозной практики свидетельствует, что многие из них старались воспроизводить

---

²¹⁷ Кожанов А. А., Яловицына С. Э. Этносоциологическое обследование финского населения Карелии: основные задачи и первые результаты // Финны в России: история, культура, судьбы. Петрозаводск, 1998. С. 129–174.

в своем поведении те религиозные образцы, которые некогда сложились в семьях их родителей. Вместе с тем, обращает на себя внимание то, что именно публичная религиозная практика пользовалась среди них большей популярностью, нежели религиозные занятия частного порядка (как например, религиозное самообразование, достигаемое посредством чтения Библии и другой религиозной литературы). Это, на наш взгляд, объясняется мотивами обращения финнов к вере, среди которых в числе первых можно назвать желание общаться с земляками-соплеменниками-единоверцами. Лютеранство выполняет, прежде всего, символическую функцию в формировании связей финнов. Побудительной же причиной этой консолидации является общая историческая судьба.

Второе выделенное нами поколение социализировалось в период сложившегося атеистического государства, когда религия обозначалась не иначе, как пережиток прошлого. Среди них лишь некоторые получили религиозное воспитание в родительской семье. По преимуществу, это были этнически-однородные семьи, в среду которых процессы культурной диффузии проникали в меньшей степени, чем в национально-смешанные семьи. Многие из них родились или провели свои детские годы в депортации, усвоив от своих родителей рассказы об их малой родине. Для большинства представителей этого поколения характерно щемящее чувство чего-то утраченного и невозможного. Это заставляло их искать компенсации, в том числе в религиозной сфере, но не только. Финны среднего возраста чаще молодых стремились приобщиться к ценностям старшего поколения: языку, народным традициям, обычаям и пр.

Молодежь, большая половина которой родилась и воспитывалась в национально-смешанных семьях, не могла получить не только конфессионального, но и религиозного воспитания. Однако период их личностного становления совпал с началом 1990-х годов, когда в нашей стране начинались процессы демократизации общественной жизни. Тогда, в самосознание представителей этого поколения отчасти искусственно вводились религиозные ценности, которые у финнов очень быстро приобрели этническую окраску. Большинство финской молодежи имеет чёткое представление о конфессиональной принадлежности финнов, о традиционной ре-

лигиозной практике. Часть из них приобщилась к приходской жизни, но лишь единицы сохраняют связь с приходом постоянно. Среди мотивов обращения к вере молодые часто называли весьма прагматические причины: улучшить знание финского языка, познакомиться с религиозным служением лютеран перед предстоящим выездом в Финляндию и пр. Обращает на себя внимание демонстративный характер веры этого поколения финнов. Для них совершенно не характерна религиозная практика, названная нами частной (чтение Библии и другой религиозной литературы, молитва и др.). С другой стороны, для финской молодежи интерес к религии совпал с периодом «этнического возрождения», что обусловило этноконфессиональную символику обращения молодежи к историческому прошлому своих отцов и дедов.

Таким образом, приверженность российских финнов лютеранской религии не вызывает сомнений. Она приняла столь устойчивые формы, что могла существовать и сохраняться даже за пределами Финляндии, соседствуя с иноэтническим и иноконфессиональным окружением. Прежде большую роль в этом единении играли компактность и единая территория расселения, а также финский язык и лютеранская религия, которые консолидировали группу российских финнов, способствовали ее однонаправленному развитию. Однако с конца XIX века внешние консолидирующие механизмы начинают рушиться. Первоначально, в языковой сфере, вследствие реформы, когда все обучение в школах было переведено на русский язык, изменились способы традиционной социализации детей в финноязычных школах.

В советскую эпоху эта новая, неблагоприятная для финнов России языковая тенденция получила свое продолжение и дополнилась новыми: нарушением компактности расселения, потерей территорий исконного проживания, преследованиями в области религии. В результате, практически все консолидирующие механизмы этнической группы финнов оказались серьезно подорванными. И тем не менее этнос продолжал существовать и саморазвиваться. Возникает вопрос: Благодаря чему? Представляется, что в послевоенной истории финнов, а также в период депортации, одну из ведущих ролей в сохранении этничности сыграл фактор принадлежности финнов к лютеранству.

«Болевой синдром», возникший у ингерманландских финнов в связи с потерей родины, ностальгия по ней, «обрастание» истории финнов в Ингерманландии мифическим ореолом Эдема – райского сада, обусловили новую консолидацию финнов за пределами Ингерманландии. Поскольку открытая этническая самоидентификация с публичным использованием родного языка и пр. могла повлечь неблагоприятные последствия, то стала использоваться своего рода «скрытая» этноидентификация. Некоторые ее элементы проявлялись на наиболее доступном, внутрисемейном уровне (использование финского языка в семейном общении, празднование религиозных праздников, крещение детей и пр.). Большое значение и популярность приобрели традиции, связанные с религией и лютеранством, так как они легко могли воспроизводиться в любом месте. Кроме того, если языковая практика претерпевала со временем существенные изменения, под влиянием русскоязычной школы и окружения, то традиционное религиозное поведение менялось медленнее, консервируя старые обычаи и порядки, и, следовательно, сохраняя большую степень связи с утраченной родиной. К тому же, эти внешние изменения всегда объяснялись вынужденными обстоятельствами (запретами и пр.). В результате этого религия после войны стала играть значение наиболее сильного признака этничности.

Исследователь С. Исаев в своей недавней статье высказывал мнение о том, что пути этнической и религиозной идентификации российских финнов разошлись уже после 1917 года, поскольку в советский период, особенно после войны, в виду отсутствия церквей, пасторов, свёртывания религиозной жизни произошло размывание лютеранской религиозности у российских финнов, которая в таком состоянии не могла выступить консолидирующим условием для существования этноса. В качестве аргумента С. Исаев приводит мысль о разнонаправленных целях и действиях двух ингерманландских организаций: Церкви Ингрии и Ингерманландского союза. По его мнению, «активистам “Союза ингерманландских финнов” не могло нравиться то обстоятельство, что в Церкви Ингрии русский язык стал употребляться с годами все более интенсивно, а финский и другие финно-угорские – все менее. Однако, этого требует принцип лютеранства: литургия должна вестись,

а проповедь читаться на том языке, который понятен прихожанам. Активистам Церкви Ингрии не могло нравиться то обстоятельство, что «Союз» на протяжении всех 1990-х годов содействовал переселению ингерманландцев из России в Финляндию. Они могли указать, что такая деятельность не совместима с задачей «сохранения ингерманландских финнов как этнической общности на родной земле»²¹⁸.

Однако, выше обрисованная ситуация относится уже ко второй половине 1990-х годов, когда формирование этнической идентичности российских финнов стало претерпевать серьезные изменения и цели этнического и религиозного возрождения действительно стали расходиться. К тому же, институциональные цели названных организаций хотя и имеют определенное касательство к этнической идентификации части российских финнов, но не исчерпываются ими. Не случайно, несмотря на некоторое несоответствие целей, многие российские финны состояли в обеих названных организациях, а сам «Союз» в качестве одной из своих задач выдвигал содействие восстановлению лютеранских приходов.

Таким образом, если и говорить об этом расхождении, то затронуло оно далеко не всех российских финнов, да и произошло это отнюдь не так давно. Фатальный вывод автора о разрушении ингерманландской идентичности, основанной на лютеранстве, в советский период, конечно, не далек от истины, однако этнической идентичности свойственно изменяться, особенно в наш информационный век, поэтому даже лютеранская проповедь на русском языке может составить её основу, в том числе и у российских финнов.

Соглашусь с П. Крыловым, что «отношение финнов Ленинградской области к лютеранству сегодня <...> воспринимается скорее как народная духовная и обрядовая традиция, принадлежность к которой представляется наиболее естественной, нежели вероисповедание в строгом смысле этого слова, при, в целом, довольно низком уровне религиозности. <...> несмотря на проникновение

---

²¹⁸ *Исаев С. А.* Как и почему разошлись пути религиозного и национального возрождения ингерманландских финнов? // Миноритетные этнические группы в России в эпоху перемен: стратегии и способы адаптации. СПб.: Изд-во СПбНПИПТ, 2008. С. 56.

православных элементов в богослужение и вне богослужебные обряды, чёткое представление о лютеранской идентичности продолжает сохраняться. В СМИ, принадлежащих не только Церкви Ингрии, но и светскому «Инкерин Лиитто», значительное место отведено историко-церковной проблематике»²¹⁹. Таким образом, даже проникновение иноконфессиональных практик в лютеранство сохраняет его финскую народную духовную роль.

О. В. Дыба

ЕВАНГЕЛИЧЕСКО-ЛЮТЕРАНСКАЯ ЦЕРКОВЬ ИНГРИИ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ КАРЕЛЬСКОЕ ПРОБСТВО

В многокрасочной конфессиональной картине России заметное место занимает Евангелическо-лютеранская Церковь Ингрии. В нашей стране её корни можно найти уже в XVI веке, вскоре после начала Реформации в Европе. С тех пор лютеранство естественным образом закрепилось по всей России, получив новую волну возрождения в 90-х годах XX века.

На территории Республики Карелия Церковь Ингрии имеет 15 приходов, которые вместе с двумя приходами Мурманской области составляют Карельское пробство.

Церковь Ингрии является одной епархией. С 1996 года и по настоящее время ее возглавляет почетный доктор богословия епископ Арри Кугаппи. Центральная канцелярия Церкви Ингрии располагается в Санкт-Петербурге.

Несмотря на то, что Церковь Ингрии исторически связана с ингерманландскими финнами, в ее состав входят люди разных национальностей придерживающиеся лютеранского вероисповедания.

Первые попытки организовать лютеранский приход в Олонецкой Карелии приходится на начало 50-х годов XIX века. В Петрозаводске первая лютеранская церковь была построена в 1872 году.

---

²¹⁹ *Крылов П. В.* Социальные трансформации 1990-х – 2000-х гг. в судьбах ингерманландских финнов Ленинградской области: проблемы адаптации // Миноритарные этнические группы в России в эпоху перемен: стратегии и способы адаптации. С. 1.

В 1945–1950-х годах в Карелию приехала значительная группа финнов-ингерманландцев, увеличившая численность потенциальных прихожан лютеранской церкви. Деятельность по созданию евангелическо-лютеранской общины в Карелии охватывала близлежащие к Петрозаводску населенные пункты. Не имея возможности посещать церковь, верующие сами организовывали духовные собрания, проводили обряды Крещения по домам и на кладбищах. Среди верующих появлялись проповедники, сыгравшие огромную роль в сохранении веры.

10 июня 1969 года была зарегистрирована лютеранская община г. Петрозаводска. В январе 1970 года община получила бревенчатый жилой дом по адресу ул. Гвардейская, 59 для размещения в нем молитвенного дома. С 1975 года было позволено проводить Крещение, отпевание, венчание. Но только к началу 1980-х годов общине Петрозаводска официально разрешили все традиционные для лютеранства формы деятельности.

Более активные лютеране из многих населенных пунктов посещали молитвенный дом в Петрозаводске и с 1969 года относились к числу его прихожан. Постепенно количество верующих лютеранского исповедания становилось все больше, возникла необходимость создания собственных поместных общин.

В начале 1990-х годов деятельность карельских лютеран привела к открытию новых приходов. Сегодня приходы Церкви Ингрии действуют в городах Кемь, Кондопога, Костомукша, Олонец, Петрозаводск, Питкяранта, Сегежа, Сортавала, поселках Калевала, Муезерский, Пиндуши, Рускеала, Соддер, Харлу, Чална.

В настоящее время по воскресеньям и в церковно-праздничные дни проводятся богослужения с Причастием. В богослужебной деятельности многих лютеранских приходов звучит как русский, так и финский языки. Использование финского языка в церкви продиктовано тем, что для значительной части прихожан именно он является родным языком, на нём многие с детства помнят наизусть молитвы и духовные гимны.

В большинстве приходов действуют Воскресные школы для детей от 4 до 14 лет, молодёжные группы, библейские и молитвенные кружки на финском и русском языках. Также организуются тематические семинары, на которых обсуждаются самые разные

вопросы, связанные с христианским вероисповеданием, духовной музыкой, современными исследованиями. Ежегодно проходит конфирмационное обучение с последующей конфирмацией. Обучение дает более полное представление о вере, которую исповедует человек.

Одним из основных направлений деятельности приходов Церкви Ингрии является служение диаконической группы. Ее цель – оказывать поддержку и посильную помощь не только прихожанам, но и всем нуждающимся, попавшим в трудную жизненную ситуацию.

Прихожане навещают больных, одиноких людей, проводят беседы на духовные темы, молятся. Пастор, посещая немощных, причащает на дому. Важно участие диаконической группы во время похорон, поддержка в трудные моменты жизни, сочувствие и утешение скорбящих. В дни юбилейных торжеств приятно получать поздравления. Это тоже диаконическая работа – заполнить недостаток общения или внимания к пожилым. Людям, оказавшимся в трудных обстоятельствах, раздаётся гуманитарная помощь.

Диаконическое служение церкви схоже с социальным, но между ними есть существенное различие: суть диаконии не только в том, чтобы оказать поддержку деньгами, помочь продуктовым пакетом или вещами первой необходимости, но и показать человеку любовь Бога, дать надежду, утешение, рассказать о Господе, который заботится о каждом из нас.

Опираясь на христианские заповеди, прихожане лютеранской церкви не делят беду на свою и чужую, а принимают посильное участие в решении проблем тех, кто нуждается в помощи.

В. И. Мусаев

ВОЗРОЖДЕНИЕ РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ РОССИЙСКИХ ФИННОВ-ЛЮТЕРАН В 1960–1990-Х ГОДАХ

К концу 1930-х годов, в результате репрессивной политики советских властей, деятельность лютеранской церкви на территории Советского Союза была полностью парализована. Все лютеранские церкви и приходы, в том числе финские, были закрыты, свя-

ценнослужители и активные прихожане подверглись репрессиям, были разогнаны руководящие органы лютеранской церкви.

Постепенное возрождение религиозной жизни российских финнов началось в 1950-х годах в Советской Карелии, где с конца 1940-х годов, в результате переселенческой кампании, предпринятой тогдашним партийным руководителем республики Г. Куприяновым, сформировалась довольно крупная группа финско-ингерманландского населения. Как здесь, так и позднее в самой Ингерманландии помощь в восстановлении церковной жизни финны-лютеране получили из Эстонии, поскольку Прибалтика тогда оставалась единственным регионом Советского Союза, где лютеранские церковные структуры существовали легально. Первая, после длительного перерыва, финская лютеранская церковная община возникла в Петрозаводске. В 1958 году епископ Эстонской лютеранской церкви Я. Кийвит при посещении Петрозаводска предложил местным финнам основать собственный приход, обещая помощь и содействие со стороны Эстонской церкви. Вскоре финны – жители Петрозаводска и его окрестностей – обратились к карельским республиканским властям с ходатайством о регистрации финской лютеранской общины и предоставлении ей здания для проведения богослужений. Это ходатайство тогда отклонили²²⁰. Прошло еще несколько лет, и в 1964 году церковная община финнов-лютеран в Петрозаводске все же была основана. 28 мая 1969 года группа верующих финнов направила в исполком Петрозаводского городского Совета заявление о регистрации евангелическо-лютеранского религиозного общества. 10 июня исполком принял решение «О регистрации религиозного общества лютеран в г. Петрозаводске», а 31 июля соответствующее решение утвердил Совет по делам религий при Совете Министров СССР. К концу того же года решился вопрос о приобретении молитвенного здания для общества. 31 января 1970 года состоялось первое организационное собрание членов евангелическо-лютеранской общины г. Петрозаводска²²¹. В том же году в предоставленной общине

---

²²⁰ *Kuortti A. Inkerin kirkon vaikeita vuosia. Helsinki, 1963. S. 102.*

²²¹ *Демчуев Б. Ф., Макуров В. Г. Государственно-церковные отношения в Карелии (1917–1990-е гг.). Петрозаводск, 1999. С. 127–128.*

здании начали проводиться службы. Пастором прихода стал эстонский священник Э. Куллер, а в 1975 году его сменил приехавший также из Эстонии П. Саар²²².

На территории исторической Ингерманландии – основного района концентрации финского населения в России до начала 1940-х годов – первое после 20-летнего перерыва разрешенное богослужение провели на кладбище в Колтушах в 1958 году²²³. Вскоре верующие финны начали обращаться к властям с ходатайствами об открытии церквей. Запросы делались, в частности, в отношении церкви в Токсово, использовавшейся тогда под кинотеатр, церкви в поселке Юкки бывшего прихода Хаапакангас (Осиновая Роща), находившейся на территории пионерского лагеря, полуразрушенной церкви в Шпаньково (Спанккова). Неоднократно ставился вопрос о возвращении верующим здания финской церкви Св. Марии в Ленинграде – центра крупнейшего в прошлом финского прихода (в то время в ее здании размещался Дом природы). Все эти обращения неизменно встречали отказ. Отказы вызывали возмущение лютеран, которые указывали на то, что последователи других конфессий располагают зданиями для проведения богослужений и их общины имеют возможность действовать легально.

Не имея зданий для проведения богослужений, верующие ингерманландцы начали собираться на молебны на кладбищах, около недействующих или разрушенных церквей. Такие собрания проводились, в частности, в Шпаньково, Скворицах, Марково, Колтушах, Токсово. Число собравшихся порой доходило до тысячи человек. Молебнами руководили бывшие ингерманландские священники К. Кукканен, Й. Ваассели, П. Хайми, которые после освобождения из лагерей ГУЛАГа проживали в Петрозаводске и специально приезжали по просьбе верующих. На этих молебнах, по некоторым данным, присутствовали лица, приезжавшие из Карелии и даже из Финляндии. После «разъяснительной работы», проведенной

---

²²² Казьмина О. Е., Шлыгина Н. В. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев // Этнографическое обозрение. 1999. № 4. С. 113.

²²³ Folkestén T. Kirkko nousee eloon. Inkerin ev. luterilaisen kirkon elpymisen pylväitä – Kyrkan vaknar till liv. Återuppståndelsen milstolpar hos Ingermanlands evang. lutherska kyrka. Västerås, 2001. S. 6–7.

по инициативе уполномоченного Совета по делам культов, массовые молитвенные собрания под открытым небом прекратились. Верующие финны начали собираться для молитв по домам, слушали по радио трансляции богослужений из Финляндии. Положением лютеран в Ленинградской области интересовался, при встрече с представителями благочиния Русской Православной церкви, обслуживавшего православные приходы в Финляндии, епископ Финляндской Лютеранской церкви М. Симойоки²²⁴.

В апреле 1963 года уполномоченный Совета по делам религиозных культов по Ленинграду и Ленинградской области Н. Васильев направил докладную записку на имя первого секретаря Ленинградского обкома КПСС В. С. Толстикова, в которой он предложил зарегистрировать финскую евангелическо-лютеранскую общину и предоставить ей в пользование здание бывшей православной церкви в Мурино (церковь во имя Святой Великомученицы Екатерины), использовавшееся в то время под склад²²⁵. Дальнейшую переписку по этому вопросу обнаружить не удалось. Известно только, что лютеране ни тогда, ни позднее здание Муринской церкви в пользование не получили²²⁶. Не удовлетворили и очередное ходатайство верующих о передаче им здания церкви в поселке Южки.

Лишь в 1975 году дело сдвинулось с мертвой точки – была образована лютеранская община в поселке Колтуши, которая первое время проводила молитвенные собрания в крестьянской избе²²⁷. В том же году лютеранская община возникла в Пушкине (бывшем Царском Селе), а в 1978 году в этом городе открыли финскую лютеранскую церковь²²⁸. В 1987 году ингерманландец Арво Сурво, прошедший обучение в Эстонии, был ординирован и стал первым

---

²²⁴ Центральный государственный архив С.-Петербурга. Ф. 9620, оп. 1, д. 46, л. 18–19; д. 68, л. 21–22.

²²⁵ Там же, д. 68, л. 23–24.

²²⁶ Церковь была возвращена верующим в 1988 году, но не лютеранам, а православным.

²²⁷ Казьмина О. Е., Шлыгина Н. В. Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев. С. 113.

²²⁸ Лютеранская церковь, действовавшая в Царском Селе до 1917 года, считалась немецкой, однако среди ее прихожан были представители различных национальностей.

постоянным лютеранским священником в Ингерманландии²²⁹. В октябре 1988 года зарегистрировали финскую общину в Губаницах. Губаницкий приход, воссозданный по инициативе А. Сурво, стал первым среди воссозданных исторических ингерманландских приходов. В последующие годы восстановили приходы в Колтушах, Куземкино, Токсово и Скворицах²³⁰.

Финские лютеранские общины поначалу вошли в состав Эстонской евангелическо-лютеранской церкви. В 1990 году, после принятия Верховным Советом РСФСР закона «О свободе вероисповеданий», было основано Ингерманландское пробство в под юрисдикцией Эстонского архиепископства. На следующий год, после оформления государственной независимости Эстонии, финские общины приняли решение об образовании отдельной церковной организации. В начале 1992 года это решение утвердило собрание пробств Эстонской церкви. В сентябре 1992 года была официально зарегистрирована Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии на территории России. На следующий год она стала членом Всемирного Лютеранского союза. Во главе Церкви Ингрии стоит епископ, резиденция которого находится в С.-Петербурге. При епископе действуют Церковный совет и Церковное правление²³¹. Первым епископом Церкви Ингрии стал гражданин Финляндии Лео Хассинен. С 1996 года церковь возглавляет ингерманландец епископ Аарре Кугаппи²³². В настоящее время Церковь Ингрии входит в состав как Всемирной лютеранской федерации, объединяющей большинство лютеранских церковных организаций мира, так и Международного лютеранского совета²³³. На двух языках – русском и финском – издается печатный орган церкви «Церковь Ингрии» – «Inkerin Kirkko».

---

²²⁹ *Folkestén T. Kirkko nousee eloon. S. 10–11.*

²³⁰ *Ylönen K. Religion and Ethnicity. The Renaissance of the Ingrian Church after the End of the Communist Rule. Saarijärvi, 1998. P. 15.*

²³¹ *Паас Т. Вехи истории церкви Ингрии // Церковь Ингрии. 2001. № 4 (40). С. 3.*

²³² *Кокко В. А. Ингерманландские финны: становление национального движения // Будущее ингерманландских финнов. Материалы научно-практической конференции. С.-Петербург–Токсово, 2000. С. 28.*

²³³ Последняя организация связана с Миссури-синодом, известным большим консерватизмом по сравнению с другими лютеранскими церквами и объединениями.

На протяжении 1990-х годов на территории Ленинградской области открывались отреставрированные или построенные заново финские церкви. При финансовой поддержке из Финляндии и Прибалтики, в частности, отреставрировали церкви в Губаницах и Токсово, а в Колтушах и Юкки были возведены новые здания. В других населенных пунктах (Волосово, Дудергоф, Куземкино, Зеленогорск) богослужения проводились в арендованных помещениях. В 1991 году верующим частично возвратили здание церкви Св. Марии в Ленинграде (С.-Петербурге). Полностью здание передали Церкви Ингрии в 1994 году. В конце 1990-х – начале 2000-х годов внутри церкви проводились обширные ремонтные и реставрационные работы, так как требовалось интерьеры здания, перестроенные после закрытия церкви в 1938 году, вновь приспособить под первоначальные функции. Торжественное открытие здания церкви Св. Марии состоялось в мае 2002 года.

Число приходов Церкви Ингрии быстро росло. В 1990 году было зарегистрировано 18 приходов, из которых два действовали на территории Эстонии. К середине 1994 года численность приходов увеличилась до 26, а к концу 1996 года – до 36²³⁴. На территории исторической Ингерманландии к началу 2000 года действовали девять приходов: Пушкин, Колтуши, Токсово, Осиновая Роща (Юкки), Тюрё (Мартышкино), Хиетамяки, Скворицы, Губаницы и Кингисепп²³⁵. Помимо наиболее крупного С.-Петербургского пробства, объединявшего 19 приходов, к тому времени действовали еще пять пробств Церкви Ингрии: территориальные Западно-Ингерманландское, Карельское, Уральское и Сибирское и «языковое» экстерриториальное Русское. Последнему подчинялись пять приходов: Св. Михаила в Петербурге, Волосовский, приходы в Москве, Нижнем Новгороде и Борисоглебске Воронежской области. Общая численность зарегистрированных членов Евангелическо-лютеранской церкви Ингрии, по оценке ее епископа А. Кугаппи, в 1997 году составляла около 15 тысяч человек²³⁶. На 2001 год Церковь Ингрии объединяла в общей сложности 67 приходов²³⁷.

---

²³⁴ *Ylönen K.* Religion and Ethnicity. P. 15.

²³⁵ *Inkeri.* 2000. № 1 (tammikuu).

²³⁶ *Казьмина О. Е., Шлыгина Н. В.* Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии и ее роль в жизни финнов-ингерманландцев. С. 114.

²³⁷ *Паас Т.* Вехи истории церкви Ингрии. С. 3.

По своему национальному составу приходы нынешней лютеранской церкви Ингрии, в отличие от церкви дореволюционного периода, не имеют чисто финского характера. К примеру, в приходе церкви Св. Марии, где национальность прихожан отмечается в их личных карточках, к середине 1990-х годов числилось 79% финнов, 19% русских и 2% эстонцев, карелов и представителей других национальностей (среди русских, впрочем, было немало выходцев из смешанных семей)²³⁸. При богослужениях, помимо финского, используется русский язык, в некоторых приходах – карельский и другие языки.

С конца 1980-х годов в Ингерманландии была восстановлена традиция празднования Юханнуса (Иванова дня) – одного из главных лютеранских праздников. В июне 1989 года, впервые после 1928 года, это празднование проводилось в Колтушах. В праздничных мероприятиях участвовали до 4 тысяч человек, включая гостей из других регионов страны, из Финляндии и Швеции. В дальнейшем Юханнус отмечался регулярно каждый год, местами его проведения служили в разные годы Дудергоф, Скворицы, Токсово. Один раз празднование Юханнуса проводилось в городской черте Петербурга в парке Екатерингоф²³⁹.

Евангелическо-лютеранская церковь Ингрии выполняет функцию поддержки этнического сознания и содействия национальной консолидации российских финнов.

Н. В. Васильева

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ФИНСКОМУ ЯЗЫКУ В РЕСПУБЛИКЕ КАРЕЛИЯ

Преподавание финского языка в Республике Карелия обусловлено наличием обширных социально-экономических и культурно-исторических связей между Финляндией и Российской Федерацией, а также этнокультурными потребностями обучающихся, потребностями в дальнейшем получении образования, родственными

---

²³⁸ *Ylönen K. Religion and Ethnicity. P. 22.*

²³⁹ В последний раз Юханнус праздновался в 2009 году в поселке Тайцы.

карельским и вепским языками, изучаемые в системе образования республики.

Лауреат Нобелевской премии Иосиф Бродский писал: «Объединяет людей не административная система, а лингвистическая», и именно поэтому знание иностранных языков (и распространенных, и редких) играет одну из решающих ролей в налаживании взаимопонимания людей разных стран.

В Республике Карелия с середины 1970-х годов в общеобразовательных учреждениях ведется преподавание финского языка. Это стало одной из ярких особенностей региональной системы образования.

Изучение финского языка нормативно закреплено на федеральном и на региональном уровнях. В 1997 году Постановлением Правительства Республики Карелия № 225 была утверждена Концепция развития финно-угорской школы Республики Карелия, в марте 2004 года был принят Закон Республики Карелия «О государственной поддержке карельского, вепского и финского языков».

Для обеспечения преподавания финского языка как родного и как второго иностранного в системе образования республики разработаны и утверждены:

- Республиканский базисный учебный план для общеобразовательных учреждений и Республиканский базисный учебный план для общеобразовательных учреждений с этнокультурным компонентом содержания образования;

- Региональный (национально-региональный) компонент государственного стандарта общего образования, включающий стандарты по финскому языку как родному и как второму иностранному;

- Примерные программы по родным языкам (ливвиковское и собственно-карельское наречие), вепскому и финскому языкам и примерные программы по финскому языку как второму иностранному;

- Программно-методические материалы по финскому языку как второму иностранному для средней школы;

- Учебник по финскому языку для 1 класса, авторами которого являются К. И. Грузова, С. В. Коробейникова;

- Рабочая тетрадь по финскому языку для 2 класса (авторы Е. Семенова, А. Кошелева, Е. Волокославская).

Идет работа по созданию учебника для 2 класса.

В этом учебном году изучение финского языка организовано в 38 общеобразовательных учреждениях (далее – ОУ) с общей численностью 4 492 обучающихся, из них с 1 по 11 классы изучают финский язык в 4 ОУ (Финно-угорская Средняя общеобразовательная школа (далее – СОШ), Пряжинская СОШ, Калевальская СОШ, СОШ № 1 с углубленным изучением иностранных языков г. Костомукша. Углубленное изучение финского языка ведется в 5 общеобразовательных учреждениях республики: в СОШ № 1 с углубленным изучением иностранных языков г. Костомукша и школах № 3, 34, 36 и гимназии № 17 г. Петрозаводска.

В 22 ОУ финский язык изучается как иностранный язык, в частности как второй иностранный, 14 ОУ финский язык преподается факультативно.

Финский язык изучается также в Петрозаводском Педагогическом колледже (далее – ППК), колледже культуры, железнодорожном колледже, в Вярсильском, Олонецком, Кондопожском домах творчества; Доме творчества № 2, в детско-юношеском центре г. Петрозаводска.

В г. Петрозаводске организовано обучение финскому языку в дошкольном образовательном учреждении № 107, в г. Костомукша – в дошкольном образовательном учреждении «Колосок».

В рамках реализации мероприятий приоритетного национального проекта «Образование» по результатам конкурсного отбора лучших школ, активно внедряющих инновационные образовательные программы, была оказана государственная поддержка из федерального бюджета по 1 млн. рублей, в их числе 5 общеобразовательным учреждениям, где изучаются финский язык: СОШ № 3 г. Кондопоги; Гимназия № 17, СОШ № 34 и 43 г. Петрозаводска, Чалнинская СОШ Пряжинского муниципального района. Из бюджета республики 6 общеобразовательным учреждениям было выделено по 500 тыс. рублей каждому, в том числе 3 общеобразовательным учреждениям, где изучаются финский язык: СОШ № 2 г. Олонца, СОШ № 3 и Финно-угорская школа им. Э. Лённрота г. Петрозаводска.

Премиями Президента Российской Федерации и Главы Республики Карелия отмечены 4 учителя финского языка:

- Родионова Елена Васильевна, Финно-угорская школа,
- Ульянова Татьяна Васильевна, Пряжинская школа,
- Семёнова Екатерина Михайловна, Финно-угорская школа,
- Сурьялайнен Ирина Андреевна, гимназия № 17.

Школы, где изучается финский язык, принимают участие в школьных, городских и межрегиональных олимпиадах по финскому языку, конференциях и конкурсах.

Всего в общеобразовательных учреждениях республики работает 76 учителей финского языка. Это выпускники КГПА, ПетрГУ, ППК.

Хорошие результаты обучения по финскому языку у школьников МОУ Гимназия № 17, МОУ ФУШ, МОУ СОШ № 3 г. Кондопога, Пряжинской средней школы.

Средняя общеобразовательная финно-угорская школа им. Э. Лённрота г. Петрозаводска (директор Наталья Валерьевна Баркалова) является **базовой площадкой** ГОУ РК «ИПКРО» для образовательных учреждений с этнокультурным компонентом образования республики, а также площадкой по использованию современных образовательных технологий в преподавании родных языков, муниципальным ресурсным центром по поддержке преподавания национальных языков. На базе школы ежемесячно проводятся городское методическое объединение учителей финского языка, межрегиональная олимпиада по финскому языку.

За последние 5 лет 61 учитель финского языка прошли курсовую подготовку в ГОУ РК «ИПКРО». С целью популяризации изучения финского языка в Республике Карелия и за её пределами 16 марта 2006 года была создана Ассоциация учителей финского языка Республики Карелия, которая активно работает по повышению квалификации учителей, проводит конкурсы профессионального мастерства с целью повышения качества образования.

Национальное управление образования (НУО) и Министерство образования Республики Карелия сотрудничают с начала 1990-х годов и осуществили ряд совместных проектов в рамках Программы приграничного сотрудничества. Проекты профинансированы Министерством иностранных дел и Министерствами образования Республики Карелия и Финляндии.

Проект «Содействие сотрудничеству родителей, школ и местных администраций в Республике Карелия» был запущен в сентябре 2004 года. Целью проекта являлось содействие интеграции общества в образовательный процесс в целом и в сферу управления образованием, в частности. Проект сфокусирован на создании моделей, которые усилят и укрепят сотрудничество и взаимодействие между родителями, школами и муниципальной администрацией в сфере общего образования.

В 2005–2007 годах Министерством образования Республики Карелия и Национальным управлением образования Финляндии был реализован совместный проект «Преподавание финского языка как иностранного в Республике Карелия». Главная цель проекта – расширение возможностей изучать финский язык и финскую культуру в рамках преподавания финского языка как иностранного в образовательных учреждениях Республики Карелия. Результатом проекта стало создание таких учебно-методических пособий, как CD-диски с аудио- и видеоматериалами, тематические разработки, разработки внеклассных мероприятий и т.д.

В 2007 году Министерство образования Республики Карелия приняло участие в реализации проекта Министерства образования и науки Российской Федерации «Разработка учебников для обучающихся 5 классов и методических пособий для учителей по редким иностранным языкам: японский, китайский, арабский, итальянский, корейский, польский, финский, турецкий». Карельскими авторами Е. Г. Богдановой и О. А. Храмцовой разработаны учебно-методические комплексы: учебники «Финский язык» для 5, 6, 7 классов, аудиоматериалы и методические пособия для учителей. Согласно подготовленным учебным материалам, финский язык может изучаться как второй иностранный язык с 5 по 11 классы. В 2008–2009 учебном году была проведена апробация данного учебника на базе следующих школ МОУ: Финно-угорская школа, гимназия № 17, Пряжинская СОШ. По результатам апробации в этом учебном году по учебнику работают многие школы Республики Карелия. Проект продолжается, готовятся к изданию учебники для 6 и 7 классов.

В 2008–2009 году прошло апробацию учебное пособие «Дидактические материалы по финскому языку для 3–4 класса», авторов О. В. Христофоровой, М. Виноградовой.

Совместно с обществом родного языка города Хельсинки Министерство образования Республики Карелия проводит конкурс «Лучший учитель финского языка». Победители, а их уже 6, участвуют в Международном форуме «Проблемы и методика преподавания финского языка».

Образовательные учреждения республики активно сотрудничают со школами Финляндии: участвуют в проектной деятельности «Язык, спорт и окружающая среда», (гимназия № 17), «Безопасная школа» (№ 39, п. Новая Вилга, № 40, Петровская школа), «Народный календарь» (Лицей № 1), родительский клуб «У дружбы нет границ» (детский сад «Улыбка» № 49), изучают финский и карельский языки по методике «языковых гнёзд» в детских садах № 20, № 107, реализуют проект «Кристаллец» (профилактика асоциального поведения ребёнка средствами экологического образования) и т.д., ведется обмен школьниками, учителями, воспитателями.

Проблемы:

- Федеральный перечень не содержит списка учебников и учебных пособий, рекомендованных или допущенных к использованию в образовательном процессе для организации обучения финскому языку в общеобразовательных учреждениях. Муниципальные общеобразовательные учреждения использует учебники и учебные пособия, рекомендованные Министерством образования Республики Карелия.

- УМК по финскому языку со 2 по 11 классы требует обновления содержания.

Происходящие сегодня изменения в общественных отношениях, средствах массовой коммуникации использование новых информационных технологий требуют повышения коммуникативной компетенции школьников, совершенствования их филологической подготовки, способности и готовности осуществлять иноязычное межличностное и межкультурное общение с носителями языка. Все это повышает статус предмета «финский язык» как общеобразовательной учебной дисциплины.

Являясь существенным элементом культуры народов и средством передачи ее другим, изучение финского языка способствует формированию целостной картины мира, широкого кругозора, то-

лерантности и веротерпимости. Владение финским языком, как и другими иностранными языками, повышает уровень гуманитарного образования, помогает формированию личности и ее социальной адаптации к условиям постоянно меняющегося поликультурного и полиязычного мира.

Е. М. Семёнова, Л. А. Федорен

АСПЕКТЫ ОПТИМИЗАЦИИ ОБУЧЕНИЯ ФИНСКОМУ ЯЗЫКУ В МОУ «СРЕДНЯЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ФИННО-УГОРСКАЯ ШКОЛА ИМЕНИ ЭЛИАСА ЛЁННРОТА» Г. ПЕТРОЗАВОДСКА

Преподавание финского языка в школах республики имеет довольно длительную историю. На фоне этой истории МОУ «Средняя общеобразовательная финно-угорская школа имени Элиаса Лённрота» является молодым общеобразовательным учреждением, которое, несмотря на молодость, пользуется авторитетом и популярностью.

Финно-угорская школа существует уже 15 лет. 1 сентября 1994 года она открыла свои двери для 106 учеников. За это время количество желающих изучать финский язык значительно возросло, несмотря на устойчивую тенденцию снижения численности проживающих в Карелии населения, имеющего финские корни. В 2009-2010 учебном году в школе обучался 771 учащийся, в том числе финский язык изучали 733 ученика. Очевидно, что интерес к финскому языку не ослабевает. Высокий уровень популярности финского языка связан с расширением численности жителей г. Петрозаводска, вовлеченных в межэтнические контакты с Финляндией. Согласно данным опроса к представителям финской национальности относят себя около 140 учащихся финно-угорской школы, что составляет около 18%. В школе финский язык преподают высокопрофессиональные учителя: из 8 педагогов 7 – имеют высшую и первую квалификационную категорию. У всех преподавателей есть международный сертификат по финскому языку.

Целями МОУ «СОФУШ» являются:

- овладение общероссийской культурой в соответствии с федеральными и региональными стандартами образования;
- приобретение знаний национального языка, литературы, истории и культуры родного края;
- поликультурное обучение, интегрированное во все дисциплины образовательного цикла;
- воспитание этических норм межнационального общения в многонациональном коллективе, основанное на знании менталитета и традиций различных этнокультурных групп.

С 2001 года в финно-угорской школе реализуются образовательные программы начального общего, основного (общего) и среднего (полного) образования с этнокультурным компонентом образования. Это предопределяет выбор модели республиканского базисного учебного плана с этнокультурным компонентом образования.

Часы на изучение финского языка распределяются следующим образом: в 1 классе 1 час в неделю, во 2–4 классах – 3 часа, в 5–11 классах – 2–4 часа.

Основными направлениями работы учителей финского языка являются следующие:

- совершенствование качества обучения, повышение уровня знаний, умений, навыков обучающихся;
- совершенствование внеклассной работы по финскому языку;
- совершенствование методического мастерства педагога, в том числе путем использования инновационных технологий в обучении;
- формирование и пополнение информационно-методического банка.

В своей деятельности педагоги стремятся развивать личность школьника с точки зрения владения им финским языком, способного осуществлять общение на финском языке, самостоятельно совершенствоваться в овладеваемой им речевой деятельности, формировать у учащихся уважение и интерес к культуре и народу изучаемого языка, повышать уровень их мотивации к изучению финского языка, развивать их творческие способности.

С целью оптимизации учебного процесса по предмету, повышения качества образования учителя используют в своей работе со-

временные образовательные технологии (коммуникативные, информационно-коммуникационные, проектные, исследовательские, игровые технологии, технологии личностно-ориентированного обучения), нетрадиционные типы уроков. Это позволяет вывести процесс обучения финскому языку на качественно новый уровень. Именно современные образовательные технологии научают учащихся исследовательским, проектным умениям, навыкам самостоятельной работы, развивают их креативные и коммуникативные способности.

Для совершенствования качества обучения, повышения уровня сформированности ЗУН обучающихся авторским коллективом учителей финского языка была создана «Примерная программа по финскому языку» (2006 год), рекомендованная Министерством образования Республики Карелия.

Педагогами школы разработаны и реализуются следующие интегрированные модульные курсы: *«Калевала» (1–11 кл.)*, *«История и культура прибалтийско-финских народов» (10–11 кл.)*, *«Народные праздники Финляндии» (1–4 кл.)*, *«История финской литературы» (7–11 кл.)*, *«Финляндия» (1–11 кл.)*

Комплексные знания у учащихся о финском языке и культуре формируются и через организуемую педагогами научно-исследовательскую работу.

Все большее число обучающихся занимается научно-исследовательской деятельностью под руководством учителей. Ежегодно они проводят исследования по различным аспектам финского языка и культуры, представляя результаты на семинаре юных исследователей родного языка и культуры, конференциях «Леннротовские чтения» и «Шаг в будущее».

Высокий уровень преподавания финского языка подтверждает количество учащихся-призеров городской олимпиады по финскому языку (9–11 кл.), межрегиональной олимпиады по финскому языку (9, 11 кл.), «Республиканского рождественского конкурса знатоков финского языка» (5–8 кл.), городских и республиканских конференций «Лённротовские чтения» и «Шаг в будущее». За последние три года 34 ученика стали призерами олимпиад, конкурсов и конференций.

О высокой мотивации к изучению языка свидетельствует тот факт, что обучающиеся продолжают изучение финского языка

в ВУЗах Петрозаводска, профессиональных учебных заведениях и университетах прикладных наук Финляндии.

В своей педагогической практике учителя органично используют сочетание учебной и педагогически направляемой внеучебной творческой деятельности, основанной на принципах избирательности, практической реализованности, занимательности, варьировании коллективной, парной, групповой и индивидуальной работы, выборочного применения исследовательского, поискового и эвристического методов и различных приёмов обучения.

Целью внеклассной работы является воспитание культурно-образованной, интеллектуальной и духовно-нравственной личности, поддержание интереса к изучению финского языка, формирование познавательной активности учащегося.

В финно-угорской школе традиционно проводятся: *Калевальский марафон (Неделя открытых уроков, внеклассных мероприятий, «Леннротовские чтения», «Смелая девушка Айно» и пр.), День финского языка, Рождество, День финской литературы, День Дублёра, Фестиваль «Карельские самоцветы», «Рождественский конкурс знатоков финского языка», Конкурсы детского творчества (буклетов, презентаций, компьютерных игр, рисунков, стенгазет и пр.).*

К внеклассной работе по финскому языку относится и систематическое посещение Национального театра, ежегодное посещение «Недели кино Финляндии в Петрозаводске».

МОУ «СОФУШ» является муниципальным ресурсным центром по поддержке преподавания национальных языков «Этнокультурное образование», руководит городским МО учителей финского языка, является базовым общеобразовательным учреждением ГОУРК «ИПКРО» по направлению «Использование современных педагогических технологий в преподавании родных языков». Все педагоги финского языка являются членами КРОО «Объединение учителей финского языка РК», 2 педагога – заместителями председателя этой организации. Все это обуславливает проведение школой мероприятий на муниципальном и региональном уровне.

Территориальная близость к Финляндии предоставляет возможности для совершенствования практических навыков в использовании языка. Повышение практических навыков в использовании

финского языка реализуются следующими направлениями международного сотрудничества: *обменом учащимися, обменом учителями, международными семинарами, зарубежной перепиской, педагогической практикой студентов университета г. Йоенсуу, курсовой подготовкой учителей финского языка, реализацией международных проектов «Opintokerho», "Tarinoiden tutuksi", «Финский язык: от простого к сложному», «Развитие системы обучения финскому языку как иностранному в Республике Карелия» и др.*

Активизации международного сотрудничества, внеклассная работа способствуют внедрению информационно-коммуникационных технологий. Так, российско-финляндский проект "Tarinoiden tutuksi" действует в школе уже несколько лет. Это Интернет-газета для школьников. Учащиеся и учителя имеют возможность писать статьи о событиях в школе и публиковать их в газете. Как показывает педагогический опыт, подобная работа интересна учащимся своей новизной, актуальностью, креативностью.

При поддержке Центрального союза учебной деятельности Финляндии в школе организуются кружки для учащихся, родителей и учителей, заинтересованных в изучении языка и культуры: *«Шаги в финский язык», «Вечера финского языка», «Познакомимся с финским языком», «Школа: прошлое и настоящее», «Знаток финского языка», «Рождественская звезда», «Вечер песни».*

Задача развития, совершенствования, оптимизации методов обучения всегда была одной из актуальных проблем российского образования. Обучение финскому языку в школе сегодня невозможно без инновационной составляющей. Трансляция положительного опыта наших педагогов происходит посредством активного их включения в международные проекты, работу муниципальных, республиканских, межрегиональных семинаров и конференций, а также включения в рабочие группы по созданию УМК для ОУ РК, проведения открытых мастер-классов, участия в курсовой подготовке в городских, республиканских и международных проектах, написании статей в региональные издания «Столичное образование», «Вестник Карелии», сборник «Лучшее учебно-методическое пособие» и пр. Ежегодно в школе проводится ярмарка методической продукции, где учителя финского языка представляют результаты своей работы в виде сборников материалов.

К достижениям учителей финского языка можно отнести следующее:

2007–2009 – 2 учителя финского языка стали победителями Приоритетного национального проекта «Образование»;

2006–2009 – 4 учителя победили в конкурсе «Лучший учитель финского языка РК»;

2006–2009 – учителями финского языка школы изданы следующие материалы, рекомендованные к использованию в общеобразовательных учреждениях РК:

- Учебник по финскому языку для 1 класса (Юнтунен К. И., Грузова К. И., Коробейникова С. В.)

- Пропись для 2 класса (Семенова Е. М., Кошелева А. В., Волокославская Е. Л.)

- ”*Heippoa suomea*” (грамматика финского языка в таблицах.) (Семенова Е. М., Кошелева А. В., Волокославская Е. Л.)

В рамках российско-финляндского проекта «Развитие системы обучения финскому языку как иностранному в Республике Карелия» учителя школы приняли активное участие в создании учебных материалов для общеобразовательных школ (диск с презентациями уроков на финском языке, сборник КИМ-ов для 4, 9, 11 классов, сборник внеклассных мероприятий, 2 диска для аудирования).

В школе сформирован и пополняется информационно-методический банк данных, создаются и обновляются материалы контроля по всем видам речевой деятельности, материалы промежуточной аттестации в 4, 7 классах, совершенствуется тематическое планирование, составляются индивидуальные программы по предмету, планы развития кабинетов финского языка школы и др. Все материалы сосредоточены в методическом кабинете, который оснащен необходимой педагогической, методической, художественной и учебной литературой на финском языке, периодическими финноязычными изданиями («Кипиня», «Карьялан саномат», «Карелия», «Коулулайнен»). В кабинете есть компьютер, мультимедийный проектор, интерактивная доска, магнитофон, телевизор, видео- и DVD-проигрыватель, фотоаппарат, ксерокс, Интернет, что позволяет отводить значительную часть времени на использование ЦОРов. Накоплен обширный аудио-, CD-, DVD- и видеоматериал

(более 60 видов продукции на финском языке), позволяющий эффективнее использовать педагогические техники и методики.

Важными аспектами оптимизации обучения финскому языку являются: использование современных образовательных технологий, активизация форм внеклассной работы, пополнение информационно-методического банка, непрерывный профессиональный рост учителя, работы, связанные с обновлением УМК по предмету, активное включение педагогов и обучающихся в муниципальные, региональные и международные проекты, проводимый мониторинг качества обученности финскому языку.

Н. С. Братчикова

ПРЕПОДАВАНИЕ ФИНСКОГО ЯЗЫКА В МОСКОВСКОМ РЕГИОНЕ

Кафедра финно-угорской филологии основана в 2006 году по приказу ректора Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. До момента создания кафедры как самостоятельной структурной единицы преподавание финно-угорских языков велось в рамках кафедры общего и сравнительного языкознания. В разное время преподавание языков уральской группы велось такими специалистами, как профессор, д.ф.н. Караулов Ю. Н., профессор, д.ф.н. Кузнецова А. И., доцент, к.ф.н. Гуськова А. П., доцент, к.ф.н. Марцина И. Ю.

С 1990 по 1997 г.г. кафедру финно-угорской филологии возглавляла д.ф.н., проф. Кузнецова А. И. В настоящее время кафедрой руководит д.ф.н., проф. Братчикова Н. С.

На кафедре открыты три специализации: венгерский язык и литература, финский язык и литература, эстонский язык и литература.

Учебный план по (дополнительным) специализациям включает следующие дисциплины:

- Введение в спецфилологию
- Венгерский/финский/эстонский как основной иностранный язык
- Методика преподавания иностранного (венгерского/финского/эстонского) языка

- Теоретическая грамматика иностранного (венгерского/финского/эстонского) языка
- Лексикология основного иностранного (венгерского/финского/эстонского) языка
- Стилистика основного иностранного(венгерского/финского/эстонского) языка
- Введение в переводоведение и практика перевода
- История страны изучаемого языка
- История литературы страны изучаемого языка

Направлениями научно-исследовательской работы кафедры являются

- теоретическое изучение грамматического строя финно-угорских языков (поуровневое изучение)
- сопоставительное исследование финно-угорских языков
- типологическое исследование финно-угорских языков
- межкультурные контакты (на материале венгерской, финской, эстонской литератур)

Учебно-методическая деятельность ведется по специализациям:

- эстонский язык
- финский язык
- венгерский язык

Предлагаются очные программы по изучению эстонского, финского и венгерского языков как I иностранного языка и заочные программы по изучению эстонского, финского и венгерского языков как II иностранного языка.

Планируется:

- создание новых дополнительных специализаций «Деловая коммуникация», «Деловой венгерский/финский/эстонский»
- создание новых курсов по диалектологии «Венгерская диалектология», «Финская диалектология», «Эстонская диалектология» и совершенствование читаемых лекционных курсов
- подготовка научной и источниковой базы для создания курсов
- создание практических баз по подготовке специалистов в области венгерского, финского и эстонского языков

Стратегии кафедры составляют:

- стратегической задачей является возрождение финно-угроведения в рамках университета и становление кафедры как одного

из ведущих научно-исследовательских центров финно-угроведения, в т.ч. в масштабах Российской Федерации

- среднесрочной задачей является создание лаборатории по изучению языков и культур восточно-финских народов России и установление контактов с другими российскими центрами изучения финно-угорских языков и культуры

- оперативной целью является развитие научно-исследовательских связей с Институтом языкознания (Москва), финно-угорской кафедрой Санкт-Петербургского государственного университета, факультетом прибалтийско-финских языков Петрозаводского государственного университета и кафедрой финно-угорских языков и Центром языков Тартуского университета

Планируется:

- Создание лаборатории по изучению языков и культур восточно-финских народов России

- Проведение исследований по основным направлениям научно-исследовательской работы кафедры:

1. по теоретическому изучению грамматического строя финно-угорских языков,

2. по сопоставительному исследованию финно-угорских языков,

3. по типологическому исследованию финно-угорских языков,

4. по межкультурным контактам (на материале венгерской, финской и эстонской литературы)

- Публикация кафедральных сборников «Актуальные проблемы финно-угроведения»

- Проведение студенческих конференций и других мероприятий, направленных на изучение языка и культуры стран данного региона

- Проведение научных конференций в рамках университета и международных конференций по актуальным проблемам финно-угроведения

Кафедра принимает участие в работе УМО по классическому образованию. Заведующая кафедрой является сопредседателем секции уральских языков и самодийского языкознания. Студенты кафедры принимали участие в лингвистической экспедиции в Ижору, где записывали образцы речи водского языка.

Студенты принимают участие в научной конференции «Ломоносовские чтения». В 2009 году на секции «Финно-угорское языкознание» были заслушаны и активно обсуждались доклады студентов по всем направлениям специализации кафедры.

В марте 2010 года планируется проведение интерактивной дискуссии по теме «Идентичность и ментальность финно-угорских народов», в которой примут участие студенты, изучающие венгерский, финский и эстонский языки.

Т. И. Старшова

РОЛЬ ПЕТРОЗАВОДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА В ПОДГОТОВКЕ НАУЧНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ ПО ФИНСКОМУ ЯЗЫКУ

В следующем учебном году Петрозаводский государственный университет отметит 70-летие. В том же 1940 году во вновь созданном Карело-Финском государственном университете на историко-филологическом факультете была создана кафедра финно-угорских языков. На должность заведующего кафедрой был приглашен д.ф.н., проф., членкор. АН СССР Д. В. Бубрих (1890–1949), возглавлявший также кафедру финно-угорских языков ЛГУ и ИЯЛИ К.-Ф. Базы АН СССР.

В годы войны, когда университет находился в эвакуации в Сыктывкаре, кафедра была временно закрыта, но уже в 1943/1944 учебном году восстановлена. В 1945 году при ней открылась аспирантура, первая в университете.

Послевоенная деятельность кафедры осложнялась трудными материально-техническими условиями и кадровыми проблемами. Для чтения лекций приглашались специалисты институтов Научной базы АН СССР М. М. Хямяляйнен, А. А. Беляков, Х. И. Лехмус. Все ведущие лингвистические дисциплины читал Д. В. Бубрих.

Уже в 1944/1945 учебном году некоторые студенты-филологи избранные в качестве специализации финно-угорское языкознание и финскую литературу. Так, в 1945 году под руководством Лехмуса Х. И. были подготовлены дипломные работы Т. Гуттари на тему: «Сказочные мотивы в произведении А. Киви “Семеро братьев”»

и В. Эрвасти «Э. Лейно как новатор финской поэзии». Оба дипломника были известными в Карелии финно-язычными поэтами.

В 1947 году был объявлен набор на 1 и 2 курсы нового отделения – финской филологии. Оно ставило задачу подготовки научных работников по финно-угорскому языкознанию, карело-финскому фольклору и литературе. На отделении преподавались современный финский и грамматика финского языка, коми и вепский языки, карельская диалектология, введение в финно-угроведение.

Первыми выпускниками отделения стали известные ученые: литературоведы д.ф.н. Э. Г. Карху, к.ф.н. А. А. Мантере и лексикограф, к.ф.н. М. Э. Куусинен.

Педагогическую подготовку в тот период вели педагогическое училище и учительский институт.

Дальнейшую судьбу кафедры определила изменившаяся национальная политика. Несмотря на то, что в 1950-е годы доля финского населения Карелии значительно возросла за счет привлечения в республику финнов-ингерманландцев и составила рекордную в истории Карелии цифру – 27,8 тыс. человек или 4,3% населения (по данным переписи 1959 года), функции финского языка в республике стали планомерно сужаться. В 1954 году «он преподавался лишь как предмет в школах тех районов, где проживали финны и карелы. В 1956 году после возвращения Карелии статуса автономной республики его изучение в школах и вузах республики было прекращено»²⁴⁰. Вследствие этого отпала и необходимость в подготовке кадров, и в существовании кафедры. Такое предложение было внесено Карельским Обкомом КПСС в Министерство высшего образования СССР 9 июля 1958 года. В том же году приём абитуриентов на специальность «финский язык и литература» был прекращён, студенты 1–3 курсов (51 человек) были переведены на специальность «русский язык и литература», студентам 4 курса (15 чел.) была предоставлена возможность завершить образование по действующему учебному плану. Кафедра финского языка была упразднена, штатный состав передан на кафедру иностранных языков (А. Г. Морозова) и русского языка (В. С. Суханова). Некоторые сотрудники были

---

²⁴⁰ *Строгальщикова З. И.* Языковая политика в Карелии и судьбы коренных народов. Финны, карелы. М., 1992. С. 13.

уволены по сокращению штатов, в том числе заведовавшая кафедрой в период 1950–1958 годов В. Е. Злобина.

Так завершился первый этап истории финно-угорского отделения.

Несмотря на все противоречия времени, основная задача была в определённой мере выполнена. Усилиями ведущих специалистов Карелии, Эстонии и Москвы из выпускников кафедры удалось в последующие годы подготовить значительное количество специалистов в области финно-угорского языкознания и литературоведения: И. С. Галкин, И. В. Сало, А. Г. Морозова, М. И. Муллонен, М. И. Зайцева, Н. А. Лавонен, А. С. Степанова, Э. С. Киуру, Ю. Ю. Сурхаско, В. Д. Рягоев и другие. Они стали со временем ведущими учеными Карельского научного центра РАН.

Следующий документ, относящийся к истории кафедры, – это приказ министра ВССО РСФСР № 369 от 30.05.1963 г. об организации кафедры финского языка и литературы в ПГУ «в связи с возросшей потребностью КАССР в кадрах, владеющих финским языком». Ежегодный набор на отделение составил 25 человек, а с 1986 года по решению Карельского ОК КПСС прием был увеличен до 50 человек.

Первым заведующим кафедрой стала доцент А. Г. Морозова, представитель школы Д. В. Бубриха, которая руководила кафедрой с 1963 по 1974 год. На протяжении последующих лет, с 1974 по 1989 год кафедрой заведовала доцент М. И. Муллонен. С 1989 года кафедрой руководит доцент Старшова Т. И.

Основной задачей отделения на новом этапе стала подготовка учителей, преподавателей, переводческих и научных кадров. Усилия кафедры, особенно в 1960–1970-е годы, были направлены на воссоздание уничтоженной учебно-методической базы обучения. Возникла острая необходимость в создании учебников, учебных пособий и словарей для общеобразовательных школ и высшей школы. Активными авторами стали доценты А. Г. Морозова, М. И. Муллонен, Л. Э. Александрова и М. Э. Куусинен. В подготовку учебных пособий для студентов включился весь коллектив кафедры.

Многие проблемы решались, как в предыдущие, так и последующие годы, в тесном контакте с учеными ИЯЛИ КарНЦ РАН. Они принимали самое активное участие в чтении лекционных кур-

сов, руководстве дипломными и курсовыми работами, учебными полевыми практиками студентов. Чем больше у кафедры возникало проблем и возрастала значимость поставленных задач, особенно на этапе создания факультета прибалтийско-финской филологии и культуры (1993), тем теснее становилось сотрудничество вузовской и академической науки.

Наше сотрудничество выражается и в совместном научно-исследовательском процессе, в подготовке кадров высшей квалификации, в совместном проведении научных конференций. В память об основателе финно-угроведения в Петрозаводском госуниверситете и Научном центре на факультете ежегодно проводятся научные конференции «Бубриховские чтения». Тематика конференций достаточно широкая, на них обсуждаются вопросы языкознания, фольклористики, литературоведения, переводоведения, проблемы преподавания языков и др. К участию в конференциях приглашаются аспиранты, преподаватели, научные сотрудники вузов и научных центров Карелии, Ленинградской области, финно-угорских регионов России, зарубежные учёные. В следующем году состоится юбилейная, десятая конференция.

В организации конференций и публикации материалов определённую помощь оказывает Министерство Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями.

В 1995 году на факультете была открыта аспирантура по финно-угроведению, а в 2003 году – диссертационный совет по защите диссертаций на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности «Языки народов зарубежных стран Европы, Азии, Африки, аборигенов Америки и Австралии (финно-угорские и самодийские языки)». В нём под руководством выпускников факультета к.ф.н., доцента М. И. Муллонен, д.ф.н., профессоров И. И. Муллонен, П. М. Зайкова и др. специалистов успешно защитили свои кандидатские диссертации молодые ученые и преподаватели ПетрГУ, ИЯЛИ КарНЦ РАН и КГПА, также выпускники факультета: Богданова Е. В., Карлова О. Л., Беликова А. Е., Гилюева Н. М., Пашкова Т. В., Наумова М. В., Ковалева С. В., Родионова А. П.

Студентами кафедры выполняются исследования по разнообразной тематике: лексике и грамматике современного финского

языка, литературе Финляндии и Карелии, фольклору и «Калевале», методике преподавания языка, ономастике и топонимии, теории и практике перевода и т. д. Результаты исследований они докладывают на ежегодных студенческих вузовских и международных конференциях, как правило, посвящённых знаменательным датам финно-угроведения. В последние годы значительно активизировалось участие студентов и в международных студенческих конференциях МАФУН – IFUSCO. По инициативе студентов факультета, поддержанной Правительством Республики Карелия, юбилейная XXV конференция IFUSCO, была организована в мае уходящего года в ПетрГУ.

Уже в 1960–1970-е годы установились научные и образовательные связи с вузами Финляндии, которые плодотворно развиваются в настоящее время, обретая новые формы и содержание. С 1968 года Министерство образования Финляндии, а с 1969 года – Центр международной мобильности и сотрудничества СИМО финансируют ставку преподавателя финского языка и культуры. Помимо этого, практически ежегодно с чтением лекций на кафедру приезжают преподаватели из вузов, известные учёные из Финляндии. Активизировался также обмен аспирантами, студентами, преподавателями и стажерами. СИМО, Финское литературное общество, ФИЛИ, исследовательские центры и побратимские вузы оказывают помощь в приобретении новинок учебной, научной, художественной литературы и словарей, что позволяет организовывать обучение на современном уровне.

С рядом факультетов и вузов Финляндии кафедра имеет договора о сотрудничестве и участвует в совместных проектах. В настоящее время реализуются проекты «Развитие СМИ на национальных языках в Карелии» (совместно с университетом г. Тампере) и «Перевод с финского на русский и с русского на финский в поликультурном мире» (совместно с университетом г. Йёэнсуу).

Сегодня на кафедре работает 16 преподавателей и сотрудников, все они выпускники кафедры. Финский язык как специальность изучает 189 человек. Увеличение специализаций в университете, а также возросший интерес к изучению языков поставили в свое время перед кафедрой задачу преподавания финского языка как иностранного (в настоящее время его изучают 183 студента разных специаль-

ностей). Хотя в последние годы и произошло некоторое сокращение контингента, кафедра по-прежнему остаётся самым большим в России учебно-научным центром по финскому языку.

Кафедрой ежегодно выпускаются учебные пособия для студентов, в последние годы стали широко использоваться новые информационные технологии, созданы курсы дистанционного обучения по разным разделам грамматики финского языка. Существенно модернизирована и технически обновлена вся учебная база, как факультета и кафедры.

Свои коррективы в деятельность кафедры вносит постоянно меняющаяся ситуация с использованием и преподаванием финского языка в республике. Как известно, в последние десятилетия сфера употребления финского языка в Карелии значительно сузилась, произошла стремительная языковая и культурная ассимиляция финноязычного населения, значительный отток его из республики. Свою негативную роль сыграли и демографический фактор (снижение рождаемости).

Выпускники кафедры работают практически во всех высших и средних учебных заведениях республики, где преподаётся финский язык. Вместе с тем в последние годы проблема трудоустройства именно педагогических кадров усугубилась, уже на протяжении нескольких лет не поступает заявок от Министерства образования на вакансии учителей финского языка. Это является, несомненно, следствием того, что происходит сокращение преподавания финского языка в школах. Сегодня его изучает немногим более четырёх тысяч учащихся в 38 школах, в то время как, например, в 1995/96 учебном году число изучающих доходило до 13420 человек (в 103 школах). Сложившаяся ситуация создает и другую проблему – контингента и набора.

В связи с этим кафедра вынуждена вносить изменения в правила приема, учебные планы, обновлять методику, разрабатывать вариативные учебные пособия.

Учитывая современные условия рынка труда, кафедрой предпринимаются попытки создания большей вариативности специализаций. Открыта новая специализация – «переводоведение и практика перевода» с финским и английским языками. Студентам предоставляется возможность факультативного изучения специ-

альных курсов (например, по журналистике), скандинавских и английского языков.

Выпускникам кафедры по завершении учёбы присуждается квалификация «филолог, преподаватель», «филолог, переводчик», в качестве дополнительной квалификации присуждается «переводчик в сфере профессиональной коммуникации». Базами производственных практик являются учебные заведения, редакции, туристические и другие фирмы, бюро переводов и т.д. Кафедра имеет с ними долгосрочные договора.

Достаточно тесные контакты у кафедры с образовательными учреждениями, как средними профессиональными, так и с общеобразовательными. Преподаватели ежегодно участвуют в проведении межрегиональных и республиканских олимпиад школьников по национальным языкам, школьники приглашаются к участию в студенческих конференциях, периодически для них организуются курсы по финскому языку. Преподаватели выступают на методических объединениях и семинарах учителей финского языка, участвуют в рецензировании образовательных стандартов и программ, в создании методических указаний для учителей и учебников финского языка нового поколения, в создании других учебных ресурсов, в рамках совместных проектов (например, международного проекта «Развитие финского языка как иностранного в РК»).

Новые трудности для школ, а, следовательно, и для вузов создал переход на ЕГЭ. Неопределённый статус финского языка, необеспеченность школьного обучения полным комплектом учебников и сопровождающих их учебно-методических комплексов, не позволят в ближайшие годы изменить кардинально ситуацию. Хотя уже сейчас по наблюдениям учителей интерес к изучению финского языка у старшеклассников падает, так как его нельзя сдавать в качестве иностранного.

В создавшейся ситуации кафедра была вынуждена внести в очередной раз изменения в правила приема: в настоящее время на факультет принимаются абитуриенты и без знания национальных языков.

Реформа в образовании касается и высшей школы. Новые задачи выдвигает необходимость перехода на двухуровневую – бакалавр, магистр – подготовку. Нам представляется решение задачи

возможным лишь через объединение усилий родственных и однопрофильных с нами вузов для создания совместных магистерских программ.

Подводя некоторые итоги, можно отметить, что выпускниками кафедры внесен значительный вклад в развитие науки, культуры и образования Республики Карелия. Помимо педагогической и научной сферы они успешно работают в национальных культурных обществах, в издательствах, журналистике и других областях. Выпускниками кафедры являются все главные редакторы финноязычных СМИ и большая часть их редколлегий, известные в Карелии переводчики и писатели: Т. У. Викстрем, П. О. Воутилайнен, Р. П. Коломайнен, М. В. Мазаев, Т. К. Сумманен, П. А. Мутанен, П. М. Пёлля, Т. М. Флинк и др.

Вместе с тем время и современная ситуация с финским языком в Карелии ставит новые задачи и порождает многочисленные проблемы. Их, очевидно, испытывают и другие учебные заведения. Для нас сегодня актуальны задачи сохранения и развития самой кафедры, ее кадрового потенциала и контингента обучающихся, адаптация к новым реформенным условиям в высшей школе.

Для республики в целом в плане сохранения финского языка необходимо расширение сферы применения и использования языка, его преподавания. Это возможно лишь общими усилиями, при участии и поддержке государственных и общественных организаций. Чрезвычайно важно, чтобы идущие за нами поколения осознавали и чувствовали его востребованность не только во время поездок в Финляндию, но и у себя в Карелии.

А. В. Еремеев

ФИНСКИЙ ЯЗЫК В ПЕРЕДАЧАХ СЛУЖБЫ ИНФОРМАЦИОННЫХ ПРОГРАММ РАДИО И ТЕЛЕВИДЕНИЯ ГТРК «КАРЕЛИЯ»

С первого дня вещания Карельского радио, состоявшегося 21 ноября 1926 года, наравне с русским языком звучал финский. Основной направленностью передач в то время была информация и пропаганда советского образа жизни. Возглавили эту работу мигрировавшие в Советский Союз коммунисты из Финляндии.

Особенно активно радио Карелии вело разъяснительную работу в годы Великой Отечественной войны. Её диктор Сайми Виртанен (финны прозвали её «Тилтту») была объявлена врагом номер один.

В послевоенное время радио активно помогало своими передачами восстанавливать народное хозяйство, проводить в массы линию государства, пропагандировать искусство и культуру народов Карелии. В фондах карельского радио и телевидения хранятся многочисленные записи на финском языке, свидетельствующие об огромном вкладе ингерманландцев и финнов в становление и развитие Карелии.

В наши дни Служба информационных программ радио и телевидения ГТРК «Карелия» продолжает вещание на финском, карельском и вепском языках в объеме 2 часа в неделю на телевидении и 5 часов на радио.

В редакции телевидения из 7 корреспондентов 3 ведут программы на финском языке, на радио из 8 – 2, но владеют финским языком и готовят материалы на нём все сотрудники редакции. Несмотря на то, что в редакции существует деление на корреспондентов радио и телевидения, корреспонденты радио участвуют в подготовке телевизионных информационных сюжетов, в том числе и на финском языке.

В своих тематических передачах журналисты затрагивают различные аспекты жизни, участниками которых являются владеющие финским языком жители Карелии, а также граждане Финляндии. В эфире звучат передачи, подготовленные с проводимых в Карелии республиканских и международных мероприятий, мы знакомим слушателей с художественными произведениями выходящими в республике на финском языке. К сожалению, нет возможности широко освещать литературную жизнь в Финляндии, знакомиться с новинками литературы, встречаться с авторами. Поэтому мы стараемся использовать любую возможность встретиться с гостящими в Карелии писателями и поэтами, поговорить об их творчестве, узнать о тенденциях развития финской литературы. Регулярно по пятницам выходят музыкальные программы, из которых слушатели узнают о разных жанрах и исполнителях финской музыки. Эти передачи очень востребованы, особенно в кругу финноязычной молодежи.

Более 15 лет телевидение национальной редакции сотрудничает с женским объединением Финляндии «Мартат», в результате чего наши зрители познакомились со многими национальными традициями финнов. Эти передачи учат готовить, принимать гостей, ухаживать за домашними растениями и садом, шить и вязать. Благодаря «Мартат» журналисты имеют возможность изредка ездить в творческие командировки за границу и привозить эксклюзивный материал для карельских зрителей.

Давние и крепкие связи у нас и с лютеранской церковью Финляндии, представители которой частые гости нашей телевизионной студии.

Между ГТРК «Карелия» и кафедрой журналистики университета Тампере в конце 1990-х годов было подписано соглашение о предоставлении студентам возможности прохождения журналистской практики в национальной редакции компании. Это дает хорошую возможность нам для совершенствования знаний финского языка. Сегодня приходится сожалеть, что у наших коллег Союза журналистов Финляндии нет возможности как прежде проводить совместные курсы по современной журналистике. Это была очень большая помощь для финноязычной журналистики Карелии. Учитывая то, что в редакции работает много молодых сотрудников не имеющих журналистского образования, такие курсы помогали бы в совершенствовании профессионального мастерства, познанию менталитета народа на языке которого они готовят свои передачи.

Несмотря на существующие трудности, редакция и впредь намерена активно вести теле и радиовещание на финском языке. Нас смотрят, нас слушают, а с предстоящим переходом на цифровое вещание наши передачи будут ещё доступнее для населения Карелии.

Н. В. Денисова

О РОЛИ ДЕТСКОГО ЖУРНАЛА «КИПИНЯ» В ПОДДЕРЖКЕ ИЗУЧЕНИЯ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

«Кипиня» – детский, ежемесячный, иллюстрированный, литературно-художественный журнал, выходит с августа 1986 года по инициативе известного карельского писателя Якова Васильевича

Ругоева. Учредителями журнала являются Министерство образования и по делам молодежи и издательство «Периодика». В 2005–2009 годах тираж журнала составлял 1000–1200 экземпляров.

Публикации

Основные материалы издания – это проза и поэзия, познавательные статьи. Материалы на карельском и вепсском языках составляют от 4 до 20% объема журнала.

Постоянные рубрики журнала: *Pium Paum Paukkaa* (песни с нотами), *Luontokerho* (материалы о природе), «*Kipinä*» *matkustaa* («Кипиня» путешествует», материалы о городах, поселках, достопримечательностях Карелии, Финляндии, мира), *Äidin kanssa keittiössä* («С мамой на кухне», рецепты), *Askartelua* (поделки и рукоделие), *Kansat ja perinteet* («Народы и традиции»), *Kipinä kirjahylly* («Книжная полка», информация о книжных новинках, материалы о писателях), *Oma palsta* («Своя страничка», детское творчество), *Pähkinöitä purtavaksi* («Крепкий орешек», головоломки, ребусы, загадки).

Журнал предназначен для детей и подростков от 6 до 17 лет. Фактически читателями журнала являются и дети младше 6 лет, и родители, а также студенты и преподаватели. По результатам регулярного анкетирования учителей и школьников можно говорить о том, что в основном журнал используется учителями на уроках карельского, вепсского и финского языка как дополнительный материал для чтения. Несмотря на популярность издания у учителей, журнал «Кипиня» не является учебным или методическим пособием. Обычно его предлагают для работы на уроках и внеклассного чтения учащимся 5–8 классов. Младшие школьники еще не владеют языком в нужной мере, для старших используются другие издания (литературно-художественный журнал «Carelia», газета «Karjalan Sanomat»).

Небольшой процент детей читает журнал самостоятельно, вне зависимости от использования его на уроках. Это дети, которые говорят на финском, карельском или вепсском языках в семье. Самостоятельными читателями являются также и студенты, изучающие национальные языки. Издание используется также репетиторами. Некоторые родители, бабушки и дедушки также с удоволь-

ствием читают «Кипиня», хотя есть и такие, кто не знает о его существовании, в то время как ребенок регулярно им пользуется в школе. Журнал выписывают также родители для дошкольников: читают его вместе с детьми, выполняют простые задания.

Таким образом, читательская аудитория журнала «Кипиня» является разновозрастной и довольно разнообразной.

Детское творчество

Детское творчество в журнале «Кипиня» является неотъемлемой частью его содержания. Наличие той или иной рубрики в очередном номере всегда учитывается при планировании номера. Материал в рубрики тщательно отбирается.

Детские работы отражают характер, уровень развития авторов. Письма читателей помогают делиться интересной информацией, опытом и впечатлениями. Рассказы детей отражают вопросы, которые их волнуют. Сказки говорят об их неуёмной фантазии, а также о том, какие сказочные и литературные герои им известны. Сочинения на определенную тему используются на уроках.

Таким образом, творчество ребенка становится интересным и полезным для других, вызывает интерес у читателя, стимулирует его к созданию собственных работ. Публикация детского творчества является фактором, стимулирующим интерес ребят к журналу, которые хотят увидеть свои работы на страницах журнала. А творчество само по себе вызывает интерес к языкам, особенно конкурсные задания.

Конкурсы

Редакция «Кипиня» ежегодно организует творческие конкурсы для своих читателей. Основными задачами конкурсов являются развитие у читателей интереса к литературному и художественному творчеству и изучению национальных языков. Темы конкурсов тщательно продумываются. Они должны вызывать интерес и родителей, и учителей, так как взрослые часто обращают внимание ребёнка на возможность участия в конкурсе. Совместные конкурсные работы тоже приветствуются.

С 2003 года при поддержке издательства «Периодика», Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями, финских коллег журналом среди читателей, учащихся школ республики проведены конкурсы на следующие темы: «*Легенды родного края*» (*Kotimaani legendoja*), «*О чём рассказывает старая фотография*» (*Vanhan valokuvan tarina*), «*Приключения девочки Кипиня*» (*Kipinä-tytön seikkailut*), «*Тайна старой игрушки*» (*Vanhan lelun salaisuus*), «*Семейный дневник*» (*Perheen päiväkirja*), «*Мой мир – моя Карелия*» (*Minun Karjalani maailmassa*).

По итогам конкурсов лучшие детские, семейные работы поощряются призами и дипломами. Работы победителей публикуются в «Кипиня» в течение года.

Обдумывая темы конкурсов, коллектив редакции «Кипиня» ставит своей целью заинтересовать ребят, прежде всего родным языком, историей своей семьи и рода, культурой и традициями родного края. Самыми активными участниками конкурсов являются ребята из школы № 3 Петрозаводска, Пряжинской школы, ныне не существующей Контокки-коулу г. Костомукши и др. Хочется отметить, что без активного, порой настойчивого участия учителей этих школ не было бы столько интересных конкурсных работ.

На конкурс принимаются работы, выполненные на русском, финском, карельском или вепском языках. Интересно, что наличие или отсутствие работ на русском языке не влияет на их качество, только в незначительной степени на их количество.

Проекты

С 2006 года редакция журнала «Кипиня» активно участвует в разработке и реализации общественно значимых проектов. Материалы проектов, осуществляемых с помощью Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям, способствуют:

- сохранению и дальнейшему развитию карельского, вепского и финского языков в Республике Карелия;
- формированию всесторонне развитой личности учащихся, приобщению их к родным языкам, истории и культуре Карелии;
- развитию у детей языковых и лексических навыков с помощью тематических публикаций;

- укреплению авторитета семьи, базовых семейных ценностей;
- стимулированию детей младшего, среднего и старшего возрастов, изучающих финский, карельский и вепсский языки, к самостоятельному литературному и художественному творчеству на национальных языках;
- формированию у читателей толерантного отношения к культурам народов Карелии и России;
- поддержку учителей и преподавателей в условиях острой нехватки учебной и дополнительной литературы для чтения на национальных языках.

Темы проектов:

2006 год – «Родные языки в журнале “Кипиня” – достояние будущего поколения»;

2007 год – «Детский журнал “Кипиня” – за мир и согласие в Карелии», «”Кипиня” и я – верные друзья»;

2008 год – «Perehel kattil sagedembah kiehuu» – «Семейный котел гуще кипит»;

2009 год – «Финно-угорский мир: говорим о себе», *«Детское творчество – будущее традиционной культуры Карелии».*

Редакция «Кипиня» является участником социально-значимых проектов, осуществляемых с помощью Программ Министерства Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями «Карелия – территория согласия» и «Государственная поддержка карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия», а также принимает активное участие в реализации проектов, подготовленных другими редакциями издательства «Периодика».

Основные проблемы журнала

Авторы

Основные проблемы в работе редакции журнала связаны с наличием качественных художественных текстов. И касается эта проблема и финского, и карельского и вепсского языков.

Написанные сразу на финском языке в редакцию приходят в основном статьи, познавательные и развлекательные материалы, сочинения школьников. Реже появляются работы студентов. С худо-

жественными текстами дело обстоит сложнее. В основном это проза русскоязычных авторов, переведенная на финский язык. Поэзия на финском языке публикуется в «Кипиня» очень редко.

К сожалению, многие наши авторы, пишущие на финском, карельском, вепском языках, относятся к старшему поколению. А нам бы хотелось, чтобы на страницах нашего журнала как можно чаще появлялись произведения молодых авторов, звучали новые имена. В этой связи редакцией предпринимаются попытки привлечения к сотрудничеству студентов карельских ВУЗов, старшеклассников.

Подписка и школа

Одной из проблем, касающейся непосредственно финского языка, является неясная, нестабильная ситуация с изучением финского в школах, сокращение его преподавания. В связи с этим сокращается количество наших читателей и падает уровень их владения языком. Журнал напрямую зависит от этих условий.

Многие учителя в школах города и республики используют наш журнал при изучении родных языков, особенно при домашнем чтении. Редакция надеется на активное участия учителей, особенно молодых, в организации подписки на наше издание. Хотелось бы, чтобы журнал доходил до каждого ребёнка, изучающего язык, и использовался на уроках регулярно.

К сожалению, порой наблюдается нежелание учителей работать с журналом. В отдаленных уголках республики на первый план выходит отсутствие финансовых возможностей подписаться на «Кипиня».

Стремление убедить людей в том, что издания на языках коренных народов Карелии нужны жителям республики, стало каждодневной проблемой и газет, и журналов, выходящих в издательстве «Периодика». Необходимо возрождать национальное самосознание карелов, вепсов и финнов, и это работа не одних только СМИ.

Спонсорские средства: хорошо или плохо?

Помощью в организации подписки являются спонсорские средства. Так, средства «Фонда Ниило Хиландера» (Финляндия) позво-

лили в течение двух лет обеспечить подписку на журнал в школьные, сельские и городские библиотеки, общественные организации и творческие коллективы. Однако, спонсорская помощь рано или поздно заканчивается, проекты завершаются, соответственно прекращается и подписка. Возникает ещё одна проблема: каким образом продолжить сотрудничество, например с сельскими библиотеками, у которых нет возможности выписать журнал. Бывает, что и те организации, у которых есть финансовая возможность выписать «Кипиня», привыкнув к регулярно приходящим бесплатно экземплярам журнала, не желают подписываться самостоятельно.

Интерес читателей

Проблема читателя тоже входит в список основных. Подростки порой считают журнал слишком детским, хотя актуальные для них материалы мы стараемся публиковать регулярно. Младшие классы не всегда в достаточной мере владеют языком, чтобы понимать материалы, содержание которых предназначено для них. Мамы малышей-дошколят тоже желают видеть на страницах журнала материалы для своих детей. Возникает вопрос: что делать? Увеличить объем журнала или ограничить возраст читателей, которым он адресован? Проблема малой площади при широкой направленности издания будет частично решена в 2010 году. В 2010 с №1 журнал выходит на 32 полосах. Перед редакцией стоит задача увеличить процент карельского и вепсского языка не в ущерб финскому. В данный момент разрабатывается структура нового журнала, решается вопрос о разделении публикуемых материалов по тематике, возрастным рамкам и языку.

Привлечь читателя к журналу для редакции означает сохранить тираж и, следовательно, обеспечить существование журнала. Сотрудники редакции находятся в постоянном поиске новых форм и средств сохранения и увеличения читательской аудитории.

Увеличение процента карельских и вепсских текстов на страницах журнала повысит внимание школьников и учителей к изданию.

Планируется увеличить объём детского творчества, что должно заинтересовать ребят. В новом году появится новая рубрика, посвящённая работам читателей.

Редакция будет продолжать поездки с рекламными и просветительскими акциями, проводить лотереи, розыгрыши призов среди подписчиков, поиск новых тем для публикаций, молодых художников, новых авторов, пишущих на финском, карельском и вепском языках.

Сотрудники журнала «Кипиня» со своей стороны стараются делать всё, чтобы наш журнал был ярким, красочным, интересным, познавательным, а главное – востребованным нашими читателями.

И. А. Коломайнен

ХОР «ИНКЕРИ» СОХРАНЯЕТ ПЕСЕННЫЕ ТРАДИЦИИ НАРОДА

Академический хор «Инкери» был создан в апреле 1990 года при Ингерманландском союзе финнов Карелии.

Первыми руководителями стали Игорь Архипов и Элла Никитина. Игорь Архипов вот уже почти два десятилетия плодотворно работает с коллективом. Ему принадлежат обработки многих произведений из репертуара хора. В разные годы хормейстерами были Анна Даник и Евгения Васильева. В настоящее время второй руководитель коллектива – хормейстер Елена Сироткина, Игорю и Елене помогает Светлана Архипова, также опытный музыкант.

Репертуар коллектива составляют финские и ингерманландские народные песни, а также духовные, классические и современные музыкальные произведения. В 1994 году хор получил звание народного и в 2009 году подтвердил его. Хор «Инкери» принимает участие во всех мероприятиях Ингерманландского союза финнов Карелии, в городских и республиканских праздниках. Коллектив неоднократно выезжал в г. Кондопогу и г. Олонец, где выступал перед прихожанами лютеранской церкви. По приглашению пастора лютеранской церкви г. Петрозаводска хор участвует в праздничных богослужениях и выступает с программой духовной музыки перед прихожанами. Например, в 2009 году наши песни звучали на пасхальной службе, на проходившем в Петрозаводске семинаре служителей церкви Ингрии, на освящении нового здания церкви, на праздничном богослужении, посвященном первому воскресенью Адвента.

Хор участвовал в концертных программах республиканских праздников в поселках Калевала, Чална, Виданы, Эссоила и г. Кондопога. Много впечатлений у членов хора осталось от поездок в Ленинградскую область, где в ингерманландских деревнях традиционно празднуется Иванов день.

Интересными и запоминающимися были выступления хора в Финляндии на фестивале «Корни в Финляндии» (1992, Хельсинки), на праздновании 80-летия независимости Финляндии (1997, Хельсинки), на праздниках ингерманландцев в Швеции (1996, Гетеборг), в Финляндии (1998, Турку; 2000, Лахти; 2001, Раума; 2002, Тампере; 2004, 2007, Хельсинки; 2006, Хювинкя), в Эстонии (2003, Элва; 2005, Раквере; 2008, Тарту).

С большой программой духовной и народной музыки хор выступил в Финляндии перед прихожанами лютеранской церкви г. Куопио (2003) и г. Керава (2004). У хора «Инкери» появились друзья в Норвегии. Академический хор с острова Сенья приезжал в г. Петрозаводск в 2001 и 2003 годах, а хор «Инкери» совершил увлекательное путешествие в Норвегию в 2002 году. В результате дружеских связей творческих коллективов репертуар хора «Инкери» пополнился произведениями норвежских авторов, а норвежский хор разучил некоторые русские песни.

В 2008 году хор побывал в г. Сало (Финляндия), где познакомился с местным хором «Виихделауляят» и выступил на многих сценах города.

У нас есть друзья также в г. Лоймаа (Финляндия) – хор «Карьяля», с которым были встречи в г. Петрозаводске и в г. Лоймаа. Летом 2004 года хор принимал в г. Петрозаводске ингерманландские коллективы из Эстонии (г. Кохтла-Ярве и г. Вильянди) и в 2006 году – хор «Карьяля» из г. Тампере.

Поездка в г. Тарту в 2008 году на празднование 20-летия ингерманландского движения дала мощный творческий заряд. Готовясь к поездке, хор в течение четырех месяцев разучил 12 новых произведений, которые исполнялись на празднике в сводном хоре. Теперь большинство из них в репертуаре хора.

В июне 2009 года в зале музыкального училища г. Петрозаводска звучала хоровая музыка двух хоров. В тот день хор «Инкери» познакомился с мужским хором из г. Йоенсуу.

В октябре 2009 года мы принимали хор «Крещендо» из финского г. Миккели, которым руководит наш бывший концертмейстер Евгения Васильева. Наш совместный концерт состоялся в зале финно-угорской школы.

Такие творческие встречи обогащают духовно, позволяют оценить исполнительское мастерство гостей, проанализировать критически свое выступление и дают новый эмоциональный заряд для дальнейшей работы. На встречах с хорами мы обмениваемся партитурами. Так наш репертуар пополняется новыми произведениями.

В первом составе хора были исключительно люди с ингерманландскими и финскими корнями. Они пришли в хор, чтобы зазвучали песни их родителей или услышанные ими в юности песни. Большинство хористов первого состава владели финским языком. Сейчас положение изменилось: из 30 членов хора только 13, чуть более трети, владеют финским языком.

Отрадно то, что хор выстоял в трудные времена, когда люди один за другим уезжали в Финляндию на постоянное место жительства. В коллектив пришли новые члены – русские, и они с удовольствием поют финские песни.

Таким образом, хор сохраняет и популяризирует финскую музыкальную культуру в Карелии.

Г. Г. Ханенко

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ РАЗВИТИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНОГО ЦЕНТРА «ТУОМИ»

Население п. Чална Пряжинского национального муниципального района с момента его основания многонационально. Ещё лет 10 назад треть его составляли люди финской национальности: финны–ингерманландцы, финны, переселившиеся из Финляндии и Канады. На улицах, в магазинах, на рабочих местах везде – везде была слышна финская речь. Отличные труженики лесной промышленности, они значительно влияли и на культурную жизнь посёлка. Духовой оркестр, струнный оркестр, клуб финского населения «Гвоздика» – всё это свидетельства активной творческой деятельности финского населения.

В 1959 году в посёлке был создан финский хор, состоялись первые выступления коллектива под руководством композитора Каллерво Сузи, которые проходили в пору цветения черёмух. На фотографиях тех лет участницы хора стоят с веточками черёмухи. Отсюда и название коллектива – «Туоми». В репертуаре хора с тех времен и до сегодняшнего дня финская народная песня. 14 июня 2009 года ансамбль финской песни «Туоми» отметил свое 50-летие. Коллектив исполняет народные и современные популярные финские песни, является проводником идей сохранения и развития национального языка и культуры как финского народа (потомков так называемых «красных финнов»), так и финнов–ингерманландцев, получивших статус репрессированного народа Российской Федерации. Коллектив бережно хранит языковые и певческие традиции всех этнических групп финнов, популяризирует национальную культуру на поселковом, районном, республиканском и международном уровнях.

Ремёсла и прикладное творчество всегда были присущи финнам. Во многих домах стояли ткацкие станки, прялки, столярные станки. Хорошо была известна Чалнинская ткачиха Ева Икконен. Её изделия высоко оценили на Всесоюзной выставке в Москве, и заслуженная награда победителя ВДНХ была вручена уже её дочери.

Известный в Республике Карелия резчик по дереву Илмари Сало воспитал не одно поколение мальчишек Чалны. Работы Илмари демонстрировались на районных и республиканских выставках.

Так что этнокультурный центр «Туоми», открытый в п. Чална в ноябре 2004 года выставкой «Чалнинский вернисаж», возник не вдруг и не на пустом месте. Нам осталось только продолжить добрые традиции, сохранить их и преумножить.

За эти годы центр реализовал много проектов, направленных на сохранение и развитие финской и карельской культур.

Один из первых проектов – «Школа финской культуры», – направленный на развитие языка, костюма, песенной и хореографической культуры, был поддержан Международным Благотворительным фондом им. Д. Лихачева. В рамках проекта прошли курсы финского языка для взрослых. Начал работу Театр национальной моды «Тяхдет», были сшиты костюмы ансамблю «Туоми», состоя-

лись Дни финской культуры Пряжинского района, записан первый CD-диск с программой ансамбля.

В 2005–2006 годах был реализован проект «ШОВ» («Школа обучения взрослых»), в 2008 году – проект «ШРМ» («Школа ремесел для мужчин»). Далек за пределами Карелии известен наш Международный сельский фестиваль финно-угорских народов «Сугу-ваставунду» («Родовое гостевание») по традициям карельского народа.

Ежегодно «Туоми» отмечает финский праздник «Юханнус», «День матери» и др. Эти проекты закрепились в деятельности центра «Туоми», став этнически значимыми. Они помогают общению на финском языке, сохраняют традиции, ремесла, язык, костюм, культуру.

Проходят международные встречи, издан второй CD-диск ансамбля «Туоми», осуществляются гастрольные поездки творческих коллективов.

Российские финны – репрессированный народ. Но и сегодня, спустя десятилетия после тех давних событий, финны хотели бы сохранить родной язык и культуру в местах компактного проживания своего народа в России.

Ведь не все финны рвутся выехать на постоянное место жительства в Финляндию. Появились смешанные браки, но культура, заложенная первыми переселенцами из Финляндии, Канады, Ингерманландии в Чалну, жива до сих пор. В Чалне дети имеют возможность изучить родной язык бабушек и дедушек в школе. Для взрослых организованы курсы финского языка при этнокультурном Центре «Туоми».

Хотелось бы получить финансовую поддержку для изучения финского языка среди взрослого населения в ЭКЦ «Туоми».

Российские финны, проживающие на территории Карелии, надеются на внимание государственных органов в деле сохранения и развития культуры российских финнов.

РЕКОМЕНДАЦИИ

Межрегиональной научно-практической конференции «Российские финны: вчера, сегодня, завтра»

Межрегиональная научно-практическая конференция «Российские финны: вчера, сегодня, завтра» посвящалась изучению и обобщению опыта работы органов государственной власти и местного самоуправления, учреждений науки, образования, культуры, средств массовой информации, национальных общественных объединений Республики Карелия и Ленинградской области по сохранению, развитию и использованию этнокультурного и языкового потенциала российских финнов, изучению их вклада в социально-экономическое и культурное развитие Российской Федерации и Республики Карелия.

Участники конференции, обсудив широкий круг проблем прошлого, настоящего и будущего российских финнов, значительное внимание уделили нерешенным проблемам российских финнов: не определён статус финского языка, отсутствует федеральный перечень учебников и учебных пособий по финскому языку, нет единого государственного экзамена по финскому языку для выпускников средних общеобразовательных учреждений, межрегиональная олимпиада по прибалтийско-финским языкам среди обучающихся средних общеобразовательных учреждений не включена в перечень Всероссийских олимпиад, не применяется повышающий коэффициент приоритетности образовательной программы за проведение занятий по карельскому, вепсскому и финскому языкам, отсутствует творческая программа, основанная на музыкальном культурном наследии российских финнов.

Учитывая современное демографическое, этнокультурное, этноязыковое состояние российских финнов, участники конференции отмечают: дальнейшее их развитие нуждается в серьезной государственной поддержке и внимании. В связи с этим конференция рекомендует:

1. Исполнительным органам государственной власти Республики Карелия и Ленинградской области, реализующим полномочия в сфере государственной национальной политики:

– в рамках региональных целевых программ регулярно обсуждать вопросы реализации мер государственной поддержки сохранения, развития и использования финского языка и культурного наследия российских финнов,

– развивать сотрудничество исполнительных органов государственной власти, местного самоуправления, научных организаций, учреждений образования и культуры, национальных общественных объединений и религиозных организаций, направленное на сохранение этнической идентичности российских финнов,

– содействовать созданию условий для развития этнокультурного потенциала российских финнов через развитие деятельности НП «Межрегиональный центр по поддержке прибалтийско-финских народов «Корела» (г. Олонец),

– содействовать реализации инновационных форм творческой инициативы российских финнов, направленных на формирование у молодого поколения ответственности за будущее своего народа,

– продолжить практику издания словарей, учебной литературы, художественных произведений на финском языке, научной и научно-популярной литературы по истории, этнографии, традициям российских финнов;

– содействовать выпуску печатных и электронных средств массовой информации на финском языке;

2. Исполнительным органам государственной власти Республики Карелия, г. Санкт-Петербурга и Ленинградской области, реализующим полномочия в сфере образования:

– инициировать обращение в Министерство образования и науки Российской Федерации:

– о присвоении финскому языку официального *статуса иностранного языка* на общегосударственном уровне,

– о создании федерального перечня учебников и учебных пособий по финскому языку.

– о введении единого государственного экзамена по финскому языку как формы итоговой аттестации выпускников средних общеобразовательных учреждений,

– о включении межрегиональной олимпиады по прибалтийско-финским языкам среди обучающихся средних общеобразовательных учреждений в перечень Всероссийских олимпиад,

- сохранить практику преподавания финского языка *как родного* в рамках предметов и тем этнокультурной направленности;
- создать организационно-управленческих механизмов, обеспечивающих реализацию государственных гарантий доступности и равных возможностей получения качественного образования с учетом местной языковой и этносоциокультурной специфики;
- обеспечить разработку и издания учебно-методических комплексов по финскому языку нового поколения с учетом вариативных моделей изучения языка;
- предусмотреть в рамках реализации региональных целевых программ проведение мероприятий, направленных на повышение качества владения детьми и молодежью финским языком;
- обобщить и распространить опыт образовательных учреждений по развитию языковой среды и обеспечить информационную и материальную поддержку наиболее востребованных инновационных практик;
- сохранить практику проведения ежегодного профессионального мастерства «Учитель года» в номинации «Лучший учитель карельского, вепсского, финского языков»;
- оказывать всестороннюю поддержку деятельности КРОО «Объединение учителей финского языка Республики Карелия»;
- оказывать поддержку сетевого взаимодействия учебных заведений разного уровня с преподаванием финского языка в Республике Карелия, Санкт-Петербурге, Ленинградской области и других регионов;
- содействовать повышению качества курсовой подготовки учителей финского языка в направлении использования современных образовательных технологий.

3. Исполнительным органам государственной власти Республики Карелия, Санкт-Петербурга и Ленинградской области, реализующим полномочия в сфере культуры:

- продолжить практику издания пьес на финском языке, научной и научно-популярной литературы о культуре российских финнов, аудиозаписей произведений на финском языке;
- содействовать некоммерческим организациям в реализации этнокультурных проектов, программ и мероприятий, направленных на сохранение культуры российских финнов;

– содействовать работе творческих коллективов, деятельность которых направлена на сохранение культурного наследия российских финнов;

– содействовать в организации и проведении мероприятий, посвящённых 90-летию со дня рождения композитора Гельмера Синисало (июнь, 2010 год);

– содействовать деятельности этнокультурных центров, реализующих программы и проекты развития этнокультурного потенциала российских финнов

– содействовать созданию Государственным национальным ансамблем Республики Карелия «Кантеле» творческой программы, основанной на музыкальном культурном наследии российских финнов.

4. Органам местного самоуправления Республики Карелия и Ленинградской области:

– содействовать созданию условий для непрерывного изучения финского языка на всех уровнях образовательного процесса, включая дошкольное образование, при изучении тем и предметов этнокультурной направленности,

– в рамках программ деятельности образовательных учреждений дополнительного образования детей и учреждений культуры предусмотреть реализацию этнокультурных программ, проектов и мероприятий, направленных на поддержку языка и культуры российских финнов,

– при установлении должностных окладов педагогическим работникам муниципальных образовательных учреждений в условиях новой системы оплаты труда применять повышающий коэффициент приоритетности образовательной программы за проведение занятий по карельскому, вепсскому и финскому языкам,

– содействовать реализации Закона Республики Карелия от 19 марта 2004 года № 759-ЗРК «О государственной поддержке карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия» в части использования финского языка в наименованиях учреждений и организаций сфер образования, культуры, науки, СМИ.

5. Общественным объединениям, представляющим интересы российских финнов:

– инициировать реализацию этнокультурных и программ, проектов и мероприятий, направленных на сохранение языкового и этнокультурного потенциала российских финнов,

– содействовать расширению приграничного сотрудничества с Республикой Финляндия при реализации совместных общественно значимых программ и проектов,

– принять участие в реализации общественно значимых мероприятий, посвященных 90-летию Республики Карелия

– оказывать всестороннюю поддержку деятельности этнокультурных центров на территории Ленинградской области и Республики Карелии.

Контроль за исполнением рекомендаций Межрегиональной научно-практической конференции «Российские финны: вчера, сегодня, завтра» возложить (поручить) на Государственный комитет Республики Карелия по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, «Ингерменландский союз финнов Карелии».

Реализацию рекомендаций Межрегиональной научно-практической конференции «Российские финны: вчера, сегодня, завтра» обсудить на мероприятиях, посвященных 25-летию КРОО «Ингерманландской союз финнов Карелии» (2014 г.)

Научное издание

**РОССИЙСКИЕ ФИННЫ:
ВЧЕРА, СЕГОДНЯ, ЗАВТРА**

*Материалы межрегиональной
научной конференции, посвященной 20-летию
Ингерманландского союза финнов Карелии*

*Печатается по решению Ученого совета
Института языка, литературы и истории*

Технический редактор *Н. Л. Шибанова*
Оригинал-макет *Т. Н. Люрица*

Сдано в печать 19.11.10. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 10,0. Усл.-печ. л. 12,1. Изд. № 162.
Тираж 300 экз. Заказ 914

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50